ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

12 августа 1987 г.
№ 33 (5151)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ
ВЫХОДИТ
ЦЕНА 20 ко

ПЕРЕСТРОЙКА: ШАГ ЗА ШАГОМ

Геннадий ХЛЕБНИКОВ

КОМУ СТРОИТЬ ДОМ?

ИНИЦИАТИВА, самостоятельность, ответственность, риск... Именно эти качества участников нынешней перестройки выделил М. С. Горбачев, выступая на прошлой неделе в Раменском районе Московской области. Выделил, бесспорно, не случайно. Действительно, можно ли без предприимчивости, без смелых, неординарных решений осилить накопившиеся проблемы?

Конечно, после июньского Пленума ЦК КПСС прошло каких-то полтора месяца, и рано говорить о серьезных изменениях на экономическом фронте, о материальных прибавках. Но наличие реальной программы действий — уже немало. Такая программа дает надежду, решимость. Ее влияние ощущаешь все больше. Я и мои земляки, с которыми общался в эти дни, верим, что сдвинем наконец с места машину нашей экономики, столько лет буксовавшую по самым разным причинам.

Пишу подобное не потому, что неисправимый оптимист. Нет, собственная моя жизнь, судьба моего города Комсомольска-на-Амуре, куда приехал более полувека назад из Ленинграда, с Путиловского завода, давно научили реализму. И тем не менее опыт подсказывает: энтузиазм перестройке нужен, как необходим он был и первостроителям 30-х годов.

Когда-то мы, молодые люди первых пятилеток, работали, не считаясь ни с какими трудностями, и с этой точки зрения даже спустя десятилетия нам не в чем упрекнуть себя.

Шли годы, и мы, старшее поколение, стремились передать своим детям и внукам привычное нам отношение к деньгам как к чему-то условному, не свойственному природе социализма. К просчетам в руководстве экономикой прибавляли наивную веру в неизбежность уравнительных начал в оплате труда, видя в уравниловке социальную справедливость. Не потому ли теперь, в пору решительных экономических преобразований, многим из нас не так легко сразу отказаться от старых понятий? Не без внутреннего сопротивления, признаюсь, воспринимаю пока слова: рентабельность, прибыль, оборачиваемость рубля...

Давняя дружба у меня с бригадиром каменщиков Михаилом Ивановичем Куликовым. Свыше двухсот зданий построила его бригада в Комсомольске — жилые дома, драматический театр, Дом молодежи, Дом пионеров... Как-то после июньского Пленума я задал ему вопрос: не заслонит ли рубль наши нравственные ценности?

— Об этом и речи не может быть! — возразил Куликов. — Рабочий человек на первое место ставил и будет ставить общественную пользу труда. К сожалению, только до сих пор было мало перемен к лучшему. Возьмите вон бригадный подряд. Сколько о нем сказано, а все ни с места. Или планирование. Моей бригаде до сего дня не определяют четкого плана на год. И это во время перестройки!

«Главное, чтобы было кому строить дом и чтобы хотелось построить его своими руками добротно, красиво, на совесть», — подчеркнул Куликов. И я вижу в его словах глубокий дополнительный смысл: строить дом — значит строить нашу жизнь. Своими руками. На совесть. И потому свою последнюю повесть, сданную в Хабаровское книжное издательство, я так и назвал — «Кому строить дом».

Перестройка требует ответственности — профессиональной и человеческой. И эту ответственность, по-моему, мы чувствуем все больше. Люди вокруг не стесняются открыто размышлять о происходящем, искать в наболевшем не только повод для очередных отстраненных от себя упреков. А раз так, то можно, полагаю, рассчитывать и на главное: линия на перестройку не обернется еще одной вялой политической кампанией, реальные результаты не заставят долго ждать. И это — наша надежда и наша уверенность.

КОМСОМОЛЬСК-на-АМУРЕ

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ...

У семисот тысяч студентов, как обычно, идет трудовой семестр. Разница лишь в том, что в этом году многие ребята поменяли на форменной одежде нашивки «ВСО» на «ЛСО» (линейный студенческий отряд). Раньше они занимались в основном строительством. Теперь студенческие отряды педагогов, медиков, проводников, докеров, продавцов и многих других специальностей трудятся в различных уголках страны.

Недавно в Москве состоялось Всесоюзное селекторное совещание с руководящими работниками партийных и советских органов, представителями комсомольских, профсоюзных, других общественных организаций на местах, посвященное итогам первой половины нынешнего трудового семестра. На совещании отмечалось, что в этом году восстановлен принцип добровольности участия в студенческих отрядах, ребятам предоставлено гораздо больше самостоятельности в решении хозяйственных вопросов, но проблем остается еще много.

На нашем снимке — студентки третьего курса Московского института управления Татьяна Устинова и Ирина Осауленко на улицах столицы с фирменными корзинками «Мосцветторга».

В солнечном июле 150 девушек вышли к людям с алыми, чайными, кремовыми розами, красными, белыми гвоздиками, гладиолусами.

Цветы украсили шумные городские улицы, тихие бульвары, прохладные вестибюли станций метро. Цветы нужны всем!

Фото Т. БАЖЕНОВА

Возвращение «строптивого»

Бывший начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля Красноярского края Н. Клепачев, в защиту которого «ЛГ» выступала больше трех лет, восстановлен на работе.

Впервые наши читатели узнали о Клепачеве из очерка П. Волина «Укрощение строптивого», напечатанного 1 февраля 1984 года. Автор рассказал о том, как начальник красноярской краевой

Сегодня редакция может с удовлетворением сообщить читателям, что в условиях гласности, развития демократии, учета общественного мнения справедливость и правда в конечном счете восторжествовали. Красноярский крайисполком проявил сейчас принципиальность и восстановил Николая Александровича Клепачева на прежней работе. Он вновь приступил к своим обязанностям начальника краевой инспекции Государственного архитектурно-строитель-

ноярск выезжал наш корреспондент, он досконально проверил факты, использованные в «Красноярском рабочем». Выяснилось, что они бездоказательны или вообще не имеют отношения к Клепачеву. Сегодня, в день выхода номера, мы направили подробный отчет об этом, основанный на документах и свидетельствах, в редакцию «Красноярского рабочего». Как нам представляется, она вполне могла бы его опубликовать, удовлетворив тем самым интерес своих чи-

Возвращение «строптивого»

Бывший начальник инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля Красноярского края Н. Клепачев, в защиту которого «ЛГ» выступала больше трех лет, восстановлен на работе.

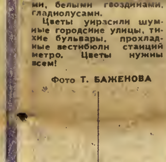
Впервые наши читатели узнали о Клепачеве из очерка П. Волина «Укрощение строптивого», напечатанного 1 февраля 1984 года. Автор рассказал о том, как начальник красноярской краевой инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля, непримиримо боровшийся с приписками и браком в строительстве, чем «подводил» любителей громких рапортов, был уволен со своего поста. Редакция получила сотни откликов читателей, взволнованных этим фактом и поддержавших выступление газеты.

На протяжении трех с половиной лет мы продолжали следить за судьбой человека, не желавшего идти ни на какие компромиссы с совестью. Рассказали и о его сложном, «взрывном» характере.

Сегодня редакция может с удовлетворением сообщить читателям, что в условиях гласности, развития демократии, учета общественного мнения справедливость и правда в конечном счете восторжествовали. Красноярский крайисполком проявил сейчас принципиальность и восстановил Николая Александровича Клепачева на прежней работе. Он вновь приступил к своим обязанностям начальника краевой инспекции Государственного архитектурно-строительного контроля.

Нельзя не отметить, что незадолго до этого газета «Красноярский рабочий» поместила большой материал, в котором Клепачев обвинен, что называется, во всех смертных грехах, поставлен под сомнение его моральный облик. Об этом нам написали красноярские читатели, возмущенные публикацией. Многие указывали, что факты в ней недостоверны, а некоторые недоумевали: какая же газета права? Теперь это ясно из принятого крайисполкомом решения. Но хотим добавить следующее. В Красноярск выезжал наш корреспондент, он досконально проверил факты, использованные в «Красноярском рабочем». Выяснилось, что они бездоказательны или вообще не имеют отношения к Клепачеву. Сегодня, в день выхода номера, мы направили подробный отчет об этом, основанный на документах и свидетельствах, в редакцию «Красноярского рабочего». Как нам представляется, она вполне могла бы его опубликовать, удовлетворив тем самым интерес своих читателей. Полагаем, что это как раз в духе времени.

В заключение хотим от души поздравить Николая Александровича Клепачева, доказавшего свою стойкость и гражданское мужество, а также поблагодарить тех читателей, которые с горячей заинтересованностью и вниманием отнеслись к нашим выступлениям в защиту человека, проявившего высокую социальную активность и верность своему партийному долгу — качества, так нужные каждому из нас в условиях перестройки.



ми, белыми гвоздиками, гладиолусами.

Цветы украсили шумные городские улицы, тихие бульвары, прохладные вестибюли станций метро. Цветы нужны всем!

Фото Т. БАЖЕНОВА

ЭДИНБУРГ: ТРИ НЕДЕЛИ ФЕСТИВАЛЯ

Фестиваль искусств в Эдинбурге, открывшийся в воскресенье, имеет и давнюю историю, и высокий международный авторитет. Сюда приглашены известные исполнители и творческие коллективы из многих стран мира. Но преобладающий цвет в спектре нынешнего фестиваля — красный: наша обширная программа посвящена 70-летию Великого Октября. Три недели здесь будут выступать ленинградский Большой драматический театр имени Горького, оркестр и солисты Большого театра Союза ССР, квартет имени Шостаковича, узбекский ансамбль народной музыки, «Сиверко» — фольклорный коллектив из Архангельска, Тбилисский государственный театр марионеток, Театр-студия на Юго-Западе из Москвы. Но не только обширной художественной программой представлена наша культура в Эдинбурге. В рамках фестиваля проходят диспуты о современном развитии литературы и искусства, о том, как обновляется эта сфера духовной жизни в нашей стране. В понедельник состоялся «круглый стол», в котором с советской стороны приняли участие В. Карпов, Е. Евтушенко, Ф. Искандер, В. Коротич, Г. Красников, О. Чухонцев. Предстоит разговор об изменениях в театральной жизни нашей страны. В нем примут участие режиссеры О. Ефремов, Г. Товстоногов, драматург А. Дударев. «Советские средства массовой информации сегодня» — в этом разговоре примут участие Г. Боровик, В. Коротич, представители «Правды», «Советской культуры», «Литературной газеты».

Недавно газета «Гардиан» сообщила, что, согласно опросам общественного мнения, в Великобритании меньше, чем в других странах, верят в успех перестройки, осуществляемой в Советском Союзе. В ответ на просьбу прокомментировать это сообщение директор фестиваля Фрэнк Данлоп сказал, что не согласен с таким утверждением, что с каждым днем растет интерес англичан к переменам в нашей стране. И он уверен, что три «русские недели» в Эдинбурге, которые предварены вдохновляющим приветствием М. С. Горбачева, будут способствовать ускорению этого процесса.

Спец. корр. «ЛГ»

ВСТРЕЧИ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Дни российской литературы под девизом «Писатели России — флоту» прошли за Полярным кругом в Мурманске. Писательская делегация, возглавляемая председателем правления СП РСФСР С. Михалковым, побывала у моряков атомохода «Россия», на кораблях Краснознаменного Северного флота, встретилась с молодыми северянами на берегу. А. Алексин, С. Бобков, В. Поволяев, А. Проханов, Г. Регистан, А. Салуцкий, Э. Зимин, главный редактор журнала «Советский воин» Ю. Виноградов, мурманчане Л. Крейн и В. Тимофеев вели серьезный, откровенный разговор с читателями о путях развития современной литературы, и в частности о произведениях на военно-патриотическую тему, о наиболее интересных публикациях последнего времени. Состоялись десятки литературных вечеров, диспутов, бесед.

В Днях российской литературы на Северном флоте приняли участие первый секретарь Мурманского областного комитета КПСС В. Н. Птицын, командующий Краснознаменным Северным флотом адмирал И. М. Капитанец.

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

Обсуждению нового положения об авторском праве было посвящено заседание секретариата правления СП СССР. Председательствовал В. Карпов.

Разговор шел о новых принципах этого положения в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении условий деятельности творческих союзов» от 14 февраля 1987 г.

В апреле решением секретариата правления СП СССР была создана комиссия для подготовки предложений по совершенствованию авторского права в области литературы и упорядочению авторского гонорара за использование произведений советских писателей. С итогами работы комиссии, которая учла предложения по авторскому праву, поступившие из всех союзных республик, Московской, Ленинградской и других писательских организаций страны, ознакомил собравшихся ее председатель А. Салынский.

Свои предложения, пожелания, замечания по этому вопросу высказали М. Воронкова и А. Орлов (ВААП), В. Климов и Д. Мамлеев (Госкомиздат СССР), С. Михалков, С. Баруздин, Ю. Идашкин, А. Жуков, В. Осипов, Ю. Бондарев, Е. Сидоров, К. Скворцов, В. Розов, Ю. Грибов, В. Еременко («Советский писатель»), А. Алексин, И. Винокуров, Л. Устинов, Ю. Тарский.

Секретариат отметил, что новый проект имеет очень важное значение как для писателей, так и для всего литературного процесса в целом и разработка его продиктована теми социально-экономическими преобразованиями, которые происходят сегодня в нашем обществе. Вместе с тем было указано, что ряд предложенных комиссией позиций требует определенной корректировки и уточнений.

На заседании присутствовал заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС В. К. Егоров.

«БАЙКАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ»

«Экология и мир, экология и литература» — тема встречи советских и японских писателей, проходившей в Иркутске пять дней. В своих выступлениях писатели касались многих проблем, уделив наибольшее внимание защите природы от промышленных выбросов, сохранению в чистоте водных источников.

Литераторы двух стран совершили двухдневное плавание по Байкалу, побывали в бухте Песчаной и на острове Ольхоне.

Используя опыт участия общественности в охране природы Байкала, советские и японские писатели объявили о начале «Байкальского движения», цель которого — защита от загрязнения источников пресной питьевой воды в различных регионах планеты, повышение роли литературы в борьбе за охрану окружающей среды.

Для подготовки программы нового движения создан Организационный комитет, в который с советской стороны вошли писатели Валентин Распутин и Зорий Балаян, а с японской — известный в Японии прозаик Вахэй Татэмацу и литературовед, переводчик Нобукки Накамото. Очередную встречу участников «Байкальского движения» решено провести в будущем году на озере Севан в Армянской ССР, затем планируется встреча на берегах одного из крупнейших озер Японии — Бива.

«ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ЛЕТУЧКА»

Подведены итоги читательского голосования за лучшие материалы 29-го и 30-го номеров «Литературной газеты».

В «ЛГ», № 29 наиболее интересными публикациями признаны: «Кто-то, кое-где, еще порой» В. Жигунова, «Иди и смотри» С. Чупринина, «Перечитывая Некрасова» Н. Скатова, «Тайны следствия» О. Чайковской (этот материал набрал абсолютное большинство читательских голосов), «Хотим открыть школу на кооперативных началах» Н. Логиновой и Г. Крейдлина, «Подмена» А. Борина и Ю. Пыля.

В «ЛГ», № 30 лучшими читатели назвали: «Два взгляда на одну проблему» («Научимся ли уважать любителя?» Р. Мустафина и «Графоману — графоманово...» Н. Старшинова), «Разные дни человека» (беседа И. Ришиной с писателем А. Битовым), «Литавры подождут...» Н. Никонова, «Группа риска» О. Мороза, «Как человек становится бродягой» А. Стависского, «Политика — это привилегия всех» Е. Евтушенко.

Благодарим всех читателей, активно принимающих участие в работе «летучек». В ближайших номерах мы познакомим вас с результатами голосования по 31-му и 32-му номерам «ЛГ». А сейчас предлагаем оценить публикации сегодняшней «Литературной газеты» № 33.

По страницам республиканских литературных газет

«СИРП Я ВАЗАР» — ВЧЕРА И СЕГОДНЯ...

ГАЗЕТА «Сирп я вазар» («Серп и молот»), орган всех творческих союзов республики и Министерства культуры ЭССР, издается с октября 1940 года. Выходит по пятницам на 16 страницах.

Перелистаем страницы номеров за текущий год. Можно ли заметить, что после январского Пленума ЦК КПСС с «Сирп я вазар» произошли кардинальные изменения, как с некоторыми другими печатными органами? Конечно, они есть, хотя «Сирп» (так сокращенно называют газету в Эстонии) была и раньше одним из самых популярных изданий, рупором прогрессивных идей. Но новое время требует и новых подходов.

В атмосфере гласности можно прямо и открыто говорить обо всем, что наболело, но оказалось — это не так просто. Особенно, например, для той части деятелей культуры — потенциальных авторов газеты, которые привыкли жить в условиях, не благоприятствовавших открытому разговору.

Известный в республике публицист А. Вахеметса в статье, озаглавленной в духе фильма Ю. Подниекса — «Легко ли быть человеком среднего возраста?», пишет о том, насколько глубоко в душах людей его поколения засел комплекс опасения, мешающий по-настоящему свободно мыслить. Автор этого яркого исповедального эссе обращается к представителям поколения пятидесятилетних с вопросом: почему многие из нас, обладая способностью мыслить здраво, остркритически, оставались все же приспособленцами, прятались в тень, находили тысячу оправданий своей пассивности? А. Вахеметса призывает к тому, чтобы в новых условиях, когда пробил, как он пишет, «час Большой правды», его поколению следует освободиться от скепсиса и комплексов и быть на уровне требований времени.

Процесс демократизации и гласности, возможность говорить не метафорами, а прямо и откровенно, породил неожиданную проблему культуры споров, дискуссии.

Главный редактор журнала «Таллин» О. Утть в серии статей в «Сирп я вазар» (за них он был награжден журналистской премией имени Я. Анвельта) поднял, в частности, и эту проблему, отмечал, что, к сожалению, мы «получили в наследство больше навыков мышления и поведения авторитарного, чем демократического». Относиться терпимо к оппонентам не так легко. О. Утть подчеркивает, что терпимость в споре не означает прекращения борьбы различных точек зрения. Но разговор должен проходить по-деловому, без унижения противника, и тогда решающим становится не должность спорящих или сила голоса, а весомость аргументов.

А как же в самой газете «Сирп я вазар» обстоит дело с борьбой различных точек зрения? Со смелой я открытой постановкой вопросов литературно-неопролеткультовски» зачеркивают целые периоды истории нашего государства и развития литературы. Перестройка тесно связана и с объективным осмыслением прошлого, но мы не должны допускать крайности, изображая нашу историю лишь как цепь ошибок...

Много места на страницах «Сирпа» уделяется обсуждению различных экономических концепций.

Блестящее умение диалектически рассматривать социальные и общественные формы современного капитализма, чего нам сегодня зачастую недостает в международной публицистике, продемонстрировал в своих размышлениях о поездке в США известный писатель Ю. Туулик. Публицистика Т. Калласа раскрывает тему национальных отношений, выявляет некоторые тенденции в их развитии, критикует идеологическую близорукость и ошибки ответственных за эту сферу работников.

Интересен диалог между двумя авторитетными литературоведами — А. Таммом и В. Беззубовым. Анализируя литературный процесс, они не ограничивают себя рамками республики, а обращаются к опыту всей советской литературы. Говорят откровенно, каждый отстаивает, не обходя острых углов, и принципиальную личную позицию.

Перелистывая страницы газеты, видишь, как возросла активность творческой и научной интеллигенции. Писатели А. Валтон, Л. Мери, В. Бээкман первыми заговорили об экологических и социальных проблемах, которые возникли из-за узковедомственного подхода к фосфоритным разработкам в северо-восточной Эстонии. Широкий отклик получило на страницах «Сирпа» движение за создание в республике Общества охраны памятников старины. Заметными публикациями по этому вопросу явились статьи ученых Ю. Кахка и А. Вийреса.

Важное место в работе газеты в течение последнего десятилетия занимали проблемы архитектуры. «Сирп я вазар» ежегодно присуждает свой приз в этой области.

О межнациональных взаимосвязях и интернациональном воспитании сегодня мы должны говорить в полный голос как о проблемах, влияющих на судьбы всей советской культуры. У нас в этой области имеется еще немало такого, что вызывает озабоченность. До сих пор не решен вопрос о помещении для музея уникальнейших экспонатов материальной и духовной культуры не только эстонского, но и всех финно-угорских народов, число этих экспонатов достигает уже 800 тысяч, в запасниках томится до 98 процентов фонда изобразительного искусства Эстонии, в том числе и советского периода. Эти богатства принадлежат всему многонациональному народу нашей страны, и кому, как не газете «Сирп я вазар», бить здесь тревогу?

Не очень серьезным выглядит подход газеты к некоторым вопросам развития театрального искусства. Помнится

Мирза ИБРАГИМОВ, Герой Социалистического Труда

РОДИНУ ДРУГ В ДРУГЕ ОБРЕСТИ!

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

О ТОМ, что дружба наших народов, определяющее их взаимоотношения чувство интернационализма являются поистине величайшим завоеванием советского общества, каждодневно напоминает сама жизнь.

Открываешь газеты. Вот очерк о простом крестьянском парне, 19-летнем солдате Рахибе Мамедове, погибшем при спасении жителей грузинского села от разбушевавшейся стихии. О нем написана поэма, которая называется «1=28». 28 человеческих жизней спас Рахиб, отдав свою жизнь, как и те его родные и близкие, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны, защищая нашу общую Родину. Среди трудолюбивых, смелых и честных людей рос Рахиб. Много читал. Русскому языку и литературе его учил уважаемый на [illegible] человек, учитель с 50-летним стажем. Самые любимые книги в доме Мамедовых — произведения Самеда Вургуна, Пушкина, Н. Островского...

Интернационализм не рождается на пустом месте, трава растет на своих корнях, как говорят в моем народе. Первые уроки братства нам дают семья и школа. Став взрослыми, мы приходим в трудовые коллективы, где наши судьбы становятся частью судьбы людей разных национальностей. Об этом говорит один из участников «круглого стола», проведенного газетой «Вышка», бригадир строителей из Мингечаура. Он рассказывает, как совместно с коллегами из разных городов страны они ликвидировали последствия пожара на Азербайджанской ГРЭС. Другой участник разговора, начальник цеха нефтегазодобывающего управления «Орджоникидзенефть», сообщает, что вот уже полвека соревнуются они с шахтерами из Енакиева. «Почему не умирает это соревнование? — спрашивает он. — Да потому, что дает замечательные плоды не только в виде дополнительных тонн нефти и угля. Братское общение обогащает души, облагораживает сердца, обостряет умы». На той же встрече выступает профсоюзный работник. После окончания института в Баку он был направлен по распределению в Енакиево, а оттуда — в Темиртау, где пускали первую домну. Он вспоминает: «На торжествах, говоря о том, что Казахстанская Магнитка — символ дружбы, которая имеет тысячи примет, я сказал: «Вот я армянин из Азербайджана, приехал представителем от Украины в Казахстан». До сих пор помню, как весело зааплодировал зал. Ведь в этой шутке — такая большая доля правды о нашей ленинской национальной политике».

Братством, что ближе кровного родства, назвал наш выдающийся поэт Самед Вургун дружбу советских народов. Во многих замечательных произведениях азербайджанской литературы воспето это чувство. Среди них — «Подпольный Баку» М. С. Ордубади и «В 1905 году» Дж. Джабарлы, «Слово русскому брату» С. Рустама и «Над Ленинградом» М. Рагима, многие романы и повести, стихи, поэмы, созданные в последние годы.

Плоды этого братства в судьбах народов нашей страны, особенно угнетенных и отсталых в прошлом, невозможно переоценить. Наглядное свидетельство тому — нынешний уровень экономики и культуры, литературы и искусства каждой республики. И в этом большая заслуга русского народа. Вот как образно воспроизвел его историческую миссию наш Расул Рза в поэме «Ленин»:

Он, бесстрашный, брат наш старший,
поднял знамя Октября,
и нас миром знамя это

прекрасного, могучего русского языка, ставшего вторым родным языком для миллионов людей. Еще древние мудрецы говорили: узнаешь язык друга — познаешь его душу. В наших же условиях, когда двуязычие стало повседневной потребностью каждого из нас, благодаря русскому языку мы познаем жизненный опыт и мудрость многих народов, постигаем богатства их культуры. Есть у этого процесса еще одна важная сторона. Общение, взаимный интерес учат нас бережнее относиться и к языку материнскому, ко всему ценному, непреходящему в культуре собственного народа. Об этой двуединой сущности социалистической культуры говорилось, в частности, и на встрече в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и творческих союзов.

«Каждый народ имеет свой язык, свою историю, он хочет понять свои корни. Разве это противоречит социализму? Нет, конечно. Но, с другой стороны, если кто-то замыкается в себе, кичится и начинает это выдавать за абсолютную ценность — согласиться с этим нельзя, — заметил М. С. Горбачев. — Мы — государство, объединяющее уникальную дружную семью народов! Так завещал Ленин».

Конечно, пройденный нами с октябрьских дней семнадцатого года путь не назовешь простым. Были у нас величайшие победы и свершения, сделавшие нашу страну могущественной социалистической державой. Но были и заблуждения, допущены крупные отклонения от ленинских норм. Все это наша история, и партия ведет последовательную борьбу за преодоление негативных явлений прошлого, за оздоровление нынешней атмосферы нашего дома.

Особой чуткости и взвешенности подхода требует национальный вопрос. Здесь нельзя поддаваться эмоциям. Мне, например, претит, когда говорят «узбекское дело». Помилуйте, а почему, собственно, «узбекское»? Разве за приписки и взяточничество, за другие отвратительные преступления осужден узбекский народ? Нет, общество судит потерявших совесть и честь бюрократов, которые занимали важные посты. Когда я говорю — Узбекистан, перед моими глазами встают рядовые его труженики, хлопкоробы, что от зари до зари работают на поле под палящим солнцем, осыпаемые с неба тучами ядохимика-

политика» и невольно вспомнил слова Нариман Нариманова, сказанные им в очень напряженный период жизни нашего государства. Он считал, что вести разъяснительную работу среди мусульманского населения, особенно в той ее части, которая касается атеизма, должны местные большевики. Пусть, говорил он, мусульманские массы недовольны будут лучше нами, чем русскими товарищами. Вот он, ленинский подход!

Дружба закладывается и крепнет в совместной борьбе. В труде. В созидании. В преодолении общих трудностей и лишений. И, напротив, излишнее внимание к материальной стороне жизни развращает душу и сознание, на передний план выходят равнодушие, зависть, лень. Тогда и оживают пережитки прошлого в сфере национального. Но критикуя и борясь с ними, не следует путать причины и следствия. Чрезмерное увлечение «национальной экзотикой» в освещении застойного периода в том или ином регионе не может не привести к разжиганию ненужных страстей. И дело не только в том, например, что приписки с хлопком были бы совершенно невозможны в таких масштабах, без ведома каких-то союзных главков, министерств. Теперь все это вскрыто, причины застойных явлений, рычаги торможения в нашей жизни известны, им дана глубокая, по-партийному принципиальная оценка в решениях Пленумов ЦК КПСС и XXVII съезда партии.

Мы достаточно сильны сейчас, чтобы критиковать себя и исправлять ошибки прошлого, в частности, касающиеся национальных отношений. Когда я прочитал сообщение ТАСС о создании комиссии для рассмотрения комплекса проблем, поднятых в заявлении крымских татар и поддержанных авторитетными нашими писателями, я испытал чувство удовлетворения. Да, акт поголовного выселения целого народа, как отмечено в сообщении, не был справедливым. Конечно, тут нельзя не учитывать и суровые условия войны, политическую и психологическую обстановку тех лет, когда решения диктовались порой не только необходимостью, но и субъективными представлениями, а то и просто чьей-то личной волей. Акция 1944 года, если вдуматься, была направлена не только против крымских татар. Она противоречила справедливости и гуманизму, принципу равноправия всех наций и народностей. Все это, безуслов-

ворится в прекрасной поэме Твардовского «По праву памяти». (Кстати, перевод ее на азербайджанский язык на днях читался на секретариате правления СП республики и выйдет в ближайшем номере журнала «Азербайджан».)

Мы снимаем табу со многих имен, тем и событий, публикуем сейчас то, что в свое время не увидело свет. Все это назрело. Одно только — не следует кидаться в крайности. Демократия — не анархия, она требует культуры. В ином случае ничего не разберешь, ничего не добьешься. Мы взялись навести порядок в своем доме, и делать это следует как в хорошей, дружной семье. Спокойно, без нервотрепки и ссор. Надо во всяком случае к этому стремиться. Необдуманные апелляции к случайным прохожим «за окнами»? К тем, кто живет по другую сторону улицы и подглядывает за нами через приспущенную занавеску с настороженной завистью, а то и враждой? И здесь я не могу не высказать сожаление, что среди крымских татар нашлись отдельные люди, которые не проявляют мудрости и терпения, для того чтобы помочь правительственной комиссии в ее работе (вопрос-то нелегкий!), более того — пошли на контакт с представителями иностранных государств... А ведь история дает нам немало фактов, говорящих о «миротворчестве», которое несет народам империализм.

Вот лишь один пример. Недавно преданы гласности новые документы, полученные из Национального архива Индии и изобличающие окончательно причастность британского правительства к убийству 26 бакинских комиссаров. Генерал Маллесон телеграфировал в свой генеральный штаб: «Секретно. 23 сентября 1918 года... Докладываю, что 26 бакинских комиссаров были расстреляны. Я не берусь судить о законности (!)... эта так называемая экзекуция политически выгодна...» В телеграмме со всей циничностью так и сказано — «политически выгодна»! Известно, на какую только жестокость и подлость не шел мировой империализм, не останавливаясь ни перед чем, лишь бы погубить Советскую власть. Известно, сколько политической энергии и долларов, сколько пропагандистских усилий тратится и сейчас на то, чтобы приостановить размах национально-освободительного движения. И к ним, к этим господам, идти за сочувствием и помощью? Абсурд! Тем более что сочувствия наши братья, крымские татары, встретили достаточно и среди граждан своей страны. Я призываю их в этот момент, когда наконец на самом высоком уровне взялись решить давний и мучительный вопрос, к спокойствию и выдержке. Это тот случай, когда, как говорится на Востоке, надо сесть и положить папаху перед собой, как следует все обдумать.

Единственно правильное отношение к интересам наций в таком многонациональном государстве, как наше, — «создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве», — учил Ленин.

Дружба народов — величайшее завоевание Октября, одно из важнейших проявлений коллективизма советских людей, гуманизма и высоких идеалов нашего общества. И отдельные ошибки и упущения, которые мы видим сейчас, ни в коем случае не умаляют наших исторических свершений, приближающих время, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». То, к чему вслед за Пушкиным еще 80 лет назад призывал в своем знаменитом стихотворении «Интер-

(за них он был награжден журналистской премией имени Я. Анвельта) поднял, в частности, и эту проблему, отмечая, что, к сожалению, мы «получили в наследство больше навыков мышления и поведения авторитарного, чем демократического». Относиться терпимо к оппонентам не так легко. О. Утть подчеркивает, что терпимость в споре не означает прекращения борьбы различных точек зрения. Но разговор должен проходить по-деловому, без унижения противника, и тогда решающим становится не должность спорящих или сила голоса, а весомость аргументов.

А как же в самой газете «Сирп я вазар» обстоит дело с борьбой различных точек зрения? Со смелой и открытой постановкой вопросов литературного наследия выступил в двух номерах газеты главный редактор нового молодежного двуязычного журнала «Викеркаар» («Радуга») Р. Вейдеманн. Автор считает, что для писателей не должно быть больше ни запретных тем, ни закрытых исторических периодов. Коснувшись проблемы эстонской эмигрантской литературы, Р. Вейдеманн сказал, что ее надо знать, но иметь к ней принципиальное и четкое отношение.

Далее, говоря о поэтах, чьи произведения до недавнего времени не печатались, автор считает непозволительным, что были «заморожены», например, сборники стихов одного из лучших поэтов современной Эстонии — Х. Руннеля. Долгие годы его творчество не находило на страницах эстонской литературной печати достойной оценки. И вот лишь сейчас в «Сирп я вазар» молодой критик А. Кулль проанализировал сборник стихов поэта «Пурпур красных вечеров» и дал ему высокую оценку. Кстати, сборник выдвинут Союзом писателей республики на соискание Государственной премии Эстонской ССР.

Некоторые суждения Р. Вейдеманна оспаривает О. Утть, считающий, что критики иногда слишком уж легко, «по-

...вызывает озабоченность. До сих пор не решен вопрос о помещении для музея уникальнейших экспонатов материальной и духовной культуры не только эстонского, но и всех финно-угорских народов, число этих экспонатов достигает уже 800 тысяч, в запасниках томится до 98 процентов фонда изобразительного искусства Эстонии, в том числе и советского периода. Эти богатства принадлежат всему многонациональному народу нашей страны, и кому, как не газете «Сирп я вазар», бить здесь тревогу?

Не очень серьезным выглядит подход газеты к некоторым вопросам развития театрального искусства. Помнится, в конце прошлого года в «Сирп я вазар» была опубликована обстоятельная положительная рецензия на постановку «Ревизора» в Таллинском русском драматическом театре (режиссер В. Раевский). Но вот в № 30 за этот год вдруг мимоходом, без всяких доводов и анализа утверждается об этом же спектакле нечто совершенно обратное.

Заставляют задуматься и факты искусственного завышения оценок в нашей критике, когда речь идет о событиях культурной жизни республики. Так произошло с театральным фестивалем в Тарту: именно те спектакли, которые наша пресса всячески восхваляла, подверглись резкой, но обоснованной критике театроведов из братских республик. Трудно, очень трудно смириться после подобных «самовозвышений» с острой, но дружеской критикой.

Но если судить по самым заметным, ярким выступлениям газеты, она может и должна еще более активно участвовать в процессе всестороннего обновления нашей жизни, смелее поднимать на своих страницах насущные вопросы развития культуры.

Э. ТИНН

...ку» М. С. Ордубади и «В 1905 году» Дж. Джабарлы, «Слово русскому брату» С. Рустама и «Над Ленинградом» М. Рагима, многие романы и повести, стихи, поэмы, созданные в последние годы.

Плоды этого братства в судьбах народов нашей страны, особенно угнетенных и отсталых в прошлом, невозможно переоценить. Наглядное свидетельство тому — нынешний уровень экономики и культуры, литературы и искусства каждой республики. И в этом большая заслуга русского народа. Вот как образно воспроизвел его историческую миссию наш Расул Рза в поэме «Ленин»:

Он, бесстрашный, брат наш старший,
поднял знамя Октября,
и над миром знамя это
заалело, как заря;
рухнула тюрьма народов,
и, огнем весны горя,
в океан слились единый
разобщенные моря.

(Перевод А. ТАРКОВСКОГО)

Общеизвестна в нашем обществе роль оздоровление нынешней атмосферы нашего дома.

Особой чуткости и взвешенности подхода требует национальный вопрос. Здесь нельзя поддаваться эмоциям. Мне, например, претит, когда говорят «узбекское дело». Помилуйте, а почему, собственно, «узбекское»? Разве за приписки и взяточничество, за другие отвратительные преступления осужден узбекский народ? Нет, общество судит потерявших совесть и честь бюрократов, которые занимали важные посты. Когда я говорю — Узбекистан, перед моими глазами встают рядовые его труженики, хлопкоробы, что от зари до зари работают на поле под палящим солнцем, осыпаемые с неба тучами ядохимикатов (о чем писала «ЛГ»). Тот, кто хочет узнать, какой ценой добывают хлопок, может приехать и к нам в Азербайджан.

Или вот совсем недавно я прочел интересную, но, увы, не лишенную досадных неточностей статью И. Беляева «Ислам и

...поднятых в заявлении крымских татар и поддержанных авторитетными нашими писателями, я испытал чувство удовлетворения. Да, акт поголовного выселения целого народа, как отмечено в сообщении, не был справедливым. Конечно, тут нельзя не учитывать и суровые условия войны, политическую и психологическую обстановку тех лет, когда решения диктовались порой не только необходимостью, но и субъективными представлениями, а то и просто чьей-то личной волей. Акция 1944 года, если вдуматься, была направлена не только против крымских татар. Она противоречила справедливости и гуманизму, принципу равноправия всех наций и народностей. Все это, безусловно, не могло оставаться так, как есть, к этому нельзя было не вернуться. И мы вернулись!

«Но все, что было, не забыто, не шито-крыто на миру. Одна неправда нам в убыток, и только правда ко двору!» — го-

...интересам наций в таком многонациональном государстве, как наше, — «создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве», — учил Ленин.

Дружба народов — величайшее завоевание Октября, одно из важнейших проявлений коллективизма советских людей, гуманизма и высоких идеалов нашего общества. И отдельные ошибки и упущения, которые мы видим сейчас, ни в коем случае не умаляют наших исторических свершений, приближающих время, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». То, к чему вслед за Пушкиным еще 80 лет назад призывал в своем знаменитом стихотворении «Интернационал» наш Сабир:

Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора нам родину друг в друге обрести!

(Перевод П. АНТОКОЛЬСКОГО)

БАКУ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Цао Цзинхуа орденом Дружбы народов

За большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества, заслуги в популяризации русской и советской литературы и в связи с девяностолетием со дня рождения наградить видного китайского литературоведа и переводчика **Цао Цзинхуа** орденом **Дружбы народов.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
4 августа 1987 г.

В Прокуратуре Союза ССР

В связи с публикацией в «Литературной газете» судебного очерка Александра Борина «Преступление против правосудия» («ЛГ», № 32 от 5 августа 1987 г.) Прокуратурой Союза ССР проводится расследование. О его результатах и принятых мерах будет сообщено дополнительно.

Никто не забыт...

Две доски укреплены в белом мраморном вестибюле Ленинградского Дома писателя имени В. В. Маяковского. Одна из них установлена много лет назад, на ней — имена писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Вторая появилась сравнительно недавно: здесь фамилии тех, чья жизнь оборвалась в годы блокады и на дорогах эвакуации. Подвигу писателей-воинов, не вернувшихся с полей войны, была посвящена книга «До последней минуты...», выпущенная Лениздатом три года назад, к 40-летию снятия блокады. Теперь готовится новая книга.

— Она призвана, — говорит председатель историко-мемориальной комиссии Ленинградской писательской организации З. Дичаров, — увековечить имена ленинградских писателей, чья жизнь оборвалась в годы блокады. Многие из них оставались в осажденном городе добровольно и продолжали трудиться, участвуя в защите города, вместе с тем не прекращая литературного творчества. Это А. Д. Аитиль, Е. Данько, В. Державин, К. Журавлев, Е. Казанович, П. Калецкий, М. Клеман, В. Комарович, А. Копнов, Б. Коплан, А. Крайский, Е. Дубровский, В. Мазуркевич, А. Маширов-Самобытник, В. Наумова, Е. Нежинцев, И. Оксенов, В. Пошехонов, А. Прейс, Г. Птицын, Э. Старк, В. Тоболяков, С. Томский, Е. Троповский, А. Франковский, Л. Цырлин, М. Чернокоз, Ю. Широкий, Б. Энгельгардт, Д. Хармс... В книгу войдут биографические данные о каждом из писателей, будут представлены их творчество, воспоминания близких и друзей, фотографии.

Разумеется, приведенный выше список далеко не полон. Работа по сбору воспоминаний продолжается. Как знать, может быть, где-то, в том числе и очень далеко от Ленинграда, хранятся неизвестные нам материалы о ленинградских писателях той поры. Мы будем благодарны всем, кто поможет нам.

Наш корр.

ЛЕНИНГРАД

«Зоо-сад в Цхнети»

Сенсационные открытия могут происходить и в такой неожиданной, казалось, области, как история советской литературы сравнительно недавнего времени; для этого вовсе не обязательно углубляться в глубь веков, находить берестяные грамоты или расшифровывать закодированные тексты. Один из примеров — небольшая книжка, которая в скором времени выйдет в свет в тбилисском издательстве «Мерани». Внешне ничего необычного: на обложке название — «Зоо-сад в Цхнети», имя автора — Николай Тихонов. Однако литературоведы, изучающие творчество выдающегося советского поэта, знают, что за его подписью до сих пор не выходило ни одного стихотворения, написанного для детей.

А тут — целый сборник!

Для точности следует сказать, что это стихи, посвященные не детям вообще, а одному ребенку — маленькой грузинской девочке Нане Бжалава.

История создания стихов интересна и трогательна. Дело было летом 1939 года. Николай Тихонов гостил в Цхнети, что неподалеку от Тбилиси, на даче своего друга, известного мастера грузинского стиха Георгия Леонидзе. Здесь же отдыхала и Нана с родителями. Однажды всем взрослым, кроме Николая Семеновича, пришлось уехать, так что девочка осталась на попечении дяди Коли, с которым успела подружиться. В знак доверия она даже показала ему под большим секретом свой альбомчик, куда вклеивала вырезанные из журналов и книжек рисунки любимых животных. Когда Нана заснула, старший друг задумал сделать ей сюрприз: к утру под каждым рисунком в альбоме были приписаны смешные и забавные стихи. Так к ряду «стихотворных зверинцев», существующих в советской детской поэзии, добавился еще один. Однако о нем до сих пор никто не знал.

Но история на этом не заканчивается. В 1947 году Н. С. Тихонов снова встречается с повзрослевшей Наной, которая показала ему бережно сохраненный альбом. И «дядя Коля Зверинский», как называл сам себя поэт в начале альбома, вновь взялся за перо и к 39 стихотворениям приписал своеобразное заключение цикла: «Вторая прогулка в зоо-саду».

Завершается сочинение такими строками:

Что делать, милая моя,
Я сед и хмур, пишу стихи я.
Люблю грузинские края,
Где все — восторг и все — стихия.

Я рад, что в сердце нету мрака,
Что жизнь Курой кипит вокруг,
Что я хоть старая собака,
Но юной Наны верный друг.

11 июня 1947 года

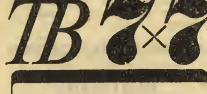
Николай ТИХОНОВ

Нана Аполлоновна Бжалава ныне — заслуженный педагог Грузинской ССР, преподаватель фортепиано Тбилисского первого музыкального училища. Узнав о ее намерении поделиться своим любимым альбомом с другими детьми, Н. С. Тихонов в свое время писал: «Стихи я прочел, если есть желание их печатать — я согласен. Горжусь, что эти стихи вошли в семью и нравятся юным потомкам!» И вот скоро они станут достоянием всех ребятишек нашей страны.

Много старания и любви вложили в издание альбома редактор и автор предисловия И. Богомолов, художник О. Тавадзе, весь коллектив издательства. Летопись дружбы наших народов пополнится еще одним замечательным свидетельством.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ТБИЛИСИ



● КАКИЕ ТРИ ПЕРЕДАЧИ ПРОШЕДШЕЙ НЕДЕЛИ ЗАПОМНИЛИСЬ ВАМ ОСОБЕННО И ПОЧЕМУ?
● ЧТО ВЫЗЫВАЛО ВОЗРАЖЕНИЯ?

МНЕНИЯ писателей

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

● Алла Пугачева в «Утренней почте». На фоне надоевших музыкально-поэтических стандартов она воистину живой человек, который старается уловить звуки времени, работает на пределе сил. Понравилась и передача в целом. Есть в ней и легкость, и изящество, и фантазия. Ее создатели учли психологию утреннего, не совсем проснувшегося человека.

● Неделя в целом показалась бледной. Взять хотя бы фильм «Претендент»: это же безумно смешно, когда советские актеры пытаются изображать американцев, абсолютно не зная их образа жизни. Это так же смешно, как если бы американцы изображали нас. Фильм на такую тему мы вполне можем делать на своем материале: узбекистанском, казахстанском. Тогда это было бы полной, а не приблизительной правдой.

Самуил АЛЕШИН

●—● Сборная Англии — сборная мира. Я не специалист, а потому поражен тем, что могут люди вытворять ногами. И даже головой! Лишний раз убедился, что без режиссера любые «звезды» проигрывают.

Даже не предполагал, что балалайка может быть таким тонким, нежным, глубоко задушевным инструментом. Но в руках виртуоза Б. Феоктистова она — чудо. Подчас создается иллюзия, что балалайка сама охотно отвечает музыканту. Поразительное мастерство! Привлекла прелестная, остроумная венгерская комедия «Гармония», написанная и исполненная с глубоким, истинным пониманием актерской натуры. И наконец по-прежнему не нравится «Утренняя почта».

Аркадий АРКАНОВ

● Неделя получилась маловыразительной. Но и в ней были свои «полюсы». На «плюсовом полюсе» — «Три новеллы об Александре Фадееве» (передача с глубинным подтекстом, который скрывается за внешне, казалось бы, непритязательным рассказом Ираклия Андроникова), а также (для меня лично) две спортивные передачи: футбольный спектакль «Сборная Англии — сборная мира» и репортаж с чемпионата мира по автогонкам «Формула-I», который наше ТВ «рискнуло» показать чуть ли не впервые.

● «Минусовый полюс», несомненно, обозначен очередным выпуском передачи «Человек и закон», рассказавшим о борьбе с самогоноварением. Смотрел и с ужасом думал: при всем вреде самогона не слишком ли много акцизы мы на него сваливаем? Только ли он виноват?

И еще. Любопытное наблюдение, которое сделал при просмотре двух старых, хорошо знакомых фильмов. «Весна на Заречной улице» воспринимается уже как музейный экспонат. А вот картина «Сто дней после детства» по-прежнему современна. Видимо, дело в том, что она в свое время намного превзошла уровень кинематографа,— по крайней мере «детского».

Сергей БАРУЗДИН

●—● «Последние» — один из самых сильных горьковских спектаклей МХАТа, а лучший в нем Марк Прудкин. Несомненное открытие для меня — «Американский певец Билли Джоэл в Москве».

Фильм «Претендент» интересен и своеобразен по замыслу, в нем отличный актерский состав, но нет-нет да и дают себя знать стереотипы нашего представления о современном Западе.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

● «К. Н. Батюшков. К 200-летию со дня рождения» и музыкальный фильм «Джон Филд» об ирландском композиторе. Две передачи хочется оценить вместе одинаково положительно. Хотя они разные, но обе несут необходимый объем информации, содержащей интеллектуальное начало... «Наедине с вами» — мне кажется, эту московскую передачу нужно посмотреть не только москвичам: в ней есть нравственные проблемы, касающиеся всех.

Дециметровая антенна позволяет мне смотреть Ленинград, и должна сказать, что передача «Монитор» (в воскресенье был 530-й выпуск), по-моему, достойна того, чтобы время от времени гостить на всесоюзном экране.

● «Претендент». Такие могучие актерские силы заняты в таком пустом, стандартном, опротивевшем сюжете. Жаль.

Виктор РОЗОВ

●—● Самое впечатляющее зрелище — юбилейная игра сборной Англии со сборной мира. Англичане играли артистично, красиво. Остальные передачи в сравнении с этой обычны. Фильм таллинских кинематографистов «Гнездо на ветру» сделан очень цельно, художественно. Но тот трагизм, который заложен в нем, сегодня уже кажется вычерпанным другими фильмами. Если бы лента была показана по ТВ в свое время, то произвела бы впечатление гораздо более сильное. Как говорится, дорого яичко к Христову дню.

Запомнился выпуск передачи «Для всех и для каждого», который на этот раз рассказал о торговле. Понимаешь, что дéла — непочатый край. Где уж тут отступать!

Георгий СЕМЕНОВ

● Чрезвычайно важной и нужной получается новая десятиминутная передача «Прожектор перестройки». Хочется надеяться, что острота и конкретный адрес критики останутся ее отличительной особенностью и впредь... Жалею тех телезрителей, которые не переключились на вторую программу и смотрели старый смешной фильм «Кавказская пленница», ибо не увидели они удивительной и таинственно прекрасной передачи «Стрела времени». С удовольствием слушал Ираклия Андроникова, рассказавшего об Александре Фадееве.

● Трехсерийный фильм «Претендент», собрав блестящих актеров, показал Америку, которая уже примелькалась на экранах. Стереотипы надо разрушать, а не крепить их в сознании.

Итак, результат 7 х 7:

«ТРИ НОВЕЛЛЫ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ФАДЕЕВЕ. РАССКАЗЫВАЕТ ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ»

«ФУТБОЛ: СБОРНАЯ АНГЛИИ — СБОРНАЯ МИРА»

Для кого издаются книги?

НЕ ТОЛЬКО ТОВАР...

НЕ ПРЕТЕНДУЯ на научность определения, хотелось бы сказать, что книга — это прежде всего феномен человеческой культуры, предназначенный для сохранения и передачи накопленного человечеством знания и эмоционального опыта. Но книга — и товар, поскольку имеет цену, продается в магазинах и служит для удовлетворения наших потребностей, правда, не материальных, а духовных.

Существование Госкомиздата в нынешнем виде писателями постоянно ставится под сомнение. Некоторые его подразделения, в первую очередь книготорговые, склонны видеть в книге прежде всего товар. Нет, не люди, там работающие, потому что каждый из них в отдельности вполне понимает роль и значение книги. Но выступая вместе, они разработали целую систему показателей и требований, ориентированных на книгу-товар. Есть, например, показатель «раскупаемости», предусматривающий, что книга должна быть продана в определенный срок. А если те или иные книги в установленный (кем? по какому принципу?) срок не распродаются, то торговля оказывает влияние на издательский процесс тем, что занижает тиражи на аналогичные издания, скажем, поэзию или критику.

Но ведь тиражи определяет издательство? Верно. С одной лишь оговоркой. Тиражи складываются из заказов книготорговых организаций, которые книги продают. Поэтому тираж и заказ — это практически одно и то же. Издательство, если б оно даже и захотело пойти на риск, не может дать тираж больше заказа, так как у него нет магазинов, складских помещений, соответствующих служб реализации. Кроме того, и это, пожалуй, не менее важно, благосостояние издательского коллектива — прибыль, поощрительные фонды, премии — также полностью зависит от реализации книг, а значит, от торговли. Словом, куда ни кинь — все клин, то есть Книготорг.

Пока издатели ломают голову, как хотя бы чуть-чуть ослабить эту рабскую зависимость, Госкомиздат продолжает закручивать торговые гайки. Недавно вышел новый приказ, по которому работники книжной торговли премируются за снижение нормативов товарных запасов, то есть книг в магазинах. На первый взгляд, приказ вроде бы разумный — повышается личная заинтересованность продавца в быстрейшей реализации книги.

А вот чем обернулся этот приказ для издательства. Торговые работники резко сократили заказы на те книги, которые и раньше плохо расходились, на ту же поэзию и критику. Причем в книготоргах не задумываются над тем, какие же книги скрываются за этими общими понятиями — «поэзия» и «критика». Срабатывает пресловутый принцип аналогии: если одна критическая книга плохо раскупается, то снизим-ка заказ на всю критику.

За примерами далеко ходить не надо ...

...ческих эссе О. Мандельштама. Критика! А критику не берут». Не берут-то не берут, а попробуйте купить книгу Мандельштама или Гулыги в магазине. Вот что такое «аналогичный» подход к тиражированию книг в действии.

От всех критических стрел, которые мечут издательства в адрес Госкомиздата, последний словно за каменной стеной укрывается за сакраментальной формулой «читательский спрос». При этих магических словах у самого задиристого издателя опускаются руки: потребитель всегда прав!

Должна ли книгоиздательская практика руководствоваться читательским спросом? Безусловно, ибо и издательства, и книготорговые организации, и даже (!) Госкомиздат — все это в конечном счете для читателя. Однако издательство издательству рознь. И то, что для выпускающих классику, книги, вошедшие в культурный фонд народа,— почти закон, для нас лишь один из ориентиров.

«Советский писатель», как известно,— издательство новинок современной советской литературы, и в этом смысле оно уникально. И если для издательства «Художественная литература» задача состоит в том, чтобы, как сообщил на недавней встрече с писателями председатель Госкомиздата СССР М. Ф. Ненашев, сократить количество названий выпускаемых книг и увеличить тиражи, дабы максимально удовлетворить читательский спрос, то для нас это неприемлемо. Потому что чем больше имен мы с помощью книгоиздания (то есть увеличения количества названий выпускаемых книг) введем в литературу сегодня, тем богаче и разнообразнее будет литература завтра. А это одна из главных забот Союза писателей СССР, издательством которого мы являемся.

Да, новинки — это всегда нечто неожиданное для читателя и риск для издателя. Но мы неизменно идем на такой риск (за последние 10 лет количество названий выпускаемых книг выросло с 350 до 530), потому что и нынешние маститые писатели начинали с таких рискованных для издательства новинок. А также потому, что книга для нас прежде всего — средство идеологического воздействия. А коль скоро это так, наша задача состоит в том, чтобы формировать читательский спрос и те новые книги, которые приняли в план, «навязывать» читателю, разумеется, не в качестве нагрузки к Дюма, а с помощью рекламы, пропаганды книги в печати, по радио, телевидению, через общество книголюбов, читательские конференции и др. И работу эту мы должны делать сообща, все, кто связан с выпуском книги и доставкой ее читателю.

Кстати сказать, в Положении о Госкомиздате и его подразделениях предусматривается пропаганда книги. Но в отличие от «Положения о...» положение дел на сегодня таково ...

...вероятности, что она найдет своего не покупателя, но читателя.

КНИГА — это в первую очередь идеология. Напомню: журнал, как правило, живет один месяц, а книга — не один год, даже не одно столетие, и служит многим поколениям, формируя взгляды человека, образ мыслей, то есть мировоззрение.

Такое понимание книги диктует и новое понимание роли и значения издательства. Сейчас эта роль явно принижена. Возьмем хотя бы систему Союза писателей СССР. Во главе каждой газеты, каждого ежемесячного журнала, как правило, стоит секретарь правления СССР или РСФСР. Директора издательств, выпускающие долговременную идеологическую продукцию, увы, ими не являются. Если газеты или журналы выходят строго по графику и для этого они обеспечиваются и типографскими мощностями, и бумагой, и другими материалами, то издательству можно недодать лимиты, можно дать не ту бумагу и не те материалы, которые нужны, полиграфия может выпустить книгу не в срок и не в том виде, в каком ее задумал художник, и т. д. Примеров тому пропасть. В 1987 году издательство практически лишено возможности выпускать малообъемные и малоформатные издания — книги по поэзии, критике, литературоведению, драматургии. Из годовой потребности в 60,5 млн. листов-оттисков нам выделено лишь 20,3 млн. Нехватка соответствует годовому плану выпуска поэзии и критики вместе взятых. И это не единичный случай, а ежегодная практика. Я уж не говорю о том, что ныне Госкомиздат вообще лишил нас базы по выпуску иллюстрированных изданий, и так крайне немногочисленных в нашей практике — всего 6—8 названий в год.

А ведь иллюстрированное издание — это не просто книга с картинками, а идеологическое оружие удвоенного идейно-эстетического воздействия на читателя, ибо эстетика слова здесь дополняется эстетикой воспроизведенного образа. Поэтому-то вдвойне обидно, что подготовленная к изданию красочно иллюстрированная трилогия о русской революции (в ленинском ее понимании, как единства трех этапов революционной борьбы с самодержавием — дворянского, разночинского и пролетарского): «Легенда о синем гусаре» В. Гусева, «Нетерпение» Ю. Трифонова и «Семья Ульяновых» М. Шагинян — так и лежит в издательстве до сих пор, хотя выпуск ее предполагалось приурочить к 70-летию Великого Октября.

В этом единичном факте, словно в капле, отразилось отношение Госкомиздата к книгам советских писателей как к неходовому товару. И даже как-то неудобно напоминать ответственным людям, что современная советская литература находится на переднем крае идеологической борьбы, ибо пропагандирует своими произведениями советский образ жизни ...

...ротливость полиграфической базы: средний срок изготовления книги в типографии — 8—9 месяцев, почти столько же, сколько требуется для рождения ребенка. Но книга — организм, видимо, более простой, и потому срок этот явно завышен. К тому же «Советский писатель» — единственное из центральных издательств, не имеющее в Москве базовой типографии. В свое время на средства Союза писателей СССР была построена для издательства полиграфическая база в Туле. Сейчас она далеко не удовлетворяет нас ни по мощности, ни по структуре производства. Например, в тульской типографии практически нет оборудования для печатания малоформатных и малотиражных книг (поэзия, критика, драматургия).

Что же можно сделать уже в ближайшие годы? Всем известно, что полиграфическая база в стране, и в частности в Москве, не соответствует современным требованиям: оборудование изношено, средств для его модернизации, для резкого повышения технического уровня полиграфического производства у Госкомиздата СССР явно не хватает. И вновь Союз писателей СССР мог бы пойти навстречу Госкомиздату: взять любую самую плохую московскую типографию, на собственные средства реконструировать ее, оснастить самым современным оборудованием, с тем чтобы она стала затем базовой для «Советского писателя». Выиграют при этом все: Госкомиздат получит новое современное предприятие, «Советский писатель» — базу в Москве, читатели будут быстрее получать книги и более высокого качества.

Однако было бы неправильно задержки с изданием книг относить только за счет полиграфии. Неповоротлива, громоздка и сложившаяся внутрииздательская система рассмотрения и издания рукописей. Поступившую рукопись должны отрецензировать минимум два человека: рецензент и член правления издательства. И тех, и других рекомендует издательство, и затем утверждает секретариат правления СП СССР. Следующий этап рассмотрения рукописи — заключение редактора. Затем с ней должны ознакомиться руководство редакции и главная редакция. И только после этого она попадает в план сначала редакционной подготовки, потом выпуска, которые утверждаются правлением издательства и секретариатом правления СП СССР. При самых благоприятных обстоятельствах, когда рукопись минует стадию редподготовки, она становится книгой не раньше, чем через два года.

Как упростить этот процесс? Прежде всего, о чем сейчас много пишут, за счет повышения доверия к редактору. Редактор должен стать главным звеном в издательском процессе. Ему судить, соответствует ли рукопись требованиям издательства или нет. Второе звено ...

...стие в работе правления сопряжено с ущербом для собственного творчества и — в интересах литературы, чтобы ущерб этот был минимальным.

Но это тоже дело не одного дня. А что надо сделать уже сейчас? Кое-что сделать можно и нужно. И прежде всего увеличить резерв, то есть не планируемую заранее часть издаваемых книг с 10—15 до 30—50 наименований: для остросовременной писательской публицистики, критики и для опубликованных в периодике и поддержанных общественным мнением стихотворных и прозаических произведений. Это позволит сделать план более гибким, оперативно реагирующим на требования сегодняшнего дня.

Тут мы вплотную подошли к перестройке, которой не избежало и издательское дело. И результатом ее должны быть не бюрократические изменения внутри издательского аппарата (они не цель, а средство), а новая современная книга. Издательство сейчас как раз и занято поисками «своего лица», чтобы наши книги узнавались, выделялись на магазинных полках среди другой книжной продукции. Но тут нужна и полиграфическая помощь Госкомиздата. Если даже считать книгу только товаром, то и тогда у нее должна быть хорошая упаковка, достойный товарный вид.

ЕСТЬ и еще одна сторона дела. Ведь мы не только издаем, но и переиздаем те книги советских писателей, которые поддержаны критикой и имеют широкое читательское признание. Но Госкомиздат установил предельные тиражи в 200 тысяч экземпляров, даже если заказы книжной торговли превышают эту цифру в три, пять и более раз. Такой тираж подкрепляется типографскими лимитами, вернее — отсутствием оных, бумагой и др. Разве это на пользу нашей пропаганде? Думается, что во вред, а потому и в этом деле и Госкомиздату, и нам самим надо быстрее перестраиваться.

Немало толков вызывает и такой аспект перестройки издательского дела, как создание кооперативных издательств. Тут много еще неясного. И прежде всего не ясно, почему созданием их занимаются писатели, тогда как испокон веков это было делом издателей. Как и в каждом деле, тут тоже нужны профессионалы, а не дилетанты, нужны люди, способные подойти к самому процессу и политике издания книг объективно, а не с субъективными критериями.

Поэтому к кооперативному издательству как к группе объединившихся известных писателей, которые будут издавать самих себя, отношусь отрицательно. Они и так достаточно широко издаются. Дальнейшее тиражирование их произведений приведет с неизбежностью к затовариванию, а затем и девальвации художественного слова, и идея изживет саму себя. Если же кооперативные издательства будут создаваться на другой основе, издателями, имеющими соответствующую концепцию книгоиздания, заботящимися не о потворстве писательским амбициям, а об удовлетворении читательского спроса и способными формировать этот спрос, — голосую двумя руками «за»! Союз писателей велик, а издательств, особенно центральных, где хотят печататься все, мало. (Для сравнения скажем, что во времена нэпа в Москве было 220 (!) частных издательств.) А ведь издаются книги не только профессиональных писателей. Словом, работы хватит всем.

...ставьте: кооперативное издательство «Советский писатель», пайщиками которого являются все члены СП СССР. При вступлении в Союз писателей каждому вручали бы наряду с удостоверением члена Союза и члена Литфонда еще и карточку пайщика, по которой он получал бы часть прибыли. Часть эта была бы не настолько большой (ну, скажем, в месяц рублей 50), чтобы говорить об уравниловке (главное для писателя — гонорар). Но она была бы все же некоторым подспорьем, учитывая, что средний заработок писателя, как называлось на недавнем пленуме СП СССР, всего-навсего около 70 рублей в месяц.

Есть и другой вопрос. У нас в стране писатель пользуется заслуженным почетом. Неплохо бы это моральное поощрение подкрепить материально, тем более что сам писатель своими произведениями приносит финансового дохода (я не говорю о духовной стороне дела, которая гораздо важнее) больше, чем представители многих других профессий. А пенсии у них одинаковые. Поэтому при выходе писателя, как говорится, на заслуженный отдых, ему следовало бы вручать еще один пай. И эта двойная дотация постаревшему и прошедшему пик своей работоспособности писателю со стороны СП СССР была бы только справедливой.

А наше издательство в состоянии обеспечить такую прибыль, чтобы та сумма, которая пришлась бы на каждый пай, была ощутимой. Особенно если будут сняты ограничения на тиражи, я имею в виду ограничения с помощью лимитов на полиграфическую базу, бумагу и материалы. Однако мы и сами принимаем меры по повышению прибыльности. Например, планируем внедрить внутрииздательский хозрасчет, так пересмотреть структуру изданий в каждой редакции, чтобы в целом она стала прибыльной. Я подчеркиваю — в целом, ибо за счет прибыльных книг мы будем издавать нужные и важные в идеологическом отношении книги, труды по теории литературы, книги молодых прозаиков, поэтов и критиков. Пушкины, Гоголи, Белинские рождаются не сразу, не с первой книгой, и долг Союза писателей и его издательства — поддержать подрастающее поколение, будущее нашей литературы.

Повышению прибыльности издательства может способствовать и другой резерв. Пока еще структуры Союза писателей и его издательства не совпадают. Есть жанры литературы, представленные в союзе соответствующими секциями, а мы такую литературу по сложившейся традиции не издаем: фантастику, научно-художественную, детектив, детскую и др. Кроме того, в многотиражке «Московский литератор» уже высказывалось мнение о том, что «Советскому писателю» следовало бы издавать и собрания сочинений советских писателей, и избранные произведения в двух-трех томах, пока же мы издаем только однотомники. Почему? Никакого разумного объяснения на этот счет не имеется.

Издательство «Советский писатель», как и весь Союз писателей, — это продукт Октября, и потому его книги, повествуют ли они о делах и людях своей страны или других стран, о современности или о прошлом, способствуют воспитанию нашего современника, обогащению его духовного мира. И в этом — главное предназначение книги как феномена культуры, как важного средства идеологического воздействия на людей. А потому долг каждого, от кого это зависит, —

книг в магазинах. На первый взгляд, приказ вроде бы разумный — повышается личная заинтересованность продавца в быстрейшей реализации книги.

А вот чем обернулся этот приказ для издательства. Торговые работники резко сократили заказы на те книги, которые и раньше плохо расходились, на ту же поэзию и критику. Причем в книготоргах не задумываются над тем, какие же книги скрываются за этими общими понятиями — «поэзия» и «критика». Срабатывает пресловутый принцип аналогии: если одна критическая книга плохо раскупается, то снизим-ка заказ на всю критику.

За примерами далеко ходить не надо. На выходе в нашем издательстве книга известного философа, талантливо и своеобразно пишущего о литературе, Арсения Гулыги. Все его предыдущие книги молниеносно исчезали с прилавков магазинов. Больше того, они даже входят в обменный фонд книголюбов. А наша книга «Путями Фауста» при плановом тираже 20 тысяч экземпляров не собрала и 10. Не набрала планового тиража в 50 тысяч экземпляров и книга литературно-крити-

...скоро это так, наша задача состоит в том, чтобы формировать читательский спрос и те новые книги, которые приняли в план, «навязывать» читателю, разумеется, не в качестве нагрузки к Дюма, а с помощью рекламы, пропаганды книги в печати, по радио, телевидению, через общество книголюбов, читательские конференции и др. И работу эту мы должны делать сообща, все, кто связан с выпуском книги и доставкой ее читателю.

Кстати сказать, в Положении о Госкомиздате и его подразделениях предусматривается пропаганда книги. Но в отличие от «Положения о...» положение дел на сегодня таково, что роль книготорговых организаций Госкомиздата сведена фактически только к продаже книг. К слову сказать, и продавать можно по-разному. Можно по принципу быстрейшей раскупаемости: склады пустые, кассы полные — и никаких забот. Торговле хорошо, а читателю? А можно и торгуя пропагандировать книгу — завозить в магазины мелкими партиями, как это делает, например, Лавка писателя, чтобы книга дольше была в продаже, и тогда больше

...— дворянского, разночинского и пролетарского): «Легенда о синем гусаре» В. Гусева, «Нетерпение» Ю. Трифонова и «Семья Ульяновых» М. Шагинян — так и лежит в издательстве до сих пор, хотя выпуск ее предполагалось приурочить к 70-летию Великого Октября.

В этом единичном факте, словно в капле, отразилось отношение Госкомиздата к книгам советских писателей как к неходовому товару. И даже как-то неудобно напоминать ответственным людям, что современная советская литература находится на переднем крае идеологической борьбы, ибо пропагандирует своими произведениями советский образ жизни, показывает притягательность нашего гуманистического социалистического идеала. А потому не только по содержанию, но и по своему внешнему виду книга современного советского писателя должна соответствовать этому высокому назначению.

На собраниях и пленумах писателей мы часто слышим нарекания в наш адрес за тот долгий путь, который проходит рукопись, прежде чем выйти в свет в виде книги. И вновь мы упираемся в непово-

...падает в план сначала редакционной подготовки, потом выпуска, которые утверждаются правлением издательства и секретариатом правления СП СССР. При самых благоприятных обстоятельствах, когда рукопись минует стадию редподготовки, она становится книгой не раньше, чем через два года.

Как упростить этот процесс? Прежде всего, о чем сейчас много пишут, за счет повышения доверия к редактору. Редактор должен стать главным звеном в издательском процессе. Ему судить, соответствует ли рукопись требованиям издательства или нет. Второе звено, решающее судьбу рукописи, — правление издательства. Член правления не только проверяет правильность оценок редактора, но и высказывает дополнительные соображения об улучшении качества рукописи. Для этого правление издательства необходимо превратить из органа утверждающего (план) в рабочий. А чтобы оно работало и чтобы писатели доверяли ему, правление следует выбирать, и не более, чем на два года, так как уча-

...создаваться на другой основе, издателями, имеющими соответствующую концепцию книгоиздания, заботящимися не о потворстве писательским амбициям, а об удовлетворении читательского спроса и способными формировать этот спрос, — голосую двумя руками «за»! Союз писателей велик, а издательств, особенно центральных, где хотят печататься все, мало. (Для сравнения скажем, что во времена нэпа в Москве было 220 (!) частных издательств.) А ведь издаются книги не только профессиональных писателей. Словом, работы хватит всем.

В этой связи хотелось бы высказать крамольную мысль. Издательство «Советский писатель» было создано в 1934 году как кооперативное — отсюда и такой его руководящий орган, существующий до сих пор, как правление. А почему бы не вернуть издательству этот статус? Пред-

...только однотомники. Почему? Никакого разумного объяснения на этот счет не имеется.

Издательство «Советский писатель», как и весь Союз писателей, — это продукт Октября, и потому его книги, повествуют ли они о делах и людях своей страны или других стран, о современности или о прошлом, способствуют воспитанию нашего современника, обогащению его духовного мира. И в этом — главное предназначение книги как феномена культуры, как важного средства идеологического воздействия на людей. А потому долг каждого, от кого это зависит, — устранить имеющиеся еще препоны на пути книги к читателю, потеснить товарный подход к ней, увидеть в книге прежде всего Учителя жизни.

И. СКАЧКОВ,
зам. главного редактора издательства «Советский писатель»

СЛОВО, КАК ДЕЯНИЕ

О сборнике статей «Прямая речь»

ОДНИ из первых строк гётевского «Фауста»:

> **Написано: «В начале было Слово» —**
> **И вот уже одно препятствие готово...**
> **В Деянии начало бытия!**
>
> (Перевод Н. ХОЛОДКОВСКОГО)

Можно спорить и с самим Фаустом, незаурядным искателем истины. Деяние, безусловно, суть бытия, его самодвижение, форма осуществления всего реального. Но слово — как мысль, как замысел, как действенная критика сущего, часто влекущегося по инерции, — слово создает план будущего деяния, предшествует ему.

Для того чтобы проверить такой постулат, достаточно обратиться к любому времени исторического перелома. Разве слово великих просветителей — от Жан Жака Руссо до Марата — не подготовило, не предварило, не распахало поле для деяний французской буржуазной революции? Разве не ту же роль сыграла пропаганда — словом — перед Октябрем 1917-го?

И, наконец, наши с вами времена. Период застоя, благодушия, показного оптимизма накопил жестокие кризисные явления, начавшие грозить будущему, разрушавшие исконный динамизм социалистического развития. Деяния-то продолжались, но как часто — в извращенной, инерционной форме, как часто — впустую расходуя огромные потенции народа, общества.

Нужно было слово критики, слово нового замысла, чтобы положить конец инерции, поломать стагнацию (неподвижность). Таким словом поразил страну апрельский Пленум ЦК КПСС 1985 года. С этого слова начались деяния перестройки, революционные преобразования, набирающие обороты день ото дня.

Так, по-марксистски, надо, наверное, оценивать слово, слово правды. Как деяние.

И отсюда — к предмету разбора.

Говорят, что газета живет одним днем. Сменится листок на календаре, и сменится все: накатит свежий вал новостей, потребуется злободневный комментарий, взойдут новые имена. Кому интересны вчерашние полосы?

Но вот отвеивает время полосу отгремевших сенсаций, а проникновенное и прозревшее будущее газетное слово остается. Издаются и мгновенно раскупаются сборники фельетонов и очерков Михаила Кольцова, Анатолия Аграновского, литгазетовца Евгения Богата.

Скажут, это — на грани художественного, и отчасти будут правы, хотя, думается, что силу таких сборников составляет документ, реальная правда об руку с сильной мыслью. Сказал ведь тот же Аграновский: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает».

Перед читателем — сборник газетных статей «Прямая речь», сколотивший под одной обложкой тридцать пять выступлений чрезвычайно удачной рубрики «Советской культуры». Тридцать пять несхожих авторов, и нет в сборнике обаяния единого стиля, нет даже сколько-нибудь заметных покушений на художественность. А сборник тиражом 100 000 раскуплен.

Единство его, секрет успеха его в том, что каждый из тридцати пяти «хорошо думает». Каждый понимает слово свое как ответственное гражданское деяние и вкладывает в него весь опыт, всю духовную работу свою.

Каждому из выступавших в «Прямой речи» — от доктора наук до партийного работника — было что сказать. И сейчас, перечитывая статьи, собранные вместе, поражаешься самобытности и богатству мыслей, вкупе реально поднимающих планку общественного сознания.

Для того чтобы напомнить внимательному читателю (а рассеянного — привадить к сборнику), как поднималась планка, обратимся к трем статьям. Писателя. Рабочего. Актера.

Евгений Евтушенко — зачинатель рубрики. Его «Личное мнение» чрезвычайно бескомпромиссно, безоглядно смело, своевременно. Статья была той каплей раствора, какая убыстряет начавшийся процесс — в нашем случае процесс решительной схватки сил демократии и бюрократии, чем отмечен драматизм перестройки. Писатель едва ли не первым выступил против атмосферы безгласия, покорного «внимания» только «указивкам». И его слово-деяние было отлично отточено. Вспомните:

> **«Личное мнение иногда дорого стоит. Но без личного справедливого мнения нет личностей, а без личностей нет народа... Личное мнение дорастает до народного, когда в нем не личная корысть, а забота о народе. Личное мнение, затиснутое внутрь, саморазрушительно. Бесстрашно высказываемое во имя других, личное мнение созидает личность... Разумеется, лишь в том случае, если своим личным мнением не пытаются подавить все остальные мнения».**

Так точно высказанная, чрезвычайно своевременная мысль, как «злободневное мечтание», стала частью перестройки, многим помогла в преодолении вчерашних страхов.

Герой Социалистического Труда, строитель, один из первых в борьбе за коллективный подряд, Владислав Сериков не гонится за отточенной афористичностью, писательским тщанием. Его стихия — продуманные выводы из громадной суммы реальностей, с которыми сталкивает жизнь. Вслушайтесь: четырнадцать тысяч писем получил он как председатель Всесоюзного совета бригадиров — какая глыба! И ею вооруженный, Сериков убежденно воюет с бюрократическим каноном.

Один лишь пример: почему со скрипом идет распространение подряда? Среди прочих препон — малая чиновничья уловка: во главе бригадных советов рекомендуется ставить... руководителя-единоначальника.

> **«Вот и получается, — пишет Сериков, — совет при директоре, управляющем, начальнике, который опять же сведется к тому, чтобы общественным мнением подкреплять его единоличные решения. Между прочим, в бригадах, которые мне приходилось возглавлять, правило было обратное — бригадир никогда не входил в совет, чтобы не сковывать волю самой бригады».**

Взвешенный, мудрый рабочий опыт подкрепляет здесь достоинство мысли, а моральный авторитет автора позволяет спокойно выслушать самые горькие его слова о пассивности рабочего люда.

Михаил Ульянов — актер, общественный и партийный деятель — давно снискал всеобщее уважение. Прислушивались к его Егору Трубникову, теперь ловят и каждое собственное его слово.

Ульянов, может быть, больше всех зол на тормозящих перестройку, догматиков и перестраховщиков: многое перенес за свою судьбу, лишь внешне такую лучезарную. «Теперь или никогда» назвал он свою статью в «Прямой речи».

Не удержусь — приведу два места из этой гневной, изнутри раскаленной филиппики.

О литературе.

> **«...Здесь все тот же «бдительный» подход, продиктованный глубоко укоренившимся недоверием, сознанием собственной непогрешимости, всекомпетентности. Говорят, скажем, привязывая литературу к перестройке: зачем ей Айтматов, Астафьев, Распутин с их «плахами», «печальными детективами», «пожарами»? При чем, мол, тут перестройка, они только демобилизуют — слишком уродливой показывают нашу действительность. А я лично читаю в этих «плахах», «печальных детективах», «пожарах» огромную и обоснованную тревогу за нравственный надлом в некоторой, и довольно большой, части нашего народа: к чему пришли, что происходит, за что боролись? Надлом, созданный явно не усилиями писателей, во всяком случае — этих писателей. Потому что они не замазывают сомнительными даже с медицинской точки зрения «мумие» смертельные болячки, они их вскрывают».**

Так говорит союзник по искусству. И далее, с решительностью и непоказной, прошедшей через горнило сомнений верой:

> **«Время не просто сложное — драматичное. Нутром ощущаю: пограничное время, ход его может и туда, и сюда повернуться. Или — полное обновление «гениной системы», или всё заговорим, утопим в словесах. И тогда снова, надолго, если не навсегда, погрузимся в спячку: ведь как-то жили... И потому зову каждого, и прежде всего своих собратьев по искусству, в лагерь добра, в лагерь перестройки, зову идти вместе с партией до конца.**
> **Теперь или никогда».**

Трое, как и остальные тридцать два, ощутимо подняли планку слова-деяния, помогли тысячам читателей осознать их собственные позиции в широком диапазоне проблем.

Очень он ко времени — сборник «Прямая речь».

А. ЕГОРОВ

Писатель и пятилетка

Латвийский писатель Айвар КАЛВЕ на горно-обогатительном комбинате Восточного участка БАМа в Хабаровском крае.

Фото Т. БАЖЕНОВА

У ПОЛКИ НОВИНОК

Павел УЛЬЯШОВ

Стоит ли спускаться в Аид?

НОВЫЕ ИМЕНА («Москва», № 6. 1987)

СЕРГЕЙ СТРОКАНЬ «аход» в свою поэму «Метры метро» открывает эффектно: здесь «Сизиф-эскалатор ступенями мерит пространство», «мигает табло — электронное эхо курантоа», «по холодным пустотам Аида» мчатся поезда, «и как за метром метр растет метро — так шаг за шагом движется позма». И вот уже нам обещана «туннельная история страны». Проехав несколько станций, автор решает, что «настало время подвести итог». Но подводить итоги оказалось, собственно, рано и нечему. И «туннельной истории страны» не получилось — не принимать же всерьез за нве беглое упоминание мвтроса с наганом со станции «Площвдь Революции», партизана с «Белорусской» и трех стачций, носящих имена писателей-классиков. «Связи меж ними не так просты» — уверяет поэт. Верно. Но если автор не смог их отыскать, то зачем было и спускаться а царство Аида?

Замахнулся автор на большую тему, но вышел в дорогу неподготовленным, с легковесным багажом, и потому кудожественный результат, объявленный в «Постскриптуме», оквзался столь же зфемерным Смотрите, как все здесь приблизительно, общо, декларативно: «И вновь колея, как звенящий натянутый шов, ложится на жизнь, вновь бессилье — отступит в бессилье...», «Я верую в ток и в колес нарастающий стук, в свист ветра...». «Не верь, идущий, что Аид не страшен... Но он отброшен метром новых строк, он отдаляется от тех, кто старшв (а к тем, что младше, — приближается? — П. У.)... Шагнвшь в него и вздрогнешь еле-еле (?)...», «Сизиф, трудись, и ты поборешь квмень...» (!) и т. д. Что это? Да все она, родимая, так хорошо знакомая нам риторика, не очень осмысленная, призванная подменить художестаенную ткань стиха громыхающим, как пустой состав, текстом-призывом, лозунгом... Поистине Сизифов труд. В особенности вто ясно сейчас, когда мы только что прочли поввсть С. Антонова «Васька», где с таким проникновением в зпоху вскрыта вся сложность и драматизм строительства первой очереди Московского метрополитена. Вот где действительно «туннельная история страны»! Но для зтого, конечно, надо было пройти «метры метро» с киркой и лопатой, как то сделали герои С. Антонова, а не промчаться «без остановок» (?) голубым злектропоездом, фиксируя лишь мелькание «капелек света» за окном.

Герой поэмы С. Строканя жаждет «на поезде... прогреметь по мосту и так переехать подземную реку молчанья...», предпочтя, таким образом, более современные средства передвижения медлительной Хароновой лодке, хотя любой, мне кажется, на его месте так не торопился бы. В конце концов не в Сочи едешь...

Героиня рассказв Елены Грушко «Женщина и смерть» совсем не собиралась в цврство Аида, а вот, поди ты, она явно на пути к нему — торопилась за дочкой в детсад и попала под грузовик. И вот теперь в реанимвции, пока врачи колдуют над ней и обмениваютея го профессиональными, то бытового характера (например, про сапожки в соседием магазине) фразами, она ведет диалог-диспут со Смертью. Вечный спор, запечатленный в десятках классических литературных шедевров. Женщина, конечно, хочет жить, но согласна умереть, если Смерть собравшаяся на предстоящую «великую жатву», оставит в живых не только ее дочь, но и всех детей. Смерть отступвет, но нам как-то не верится во все эти фантасмвгории, душв наша не содрогнулась и рассудок остался холодным. Сильный прием избрала писательница, но не срабатывает он. Наверное, потому, что спор не нов, банален и опять же риторичен.

Л. Толстой говорил, что он оценивает творчество молодого писателя прежде всего по атому чувству «заразительности» и тому, что он скажет ему квк читвтелю нового. Читая в шестом номере «Москвы» под рубрикой «Новые имена» повесть Раисы Паломовой «Закон сохранения», рассказы Дмитрия Полякова «Киты Коли Свешкина», Михаила Устинова «Двое я одном купе», стихи Игоря Жеглова, Александра Позднякова, Валерия Володченко и других, отмечаешь определеиное литературное умение, отдельные находки, даже порой чувство (чаще сентиментальное), а вот что касается нового — с зтим сложнее. Дед-ветеран, вспоминающий в День Победы своих погибших друзей-товврищей, поминутно пилящая его бабка, внук-озорник, нехитро замешенный на зтой основе сюжет с назидательной моралью (повесть Р. Пвломовой), очередной чудик Коля Свешкин, безуспешно пытающийся оповестить весь мир о своем открытии, что киты разумны (рассказ Дм. Полякова), удивительно монотонные, словно написанные одним автором стихи рождают ощущение бесконечно знакомого, много раз читанного. Вторичность — вот главное их отличие (если это можно считать отличием) и беда. И жаль, что молодые авторы торят пока не свою тропу, а довольствуются перепеванием чужого. Во всяком случае, сужу по тому, что представлено в номере, рад буду ошибиться, если у них есть произведения (почему не быть?), где отражена и их индивидуальность, свое особое видение мира.

Открытие номера и, более того, произведение во всех отношениях примечательное — рассказ Анатолия Королвва «Перелет». Американский искусствовед, русский по происхождению, Ивен Поляков, прилетевший в Москву, чтобы собрвть материал о знаменитом у нас в 20-е годы художнике-модернисте Вениамине Аполлосовиче Таткине (комбинация-синтез фамилий известных художников Цвдкина и Татлина?), которого все считают погибшим «в роковые предвоенные годы», вдруг от своей знакомой — коллеги по профессии Галины Шнютас — узнает, что Таткин жив. Встреча с ним, однако, начисто вышибает искусствоведа из равновесия. Живой Таткин никак не укладывается а его представления о легендарном «комфутовце», авторе фантастической конструкции пирамиды Коминтерна, соратнике Эль Лисицкого и Мвлевича. Нынешний Таткин с мвнерами простолюдинв ничего общего не имеет с щеголеватым футуристом с портретов 20-х годов: он отказался от искусства или, точнее, от себя в искусстае и теперь исповедует нечто другое: «Гдв-то в шестидесятых годах я стал искать пластические зквиаленты тем чувствам и идеям, которые пережил не лично я, а другие... Я искал конструктивную форму отечественной мысли. Вид ее красоты».

Ев выражением, своего рода символом Таткин считает столп. Башню — «подножие человеческим ступням». Не арку и ив обелиск, а именно Башню, поскольку она без предела.

Постоянное подсмеивание Таткина над Поляковым, его нежелание (или неспособность) разыгрывать роль мученика и непризнанного гения, стрвнное поввдение дома и потом на кладбище у могилы жены — последней его любви — окончательно выводят русского американца из себя, и он почти в истерике вопрошает-выговаривает ему: «Почему вы, Таткин, человек-легенда, не набрались честности возненавидеть Россию? Вот уже сорок лет как вы — живой мертвец. По чьей милости? Сорок лет никто ничего не знает о вас. В наших курсвх вы проходите как покойник с предположительной датой смерти. Здесь вас похоронили заживо, не заметили ваш гений, ... вы? Вам все божья роса! Вы трусите даже походить на себя самого. Вот почему вы бежали иа искусства».

Американскому русофилу, господину из Сан-Францнско (эта параллель с Буниным, как и толстовские фразы из «Холстомера», постоянно звучащие «за кадром», — своего рода рефрен рассказа), никак не постичь, почему бывший русский американ, да еще репрессированный в 1937 году, так любит Россию, ее культуру и не питает никакой обиды по поводу своего забвения и непризнания...

А. Королев своим неординарным рассказом добавляет новый штрих к теме: Художник и Отечество. Проблема эта в связи с возвращением в нашу культуру многих слааных имен, по разным причинвм долгие годы выключенным из нее, обретает новую вктуальность. Только что опубликованы письма М. Булгакова Сталину, в которых затравленный, отчвявшийся писатель просит выпустить его за границу... Идет спор о герое гранинского «Зубрв» — Тимофееве-Ресовском, не захотевшем вернуться домой на верную гибель в 1937 году и оствввшемся в фашистской Германии. У всех на памяти трагедия А. Тарковского. Как относиться к этим непростым фактам?

И кто такой все же зтот Таткин? В душе он, возможно, понимает несправедливость отношения к нему и его творчеству. Но он менее всего склонен к самоупоению обидой, поскольку выше признания или нвпризнания. Зациклиться на собствнном изгойстве — знвчит, остановиться. Гений же делает свое двло, не заботясь о том, что из зтого последует. И ему наплевать, что думают о нем в Америке или вще где-либо.

В споре с представителями самой деловой и практичной страны мира Таткин утверждвет, что в искусстве «польза никогда нв была нашей целью». Потому и его Башню «надо создавать, но нельзя строить. Всякий вавилонский молох будет рвзрушен... Ведь град Китеж невидим... А зто вз нашей красоты». Идеализм? А может, отстаивание свмоценности искусствв, которое твк часто заствляют выполнять не свойственные ему функции?

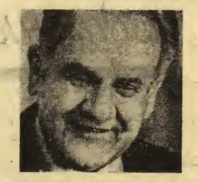
Не буду утверждать, что рассказ А. Королева безупречен и что интерпретация им русского искусства, его нвциональной субстанции во всем верна. Наверняка у многих читателей вызовет возражение мысль о полной неконтактности культур, представляемых Поляковым и Таткиным — мысль, выраженнвя не прямо, но тем не менее доствточно прозрачно: «Суть сегодняшней встречи дввно обнажилась: два человеческих бастиона стояли спиной друг к другу... Каждая сторона мира мыслила о другой как о злосчастной утопии». Я думаю, самозамкнутость не шла на пользу ни одной культуре. Очевидно, отсюда же и не слишком благосклонное отношение автора к деятельности Петра, о чем говорит характерный штрих, когда, пусть и глазами Полякова, подмечается, что церковь на Ноао-Басманной, построенная по чертежам императора, больше походит на бастион, чем на храм.

Есть и фактические неточности. В парке Таткин встречает «кем-то брошенную болонку». Болонку вряд ли кто бросит — дорогая собачка. Скорее всего, эта болонка потерявшвяся, но в таком случве ее мигом подберут. В текств же она бродячвя. Ну, это ладно. Вот ошибка более серьезная. На странице 86-й Поляков замечвет Таткину: «Ваше творчество обрывается для нас тридцать седьмым годом, а что было дальше? Сорок лет. Нет, сорок пять». Делаем нехитрый подсчет: 37 + 45 = 82. Значит, встреча персонажей происходит а 1982 году. Но чуть ранее сообщалось, что вторая жена Таткина Юлия Пввловна умерла в 80-м году, что и звфиксировано в Башне: «это был виток восьмидесятого года». А позднее, на кладбище, внук Юлии Павловны Борис говорит Полякову, что «сегодня семь лет со дня ее смерти». Теперь получвется, что герои встрвчаются в впреле, накануне майских праздников (об этом былв оговорка в тексте)... 1987 года. Но тогда Юлия Павловна былв бы еще жива, поскольку, очевидно, рассквз писался все же за некоторое время до его публикации в июньском (!) номере журнала «Москва» за этот год.

Но оставим буквоедство. Тем более что Ивен Поляков тоже ошибся, посчитав Таткина давно умершим. И его путешествие из Америки к Таткину действительно оказалось в некотором роде путешествием в Аид: ведь для него Таткин — живой мертвец. Но само злорадствование по этому поводу Полякова и его коллеги Шнютас, их обоюдная готовность обьявить художника сумасшедшим, а также «творческий» девиз американца, «ни слова о живых» вызывает большие сомнения в собственном нравственном здоровье зтих дельцов от искусства. И рвсказ, таким образом, получает новое измерение, а интерпретация его — дополнительную знергию. Сколько же способно вместить относительно небольшое произведение, если оно создано острым умом и непрямолинейной, небанальной фантазией! Так стоит ли спускаться в Аид?

Итак, мы познакомились с некоторыми молодыми авторами, новыми именами в литературе. Одни из них, прввда, уже встречались читателю «Москвы». Похввльно, что «взрослый» журнал следит за творческим ростом своих авторов, пестует их, чего нельзя порой сказать даже о специальных изданиях, призванных заниматься молодыми, например, о журнале «Молодая гвардия», который на протяжении многих лет не открыл ни одного по-настоящему талантливого автора. Необходимо только, предоставляя молодым авторам столь ответственную трибуну, как журнал, носящий имя столицы нашей Родины, подходить к их произведениям как можно с более строгими критериями. В конце концов твкая публикация — не что иное, как пропуск в литературу...

Янке БРЫЛЮ — 70 лет



В приветствии секретариата правления СП СССР Янке Брылю сказано:

«Известный белорусский прозаик, Вы уже почти пятьдесят лет плодотворно трудитесь на ниве советской литературы.

Пятилетним мальчиком вместе с родителями приехали Вы в Западную Белоруссию, здесь же прошли Ваши детские и юношеские годы, здесь же началась Ваша трудовая деятельность.

Во время Великой Отечественной войны Вы принимвли вктивное участие в партизанском движении. В послевоенные годы работвли в редакциях белорусских газет и журнвлов, тогда же вышел Ваш первый сборник «Рвссказы». Хорошо известны всесоюзному читателю Ваши романы «Граница», «Птицы и гнезда», книги рассказов и повестей «Для настоящей радости», «Мой край родной», «Продолжение разговора», «В семье», «Один день», сборники лирических миниатюр («Горсть солнечных лучей», «Витрвж», «Ты живешь» и др.). Почти все они посвящены жизни простых людей Звпадной Белоруссии. Вы являетесь также вввтором ряда книг для детей. Большую читательскую признательность заслужила книга «Я из огненной деревни...», создвнная Вами в соавторстае с А. Адамовичем и В. Колесником.

Вашему перу принадлежат многочисленные литвратурно-критические работы, переводы с русского, украинского и польского языков. В Вашем переводе нв белорусском языке вышли произведения Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, Г. Троепольского, Я. Ивашкевичв, В. Жуковского и других.

За большие заслуги в развитии советской литературы Вы нагрвждены двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы нвродов и «Знак Почета», медалями.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих свершений на благо нашей многонационвльной литературы».

* * *

В повседневной суете, переплетении жизненных забот нам хорошо вдруг остановиться и вспомнить о том, что рядом с тобой живет, работает, думает очень добрый человек, мудрый писатель.

Для одних он — Иван Антонович, для других — просто Янка. Но для всех нас он прежде всего Янка Брыль — писатель яркой индивидуальности, самобытный дар которого заметно выделяется даже на фоне богатой талантами нашей многонациональной литературы.

Предельная искренность и естественность, простота почти на грани литературного аскетизма, неприятие искусственности — факт сам должен говорить за себя и будить мысль; мягкий лиризм, на котором замыкается опять та же душевная искренность, — вот, видимо, то главное в брылевской прозе, что неизменно завораживает читателя.

В недавней очень щедрой на самые сокровенные мысли книге Янки Брыля «Сегодня и память» мы читаем: «И сегодня проснулся в шесть. И за окном было

Журналы: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

ВЕРНУВШИСЬ домой из Москвы с VIII съезда писвтелей, не один из наших делегатов огорченно сетовал: литовсквя проза на сей раз «не прозвучала». Причины ясны: не было заметных, ярких произведений, а поствпенно укоренившийся «серый слой», так вольготно чувствовавший себя на фоне социального равнодушия и боязни острых углов, снизил общий идейно-художественный

основном фиксировать факты — будь то область социальной действительности или чувственного мира. Перед нвми пестрый набор внешних примет быта жителей города и деревни. Нам показывают, как они одеваются, работают и отдыхают, обставляют квартиры, выпивают в будни и по праздникам, создают и разрушают семьи,

асе «ступени» он уже прошел мысленно (!) и — разочаровался...

Наконец-то в литовской прозе снова появилось произведение, вокруг которого разгорелась полемика (последним таким произведением был роман Й. Авижюса «Дягимай»). Действительно ли повесть Р. Гранаускасв «Жизнь под кленом»

Углублявтся, художественно укрупняется правда отобрвжения и менее отдвленного прошлого литовской деревни. Лобовое столкновенив идей и характеров, по всей видимости, окончвтельно уступает место показу всей сложности и драмвтизма послевоенных лет, поиску нестандвртных стилистических и сюжетных решений.

апелляционно судить нас? Роман П. Диргелы психологически достоверен, однако уязвим с другой стороны: слишком много в нем метафизического туманв, лирических красивостей, напускного оптимизма (в частности, в вопросе о преемственности поколений и культурных традиций).

Последние (5, 6, 7) номера журнала знакомят читвтеля с романом Й. Микелинскаса «Страна Черных Елей», написанным

Журналы: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

ВЕРНУВШИСЬ домой из Москвы с VIII съезда писателей, не один из наших делегатов огорченно сетовал: литовская проза на сей раз «не прозвучала». Причины ясны: не было заметных, ярких произведений, а постепенно укоренившийся «серый слой», так вольготно чувствовавший себя на фоне социального равнодушия и боязни острых углов, снизил общий идейно-художественный уровень нашей прозы.

Посмотрим номера «Пяргале», «толстого» литературно-художественного журна-

Юрате СПРИНДИТЕ

В ПОИСКЕ

Что изменилось в «Пяргале»?

ла на литовском языке, за прошлый и текущий годы. Изменилось ли что-нибудь? Появились ли более смелые по тематике, художественно яркие произведения? Увы, таковые не посыпались как из рога изобилия. По-прежнему наши надежды оправдывают те прозаики, кого и раньше отличало высокое профессиональное мастерство, у кого «душа болела».

Журнальная проза теперь куда более откровенно говорит о наших бедах — пьянстве, головотяпстве, беспринципности, наступлении вещизма, духовной ограниченности. Раньше, как правило, зло сводилось к отдельным «все еще встречающимся недостаткам», которые существовали где-то за нашим порогом, не касаясь нас прямо, не задевая за живое. И вот, оказывается, все это рядом, в нас самих, и по нашей вине.

Многозначна метафора рассказа Р. Гавялиса (№ 11, 1986) «День Харона». Герой его, хирург-онколог, дотошно углубляясь в тайны коварной природы болезни, приходит к выводу, что она, оказывается, отнюдь не слепа и бездумна, а, напротив, ведет себя как существо живое, пожалуй, даже разумное, как мыслящая плесень, поражающая не только тело, но и душу. В одном из публицистических интервью поэт М. Мартинайтис так развернул эту метафору: «Есть у нас злокачественные опухоли, дающие метастазы и воздействующие на генетический код подобно радиации или алкоголю». Но Р. Гавялис, изображая зло будничным, заурядным настолько, что оно выглядит как бы уже и «нормой», не находит ему противовеса со стороны добра.

Нет сил, противостоящих нравственному падению героев, как и анализа причин, которые приводят их к разложению и гибели, и в рассказах А. Чaпнариса (№ 6, 1986) — о людях пьющих и спившихся. В рассказе К. Сая «Осколок стекла в глине» (№ 4, 1986) в рамках детективного сюжета расследуется преступление супругов — врача и ее мужа, сбивших машиной женщину и бросивших ее в лесу на произвол судьбы. Гневный и страстный социальный критицизм писателя, несколько напоминая «Печальный детектив» В. Астафьева, создает, однако, суженную модель действительности. Да, герои — люди деградировавшие, нравственно порочные, но внутренние причины этого зловещего процесса не прояснены.

Сегодняшняя проза — в этом ее общая черта — редко занята психологическим анализом либо художественным синтезом явлений и характеров, она стремится в основном фиксировать факты — будь то область социальной действительности или чувственного мира. Перед нами пестрый набор внешних примет быта жителей города и деревни. Нам показывают, как они одеваются, работают и отдыхают, обставляют квартиры, выпивают в будни и по праздникам, создают и разрушают семьи, бросают детей и т. д. Но мало кто из писателей задается вопросом: почему жизнь этих людей течет именно так? «Адекватность» отображения действительности, увы, не равнозначна ее художественному постижению. И все же своей идейно-тематической направленностью эта проза выделяется из потока сочинений, которые все еще продолжают эксплуатировать избитые тематико-стилистические модели.

Позволю себе назвать несколько таких «вечных» моделей: 1) семейно-бытовая, посвященная описанию мытарств и несчастий разведенных семей, крушению обманутых надежд; 2) молодежно-ироничная модель, отражающая смутные устремления героев (и авторов), облегченные переживания по поводу несбывшихся иллюзий; молодые авторы, увлеченные «культурной атрибутикой» и собственной рефлексией, не зная толком, о чем хотят поведать миру, привычно конструируют рассказ из импортного гардероба, шума дождя и девичьего дыхания, звучных имен Акутагавы, Босха и проч.; 3) деревенская модель — своего рода элегии, следующие лишь внешней традиции деревенской прозы, но не углубляющие ее и не предлагающие ничего нового: те же одинокие старики и старухи, неблагодарные дети, оплакивание старых обычаев и моральных норм...

Так хотелось бы говорить об обновлении литературы! А ведь оно начинается не обязательно со взрыва. Новое может вызревать постепенно, как это происходило в литовской новеллистике (книга Ю. Апутиса «Новеллы путника», 1985). Сегодня этот процесс просматривается в так называемой «женской прозе» (любопытно, что подобная ситуация наблюдалась в Литве и почти столетие назад). Писатели-женщины, кажется мне, более чутки и к литературной форме, и к миру чувств своих героев, они тоньше фиксируют ценности подлинные и мнимые. Наряду с уже признанными Б. Вилимайте, Б. Балтрушайтите, Д. Урнявичюте набирают силу и голоса более молодые писательницы. Они не боятся плохо освещенных закоулков жизни, умело сочетают реальное и духовное начала.

Говоря об обновлении литовской прозы, нельзя не вспомнить роман Б. Радзявичюса «Предрассветные большаки», вышедший после смерти автора, до того мало кому известного. Он заставил глубоко задуматься читателя своей нравственной открытостью. Это своеобразный дневник поколения сорокалетних горожан, вышедших из деревни и лишенных корней, а потому мучительно переживающих духовный кризис. Когда я прочла в «Пяргале» (№ 2, 1987) повесть молодого прозаика В. Папевиса «Железные птицы», то подумала, у каждого поколения собственный вариант Радзявичюса — зова чести и совести. На первый взгляд может показаться, что В. Папевис искусно имитирует своего литературного предшественника. Но нет, это не подражательность, а органичное родство творческих индивидуальностей. Автор повести ставит свой диагноз духовного самочувствия нынешнего молодого поколения: да, мы растеряны, потому и пассивны; да, мы не приемлем конформизма потому, что не хотим лгать! Но если герой Б. Радзявичюса стремился все испытать на себе, пройти все ступени социального и духовного роста, то его младший собрат, герой В. Папевиса, почти сразу пасует перед жизнью: все «ступени» он уже прошел мысленно (!) и — разочаровался...

Наконец-то в литовской прозе снова появилось произведение, вокруг которого разгорелась полемика (последним таким произведением был роман Й. Авижюса «Дягимай»). Действительно ли повесть Р. Гранаускаса «Жизнь под кленом» (№ 12, 1986) — поворот в творчестве писателя, как утверждают некоторые? Думаю, что это скорее всего закономерное продолжение его раздумий о проблемах современной деревни, крестьянской жизни.

В повести Р. Гранаускаса показан всего один день старухи Монике Кайрене, одиноко живущей на краю обезлюдевшей деревни. Один день, вмещающий в себя жизнь четырех поколений, точнее — трагическую историю гибели рода. Путь старухи в поселок за пенсией — это ее прощание с деревней, последний взгляд на мир, взгляд проницательный и мудрый, хранящий в себе столетия народного опыта. Правдивая, честная диагностика бед современной деревни не была бы столь впечатляющей, если бы не исходила из всей старухиной судьбы, целой вереницы постигших ее лишений. Добрый, любимый и любящий муж утонул пьяный еще в послевоенные годы: «Той осенью их деревню начали записывать в колхоз. Той осенью ее муж начал крепко пить». Пристрастились тогда к самогону многие; была потрясена основа основ крестьянской жизни, крестьянин лишился земельного надела, и никто не ведал, что будет завтра.

А завтра начались перегибы в руководстве колхозами, когда зерна не оставляли даже на семена. И пошла деревня в город... Сын Кайрене еще любил землю, умел работать на ней, но «эмансипированная» жена, активистка-общественница, и собственное слабоволие оторвали его от земли окончательно. Победоносное шествие мелиорации (а Литва в этой области долго была в «передовиках») стерло с лица земли хутора и усадьбы, согнало деревни в современные агрокомплексы. А говоря проще — в поселения на пустошах, где под свинарники зачастую выделялись места получше, а дома людей строились где н[и] как придется. Вопрошает Кайрене: где родился тот, кто первым придумал это? Равнодушный, циничный внук ненавидит любую работу, бутылка и телевизор — его кумиры. Символичный финал повести — трактор с отключенными тормозами наезжает на пьяного внука, рушит старухину лачугу и давит ее саму — некоторым критикам показался слишком плакатным (грубое торжество цивилизации над остатками патриархального уклада). Но ведь подобный конец продиктован всей и непростой художественной логикой этого произведения.

Повесть Р. Гранаускаса, думается, отвечает наблюдению И. Золотусского по поводу ситуации в современной прозе о деревне: момент прощания сменился моментом отчаяния. Казавшийся бесспорным тезис о том, что «Прощание с Матёрой» В. Распутина — кульминация деревенской прозы, сегодня уже не кажется самоочевидным. Кто возьмется предсказать, какой художественной мощи произведение может еще родиться из глубин национального миропонимания, правды народной жизни, глубин родного языка?

Рост исторического самосознания — еще один фактор обновления прозы. Во втором номере «Пяргале» за этот год шла дискуссия по проблемам исторического романа (С. Гяда: «Странно, что у нас, у народа, имевшего до семнадцатого века самое большое в Европе государственное образование, по существу нет сегодня своего исторического романа»), а рядом (№№ 1—2) публикуется и образец столь желанного жанра — «Заложники» А. Поцюса, посвященные событиям XIV века. Роман насыщен этнографическим материалом, характерами, как бы перенесенными из легенд и преданий, эффектно живописными сценами, архаическим языковым ладом. Он, конечно, найдет своего читателя. Жаль только, что автор рассматривает изображаемый период слишком локально, не выходит на мысли и проблемы, так сказать, вечного порядка.

Углубляется, художественно укрупняется правда отображения и менее отдаленного прошлого литовской деревни. Лобовое столкновение идей и характеров, по всей видимости, окончательно уступает место показу всей сложности и драматизма послевоенных лет, поиску нестандартных стилистических и сюжетных решений. Так, герой рассказа Э. Игнатавичюса «Рубить яблоню» (№ 8, 1986), живущий единственной мечтой — мирно пахать землю, попадает в непростую ситуацию: днем он возит минеров, освобождающих землю от следов войны, по ночам — «лесных братьев».

В центре романа В. Даутартаса «Прощание с невозвращающимися птицами» (№№ 3, 4, 1987) — драма способного паренька из деревни, судьбу которого ломает типичная для сороковых годов ситуация: он — сын раскулаченного, сосланного в Сибирь. За сокрытие анкетных данных парня исключают из института, пытающийся вступиться за него партийный работник лишается своего поста, а друг героя, выдавший его, выбрасывается из окна. Чуть меньше бы в романе мелодраматизма и описательности, растянутости одних эпизодов и конспективности других...

К проблеме девальвации ценностей на шкале «отцы — дети» обращается П. Диргела в романе «Извечно шумящая пуща» (№№ 5, 6, 7, 1986). Один из центральных его персонажей — бывший детдомовец Матас Буткус, одинокий искатель правды, написавший острый роман о своем времени. Никем не понятый, он кончает жизнь самоубийством. Друзья у гроба Матаса (тоже воспитанники детдома, мушкетеры «из одной пущи») — по сути дела, уже не друзья, а противники. Это их, хорошо овладевших «механизмом прикладной справедливости», живущих полуправдой и сделавших жизненную карьеру (один — доктор наук, другой — лауреат Государственной премии), судит Матас в своем романе. Поддерживая позицию героя, автор дает возможность высказаться и его оппонентам: нет, говорят они, такой правды, чтобы искать ее всю жизнь; не может быть справедливости для всех и каждого: кто тебе, Матас, дал право безапелляционно судить нас? Роман П. Диргелы психологически достоверен, однако уязвим с другой стороны: слишком много в нем метафизического тумана, лирических красивостей, напускного оптимизма (в частности, в вопросе о преемственности поколений и культурных традиций).

Последние (5, 6, 7) номера журнала знакомят читателя с романом Й. Микелинскаса «Страна Черных Елей», написанным двадцать лет назад. Дела минувших дней высветлены в нем как бы изнутри, а не с «удобной» точки исторической перспективы, что не раз случалось в нашей прозе. На смену черно-белому стереотипу приходит стремление к большей достоверности, исторической объективности.

Герой романа — молодой учитель Анзельмас Друсенис — осенью 1946 года приезжает в сельскую школу. Он полон радужных иллюзий, восторгается деревенской природой, поселяется в полуразрушенном имении с богатой библиотекой, влюбляется в учительницу-комсомолку. Но однажды ночью девушка исчезает. В деревне днем одна власть, ночью — другая. Война закончилась, но борьба продолжается. В леса ушло немало молодежи, и отнюдь не только «кулацкое отродье». Много запутавшихся, не сумевших понять всю сложность ситуации. В романе делается попытка разобраться в причинах и мотивах того, почему люди шли в «страну черных елей», а само «лесное движение» рассматривается как неоднородное и противоречивое. Здесь много смертей и жертв, но самое парадоксальное, что единственный вышедший невредимым из этого гибельного водоворота — хитрый мельник Удрас. Избрав роль ловкого посредника (оригинальный вариант «третьего пути»), он процветает и позже становится директором совхоза. Через двадцать лет один из борцов с «братьями» ужасается: неужто ради таких, как Удрас, было пролито столько крови?!

Новаторское и суровое повествование о послевоенной поре обрамляется эпизодами современной жизни, но, к сожалению, эти разделы написаны гораздо слабее.

С августовского номера «Пяргале» начинает печатать вторую часть романа Й. Авижюса «Потерянный кров» (тоже о послевоенном периоде). Уже опубликованные главы дают основание думать, что это произведение мастера литовской прозы может стать явлением не только в нашей, но и во всей многонациональной литературе.

Но, как говорится, осенняя жатва покажет...

ВИЛЬНЮС

дом с тобой живет, работает, думает очень добрый человек, мудрый писатель.

Для одних он — Иван Антонович, для других — просто Янка. Но для всех нас он прежде всего Янка Брыль — писатель яркой индивидуальности, самобытный дар которого заметно выделяется даже на фоне богатой талантами нашей многонациональной литературы.

Предельная искренность и естественность, простота почти на грани литературного аскетизма, неприятие искусственности — факт сам должен говорить за себя и будить мысль; мягкий лиризм, на котором замыкается опять та же душевная искренность, — вот, видимо, то главное в брылевской прозе, что неизменно завораживает читателя.

В недавней очень щедрой на самые сокровенные мысли книге Янки Брыля «Сегодня и память» мы читаем: «И сегодня проснулся в шесть. И за окном было рождение нового дня, светлое, торжественное, щемяще-радостное утро отшельнической конфронтации с самим собой — тем, каким ты должен быть. Одно из тех утр, которых у меня было уже так немало, везде, куда меня заносила жизнь». «Конфронтация» с самим собой. Вечный двигатель настоящего таланта... Но только ли с самим собой? Конечно, нет. Она имеет внутренние, чисто человеческие корни, глубокое идейное, социальное и историческое обоснование. Ведь за плечами у писателя и многовековая драматичная история борьбы белорусского народа за право «людьми зваться», за право иметь свою историю, свой язык.

В чуткой душе художника сходятся, пересекаются неубывающие конфликты времени. И она отзывается рабочим толстовским постулатом: «Не могу молчать». Так появились «Птицы и гнезда» — роман о щемящей любви и жизни, о родной земле, о ненависти и войне. Роман, новаторское и глубоко гуманистическое значение которого до конца пока еще не оценено критикой. Так случилось и тогда, когда Янка Брыль вместе с А. Адамовичем и В. Колесником отправился записывать воспоминания тех, кто чудом избежал смерти в сожженных вместе с жителями белорусских деревнях, чтобы устами уцелевших поведать миру о зверствах фашистов. Более драматического и мужественного человеческого материала, собранного в книге «Я из огненной деревни...», литература, пожалуй, не знала.

После выхода книги «Я из огненной деревни...» думалось: чем же после всего увиденного, услышанного и пережитого будут жить они, трое ее авторов? Чем будет жить Янка Брыль? Но вот появляются «Нижние Байдуны», и читатель с радостным удивлением открывает для себя, что тот жестокий материал, в котором писатель жил на протяжении нескольких лет, не иссушил, не обескровил, не очерствил душу его, а словно бы раскрыл навстречу жизни и человеку.

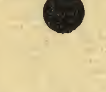
Умение радоваться добру, человеческому счастью — это, наверное, самое притягательное в Брыле — человеке и писателе.

Анатоль КУДРАВЕЦ

МИНСК

«Литературная газета» присоединяет к этим теплым поздравлениям.

Языком графики



Иллюстрации художника Р. КОНДАХСАЗОВА к повести Армена Зурабова «Тетрадь для домашних занятий». Политиздат. М. 1987.

Встреча в издательстве «Просвещение»

«Поставим многоточие...» — так назывался материал, опубликованный на страницах «ЛГ» весной этого года (№ 15) — «почти «круглый стол» по проблемам преподавания русского языка в школе. Многоточие же мы поставили потому, что участники беседы — преподаватели филфака МГУ — лишь наметили вопросы, которые предлагалось обсудить. Проблемы эти показались читателям «ЛГ» больными и острыми: мы получили сотни писем, с некоторыми из них — ответами писателей на анкету отдела литературоведения — вы уже имели возможность ознакомиться (см. «ЛГ», № 24), с другими, читательскими, еще ознакомитесь.

Разговор, начатый «ЛГ», был продолжен на совещании «Обучение русскому языку в школе: цель, задачи, содержание», которое проходило в издательстве «Просвещение» под председательством главного редактора А. П. Судакова. Среди выступавших там были члены-корреспонденты АПН СССР, заведующие кафедрами московских вузов, ученые-психологи, заведующие лабораториями, лингвисты, причастные к редактированию научных журналов, методисты, директора московских школ, учителя... Говорили резко, откровенно, мнения сталкивались, высказывались и критические замечания в адрес «ЛГ» (в частности, участников «почти «круглого стола» незаслуженно, на наш взгляд, упрекнули в недооценке значения орфографии), но в одном, пожалуй, все были единодушны: дискуссия эта необходима как воздух, потому что преподавание русского языка в школе нуждается в коренном улучшении. Не будем останавливаться на всех выступлениях, расскажем лишь о тех, которые показались нам ключевыми.

П. А. Лекант, зав. кафедрой русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской, доктор филологических наук.

Мы очень надеемся на то, что разговор, начатый «ЛГ», будет всерьез продолжен. Ведь от «большой» прессы во многом зависит повышение престижа русского языка как учебного предмета.

«круглого стола» «ЛГ»?) говорилось в тот день много.

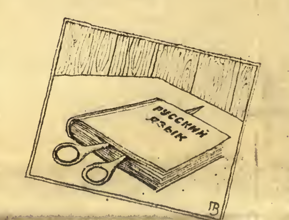
Л. Ю. Максимов, зав. кафедрой современного русского языка МГПИ имени В. И. Ленина, доктор филологических наук, зам. главного редактора журнала «Русский язык в школе».

Работа над этими темами — воспитание лицемерия в государственном масштабе. Это порочная практика, особенно в наши дни!

О проблеме «Русский язык и эстетическое воспитание». Мы давно должны сделать шаг к сближению литературы и языка — это несомненно. Начиная с 60-х годов в журнале «Русский язык в школе» существует раздел «Язык художественного произведения». Из номера в номер в нем появляются две-три статьи, которые могут помочь учителю на уроках как языка, так и литературы. Издательство «Педагогика» выпускает сборник «Лингвистический анализ текста». Наша кафедра подала в издательство «Просвещение» заявку на школьный факультатив «Язык художественного произведения». Так что какие-то шаги в этом направлении делаются.

Что же происходило с нашей методикой с течением времени? В 20-е годы она пережила период «романтизма» и особенно интересной была в трудах и практике А. М. Пешковского. Но постепенно в школу стали проникать идеи «классицизма» и вместе с ними — формализм, схоластика. Многие свежие начинания были засушены в 50-е — 60-е годы. В 70-е годы было решено перейти на иное содержание обучения. Тут и появились новые программы и учебники, которые все «совершенствуются». Но совершенствуются ли они по существу? Сомневаюсь. Мне, например, учебник для 4-го класса нравится гораздо меньше его предшественника конца 60-х — начала 70-х годов. Учебник для 7—8-х классов, одним из авторов которого являюсь я, тоже значительно ухудшился. Изначально в книге было как раз то, к чему призывали участники «почти «круглого стола» «ЛГ»: давался материал для размышления, а уж потом — правило, сначала наблюдение, а потом дедуктивное изложение правила. Но после троекратного переиздания, сопровождавшегося активным «прессингом» со стороны Министерства просвещения (с требованиями что-то снять, что-то убрать), книга потеряла свою оригинальность. Кто виноват? В немалой степени наша система образования, которая в

тревоги и надежды



«Из каких частей состоит шкаф?»

«Вова Бутузов, из четвертого класса, познакомился с очень хорошей девочкой Настей Кувшинчиковой. Вот как было дело.

Только он увидел ее — прямо-таки остолбенел. Кувшинчикова стояла на школьном дворе и не обращала на Вову внимания. Вова стал на четвереньки и прошелся по двору. Настя по-прежнему продолжала не обращать внимания. Вова три раза на четвереньках обошел Настю. Но это не помогло. Тогда он подошел к Насте и сказал:

— А у меня старший брат — прямо чудак! Смешной. Вместо карандаш говорит «карандаж». Смех-то! Вместо идешь говорит «идежь»! Хоть бы что! Даже когда воробьев пугает, надо — кыш! а он: кыж! кыж! Смешной, правда?

— А по-русски он с детства говорит? — заинтересовалась Настя.

— А как же!

— Тогда ты врешь, — решила Настя.

А как она догадалась?»

Не правда ли, эта милая история могла бы украсить любую детскую книжку? Однако это не маленький рассказ, не новелла, а... фонетическое задание к параграфу № 11 («Какие чередования — позиционные?») из первой части учебника «Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы» под редакцией И. С. Ильинской и М. В. Панова.

Наш первый вопрос к Михаилу Викторовичу Панову: почему возникла идея создания такого учебника и какие цели ставили перед собой его авторы?

— Когда-то, много лет назад, группа ученых Института русского языка рецензировала школьные учебники. Они были весьма посредственными. И тогда В. В. Виноградов, знаменитый академик, в шутку, может быть, сказал: «Тогда возьмите и напишите учебники сами. Только непременно «убейте двух зайцев»: чтобы все было по науке и чтобы ученикам было интересно». Мы страшно загорелись этой идеей

В течение нескольких часов она с увлечением говорила о необычных уроках русского языка, свидетельницей которых была, об атмосфере творчества, царившей на них. Вот фрагмент ее рассказа:

«Ребята! Если вы будете так шуметь, я никого не буду спрашивать» — эти слова учителя, я уверена, были бы с восторгом восприняты учениками любой другой школы. Любой другой, но только не этой. Второклашки (а в Харькове эксперимент начинался с первого класса), умоляюще тянувшие руки, явно приуныли от такой перспективы. Ведь в этой школе вызвать, спросить — награда, праздник.

После короткого, обязательного на каждом уроке словарного диктанта началось объяснение нового материала: вводилось понятие «предложение». Но «объясняли» его сами дети. Учитель прочитал «нечто»: «Классем сверкает праздничный чистоту». Что это означает? Антон, поднявший руку, уверенно отвечает: «Это — бессмыслица». Учитель предлагает «поправить» слова и сложить их в предложение. Все без труда это делают: «Класс сверкает праздничной чистотой». И тут начинается чудо творчества. Помните, в школе иногда учитель математики вызывал к доске подающего надежды ученика, и тот пытался вывести новую (пока для всех) теорему. Не заучить дома и ответить (как это бывает чаще всего), а вывести самому. Так вот, в нашем классе все дети вдруг оказались «подающими надежды», и все, перебивая друг друга, участвовали в выведении «формулы» предложения. В процессе рассуждения ребята вычерчивали его модель, показывая стрелками слова-командиры и зависимые от них слова, определяли их значения. И вот наконец главный вопрос: как доказать, что второй набор слов является предложением в отличие от первого — «бессмыслицы»? Маленькая Таня поднимается и говорит: «Работа слова — это называть, а работа предложения — сообщать. Это уже совместная работа слов. Первый набор ничего не сообщает, а второй, в котором слова связаны вместе, сообщает». Андрей нетерпеливо тянет руку: «Слова в предложении сплетены, как веревочками. А в первом случае веревочки разорвались». Вот как, оказывается, это можно объяснить.

А все оставшееся время ребята с легкостью придумывают предложения по заданным учителем схемам.

Как видите, главная задача такой системы преподавания — научить думать над своим языком. И тогда не будет этой бесконечной «школьной каторги», а само учение станет потребностью».

— Да, так проходил эксперимент, — комментирует рассказ Н. Запольской Михаил Викторович.— Работа шла на «всех парах», продолжалась около десяти лет. Но... была прекращена. Тогда в «Известиях» появилось письмо учителей, участников эксперимента, под названием «Опыт растраты опыта», взмолившихся о продолжении работы. Однако Министерство просвещения никак не отреагировало на эти мольбы.

— А чем ваш поиск отличается от поисков Ильина или, скажем, Шаталова?

— Прежде всего тем, что их цель сводится к тому, как известный, явно нужный материал лучше преподавать. Нас же

да-то нужно. Иначе никогда ничего не изменится. Пока же нам даже не удается добиться, чтобы Министерство просвещения выделило для эксперимента две-три школы.

— А как возникла идея университетского семинара, который сейчас работает на филфаке МГУ под вашим руководством?

— Идея пришла от... отчаяния. Мы поняли, что нашему поколению эту бюрократическую стену не пробить. Наша цель — подготовить студентов, которые бы принесли науку в школу, которые продолжили бы начатое нами дело. Главное, чтобы не прерывалась эстафета!

— Насколько мне известно, на семинаре вы занимаетесь разработкой и углублением всех разделов вашего учебника?

— Совершенно верно. В силу того, что студенты семинара не могут охватить в курсовых работах все разделы курса русского языка, они выбирают для своего исследования какую-нибудь тему: словообразование, фонетику или — уже — прилагательное и рассматривают ее под определенным углом зрения. Он может быть самым разным. Например, ЯЗЫК КАК ИСКУССТВО. Участники нашего семинара помнят замечательный совет Н. К. Крупской, которая в одной из своих статей предложила дать детям какой-нибудь художественный текст, например, И. С. Тургенева, изъяв из него прилагательные. А потом прочитать этот же отрывок, но уже с прилагательными, и показать детям, как заиграет, засветится эта проза. К сожалению, наши учителя весьма редко учат детей воспринимать и литературу как искусство слова. Мне очень понравилось выступление ленинградского учителя Ильина, которое транслировалось по Центральному телевидению. Однако, на мой взгляд, он слишком много морализирует и... почти не учит понимать литературу как искусство. Мне же кажется, что человек, любящий и чувствующий литературу не только как комплекс идей и постулатов, а так же, как музыку или живопись, уже не может быть аморальным или безнравственным. Путь же к такому восприятию литературы лежит через язык; к нему тоже нужно относиться как к искусству. Один из разделов нашего учебника так и называется: «Язык художественной литературы».

Другой угол зрения, под которым наши студенты рассматривают курс русского языка, заключается в том, чтобы научить детей законам построения текста. Ведь всякий язык, по существу, всегда является текстом. Вот, например, такое предложение: «Береза росла на краю села». Может ли оно начинать нехудожественный текст? Конечно, нет, потому что этой фразе должна предшествовать какая-то ситуация. Например: «Мы пришли в

преподавание русского языка в школе нуждается в коренном улучшении. Не будем останавливаться на всех выступлениях, расскажем лишь о тех, которые показались нам ключевыми.

П. А. Лекант, зав. кафедрой русского языка МОПИ имени Н. К. Крупской, доктор филологических наук.

Мы очень надеемся на то, что разговор, начатый «ЛГ», будет всерьез продолжен. Ведь от «большой» прессы во многом зависит повышение престижа русского языка как учебного предмета. Престижа, который формально высок: русский язык стоит первой строкой в учебном плане и в аттестате зрелости. Фактически же престиж довольно низок. Поэтому так необходимо, чтобы в нашем обществе изменилось отношение как к вопросам преподавания русского языка в средней школе, так и к проблемам речевой культуры вообще. И здесь мы очень рассчитываем на помощь «Литературной газеты».

И. А. Лизогубова, заслуженный учитель школы РСФСР, учитель русского языка и литературы школы № 201 г. Москвы.

Мы наблюдаем сегодня падение орфографической грамотности, интереса к чтению у молодежи. Виноваты в этом не только учителя, но и семья, и детские дошкольные учреждения... Одна из бед нашей школы — частое изменение программ и учебников. Больше того: хотя учебники дорабатываются, лучше они не становятся. По новым правилам в слове «умывается» «ся» — это суффикс, а «ет» — окончание. Попробуйте внушить эту мысль ученикам! Стоит ли удивляться, что необычайно повысился процент неграмотности! Для того чтобы создать хороший учебник по русскому языку, необходимо экспериментировать. Я считаю, что наряду со стабильными должны существовать экспериментальные учебники и конкурс среди них нужно проводить на практике.

Г. И. Кириченко, учитель русского языка и литературы школы № 78 г. Москвы.

Наши ученики плохо владеют устной речью. Они еще могут, отвечая урок, связать два слова, но уже десять — очень редко. Уроки устной речи, а может быть, и риторики совершенно необходимы в старших классах. Тот час, который добавили в 4-м классе, не нужен; в 8-м, где на русский язык отведено только два часа, он был бы уместнее.

Преподавание родного языка нельзя заканчивать в 8-м классе — это весьма категоричное утверждение, почти требование, поддержали все.

М. Р. Львов, проректор МГПИ имени В. И. Ленина, член-корр. АПН СССР.

Процесс языкового развития молодого человека не завершается в 8-м классе, он продолжается, причем особенно активно — в старших классах.

И. А. Лизогубова.

Ученик 9-го класса, который уже читал Толстого и Достоевского, разительно отличается от восьмиклассника, едва способного написать экзаменационное сочинение «на свободную тему»: у него меняется мышление, обогащаются лексика, синтаксис. Лишать его уроков русского языка в 9—10-м классах очень неразумно.

Кстати, о пресловутых 200 темах сочинений на свободную тему (помните, в них упоминали участники «почти

...60-х — начала 70-х годов. Учебник для 7—8-х классов, одним из авторов которого являюсь я, тоже значительно ухудшился. Изначально в книге было как раз то, к чему призывали участники «почти «круглого стола» «ЛГ»: давался материал для размышления, а уж потом — правило, сначала наблюдение, а потом дедуктивное изложение правила. Но после троекратного переиздания, сопровождавшегося активным «прессингом» со стороны Министерства просвещения (с требованиями что-то снять, что-то убрать), книга потеряла свою оригинальность. Кто виноват? В немалой степени наша система образования, которая в последние годы стала слишком жесткой, негибкой. Поэтому я всячески приветствую экспериментальные учебники. Пусть их будет много. Кстати, уже существует прекрасная книга: «Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы» под редакцией И. С. Ильинской и М. В. Панова. Это действительно экспериментальный учебник, в отличие от остальных, представленных на выставочных стендах в этой комнате, в нем нет никаких новых концепций — ни методических, ни научных.

А. К. Поливанова, старший научный сотрудник МГУ имени М. В. Ломоносова.

Программа не должна быть догмой; учителю, которого замучили всякого рода проверками, стоит предоставить больше свободы.

Ю. С. Разумовский, директор школы № 34 г. Москвы, учитель русского языка и литературы.

До 6-го класса ученики читают мало и плохо. Причины, в частности, в чрезмерной перегруженности школьных программ по естественным и точным предметам. Ребенок «избавляется» от того, что, на первый взгляд, проще простого, — от русского языка и литературы. На самом же деле освобождается он от того, что лежит в основе всех наук, без чего он никогда не станет грамотным в широком смысле, нравственным, наконец, человеком.

Каким же должен быть учебник по русскому языку? Эта тема занимала всех участников совещания. Интересно, что в издательстве «Просвещение» вышло уже 17 сборников, которые так и называются: «Проблемы школьного учебника». Г. Г. ГРАНИК, зав. лабораторией «Психологические основы построения школьных учебников» НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, доктор психологических наук, сказала, что создатели учебников должны опираться на исследования психологов и учитывать психологию усвоения предмета школьниками. Эту идею поддержал директор издательства «Просвещение», кандидат педагогических наук Д. Д. ЗУЕВ, заявивший, что учебники нужно создавать совместными усилиями ученых-лингвистов, психологов, педагогов. Сегодня, подчеркнул Зуев, перед нами стоят очень серьезные задачи: найти пути дифференцированного обучения школьников. Дать возможность тем, кому это интересно, проходить углубленный курс русского языка — практика показала, что факультативы ничего не дают. И еще: не пора ли нам вернуться к такому предмету, как русская словесность? Покончить с искусственным разделением на русский язык и литературу? Вернулись же сейчас в Польше к польской словесности!

В конце совещания выступила зав. кафедрой русского языка филфака МГУ К. В. Горшкова, одна из трех участников «почти «круглого стола» «Поставим многоточие...».

Полностью поддерживаю все высказанные сегодня предложения. Русский язык должен занять в школе подобающее ему место, должен стать основным предметом — с первого класса до десятого.

Так закончилось это совещание. Его участники решили сделать свои встречи традиционными.

Рисунки Виталия **ПЕСКОВА**

...ва.

Наш первый вопрос к Михаилу Викторовичу Панову: почему возникла идея создания такого учебника и какие цели ставили перед собой его авторы?

— Когда-то, много лет назад, группа ученых Института русского языка рецензировала школьные учебники. Они были весьма посредственными. И тогда В. В. Виноградов, знаменитый академик, в шутку, может быть, сказал: «Тогда возьмите и напишите учебники сами. Только непременно «убейте двух зайцев»: чтобы все было по науке и чтобы ученикам было интересно». Мы страшно загорелись этой идеей и начали работу. Так возник четырехтомный учебник, охватывающий все разделы школьной программы с четвертого по девятый класс. Учебник, представляющий собой попытку дать описание современного русского языка как целостной системы, все явления которой взаимосвязаны и определяют друг друга. О нем узнали харьковские психологи, которые проводили эксперимент в одной из школ своего города. Это была самая обычная, рядовая школа, и детей в нее специально никто не отбирал. Там и началась апробация учебника. Увлечены были все: мы, учителя, по пять-шесть часов готовившиеся к урокам (ведь все впервые!), ученики. Однажды мы привезли в Харьков на педагогическую практику студентов МГУ. Пришли в школу во время перемены и были поражены... тишиной, которая царила в коридорах. Кто-то в шутку сказал: наверное, по требованию учеников перемены отменены. Потом уже мы узнали: после звонка ребята обычно не бегут на перемену, а окружают учителя и говорят, спрашивают, советуются. И этому перестаешь удивляться, когда посидишь на уроках в этой школе. Как, например, объяснить детям, почему совершенно необходимо изучать такой раздел лингвистики, как словообразование? А вот как — входит учитель в класс и говорит: «Ребята можно ли понять значение слова, если вы его никогда не слышали, не встречали в книгах?» На такой вопрос дети резонно отвечают: нет, нельзя. Тогда учитель говорит: «Сейчас я напишу такое слово на доске: «КАБАРГА» (расчет был на то, что его никто не знает). А теперь произнесу другое слово. И я уверен, что вы его поймете: «КАБАРЖОНОК». Дети умоляюще тянут руки: «Кабаржонок — это ребенок кабарги». — «А кто такая кабаржиха?» — «Кабаржиха — это его мама». И учитель делает вывод: значит незнакомое слово понять можно. После такого «вступления» дети начинают с удовольствием заниматься словообразованием.

Прервем на минуту Михаила Викторовича Панова и позволим себе небольшое отступление.

Нам удалось встретиться с преподавателем МГУ Н. Запольской, которая шесть лет назад, будучи студенткой филфака Московского университета, побывала на педагогической практике в харьковской школе № 17.

...хаил Викторович.— Работа шла на «всех парах», продолжалась около десяти лет. Но... была прекращена. Тогда в «Известиях» появилось письмо учителей, участников эксперимента, под названием «Опыт растраты опыта», взмолившихся о продолжении работы. Однако Министерство просвещения никак не отреагировало на эти мольбы.

— А чем ваш поиск отличается от поисков Ильина или, скажем, Шаталова?

— Прежде всего тем, что их цель сводится к тому, как известный, явно нужный материал лучше преподавать. Нас же волнует, каким должен быть этот материал. Ведь существующие учебники русского языка чрезвычайно отстали от современного научного уровня. Я глубоко убежден в том, что только после того, как настоящая наука придет в школу, изучение русского языка станет полезным и для ученика, и для учителя, который, начиная свою преподавательскую жизнь полным сил, с годами становится схоластом и догматиком. Во многом из-за того, что десятилетиями ему приходится твердить одни и те же правила, заставляя детей бездумно повторять их. Так можно загубить любой талант: и учителя, и ученика. А между тем русский язык — явление необычайно загадочное, постоянно меняющееся, заставляющее думать. Вот, например, проблема речевой нормы. Стоит только ученику употребить в своем ответе какое-нибудь нетрадиционное выражение, учитель его тут же за это строго отчитает: так говорить нельзя, существует норма. Но ведь сами мы: и писатели, и ученые, и журналисты, для того чтобы добиться выразительности, точности, яркости, насыщаем речь словами шутливыми, необычными, нарочно придуманными, любим, что называется, «поиграть» словом... Ученикам же говорим: только норма! Говорим, хотя прекрасно понимаем, что речь диалектически подвижна, что она может быть гибкой в разных ситуациях, а норма не есть нечто незыблемое, она не одна во всех случаях. И научить пользоваться всеми неисчислимыми богатствами речи, ее выразительностью — тоже задача школы.

— Рассчитана ли ваша программа на рядового учителя или вы ориентируетесь на одаренного лингвиста, который будет работать только в экспериментальных классах?

— Наша программа рассчитана на обычного, рядового учителя и нацелена на то, чтобы пробудить в нем талант, который «заснул» от многолетней однообразной «долбежки». Я знаю, как одаренные учителя блекнут в школе. Но в то же время мы прекрасно осознаем, что у нас будут и противники, ведь перестраиваться всегда трудно. И еще я хочу подчеркнуть, что работаем мы не на завтрашний а на послезавтрашний день: для того чтобы повсеместно ввести нашу программу, необходимо прежде всего подготовить учителя. На это уйдет время. Но начинать ког-

...восприятию литературы лежит через язык; к нему тоже нужно относиться как к искусству. Один из разделов нашего учебника так и называется: «Язык художественной литературы».

Другой угол зрения, под которым наши студенты рассматривают курс русского языка, заключается в том, чтобы научить детей законам построения текста. Ведь всякий язык, по существу, всегда является текстом. Вот, например, такое предложение: «Береза росла на краю села». Может ли оно начинать нехудожественный текст? Конечно, нет, потому что этой фразе должна предшествовать какая-то ситуация. Например: «Мы пришли в село. Мы знаем, что молодежь собирается около березы. Береза росла на краю села...». То есть речь идет уже о какой-то упомянутой прежде березе, вполне определенной. Начинать же нехудожественный текст можно было бы так: «На краю села росла береза». Любому человеку было бы весьма полезно узнать о закономерностях построения текста, о том, что существуют такие значения, как определенность — неопределенность, важность — неважность (по смыслу), новое (сообщение) — старое...

Еще один ракурс: язык как точный инструмент, который способен адекватно передать мысль одного человека другому. Это очень важно, потому что помогает избегать двусмысленности, неточностей... Так как же подойти к языку как к сложнодействующей увлекательной «машине»? А вот как: можно ли сказать, из каких частей состоит шкаф? Оказывается, язык знает ответ на этот вопрос, и знает с абсолютной точностью. Ведь можно сказать «стенка шкафа», «полка шкафа», «орнамент шкафа», но нельзя — «рисунок шкафа» (если речь идет о рисунке, который владелец шкафа нарисовал на его стенке). Нельзя потому, что этот «рисунок» не является в нашем сознании частью шкафа, неизменной его принадлежностью. Оказывается, что язык с помощью родительного падежа может ответить на вопрос, из каких частей состоит шкаф. Об этом писал в своих работах ученый-языковед Д. Н. Шмелев.

А вот еще одна установка: язык и мышление. На уроках русского языка нужно все время думать о том, как язык связан с мышлением. Ученику необходимо показать, как сложно мир отражен в языке, какие это непростые «отношения»...

Так и проходит наша работа. Каждый член семинара считает, что уроки русского языка в школе можно и нужно сделать захватывающе интересными.

— А в это очень легко веришь, когда присутствуешь на вашем семинаре, когда листаешь ваш учебник. И хочется надеяться, что «непреодолимые» препятствия, стоящие на пути учебника, будут наконец преодолены и в обозримом будущем он займет свое место на школьной парте.

— Все может быть...

Беседу вела Наталья ИВИНА

Письмо читателя

Энергия слова

Мне очень понятна тревога газеты за судьбу родного языка. Школьная программа сегодня дает примеры схоластического, формального подхода к его преподаванию. Бессмысленная зубрежка правил оболванивает учеников. Орфография и пунктуация, различные виды грамматических разборов — только частица знания о русском языке. Грамотный человек обязательно должен свободно владеть устной и письменной речью, уметь точно, кратко, убедительно и по возможности образно выражать свои мысли.

У нас в школе все еще изучаются два разных предмета — русский язык и литература. Но материалом для изучения русского языка может стать только истинная литература. И напротив, уроки литературы должны стать уроками постижения тайн языка. Как завет воспринимаю я слова Федора Абрамова на VII съезде писателей СССР: «В слове сокрыта самая великая энергия, известная на Земле, — энергия человеческого духа». Писателя-гражданина глубоко тревожила «перегрузка школьника всевозможными предметами и недогрузка его родным словом...».

«Литературная газета» справедливо критикует мелкотемье, бессмыслицу тем школьных сочинений. В 1835 году Карл Маркс писал гимназическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии», Александр Ульянов выбрал тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». В 1886 году гимназист Владимир Ульянов писал сочинение «В чем выражается истинная любовь к Отечеству». Какие значительные, общественно важные темы предлагали учителя своим питомцам! Ведь и сегодня темы для сочинений должны побуждать к активной душевной работе, тревожить и мучить, воспитывать готовность взять на себя личную ответственность за судьбу страны и всего человечества.

Убежден, что русский язык и литературу нужно преподавать не только в старших классах школы, но и во всех вузах страны!

О. ГОЛОВКОВ,
учитель

Архангельская область,
Выселковская средняя школа

ПРОЗА

12 АВГУСТА 1987 г. № 33 (5151)

Предлагаем читателям «ЛГ» главы из нового романа Владимира Яворивского «Мария с полынью в конце столетия». Роман о событиях, связанных с аварией на атомной станции.

Владимир Яворивский говорил, что в этом произведении он хотел не только рассказать о случившемся, но и «показать», помочь увидеть читателям действительные размеры и причины аварии на АЭС. Полностью роман «Мария с полынью в конце столетия» будет опубликован в № 9 журнала «Дружба народов».

Владимир ЯВОРИВСКИЙ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

В ДИРЕКТОРСКОМ кабинете атомной идет совещание. В массивном кожаном кресле, тихо поворачивающемся вокруг своей оси, восседает маленького росточка человек с цепким, пронзительным взглядом. Это Осип Кузьмич Пузач. Директор станции. Почти все на АЭС знают, что он, еще будучи главным инженером, буквально доконал анонимками своего предшественника. Приводил бесчисленным комиссиям неопровержимые факты, а это было нетрудно, поскольку бывший директор любил рисковать (было в его натуре что-то мальчишеское и прямодушное, и даже в самой простой и вполне «округлой» ситуации он умудрялся нажить себе врагов, говоря прямо в лицо все, что думал). После каждой очередной проверки сигнала Пузача из министерства выстреливали выговором. Директор знал, кто пишет все эти письма от имени «рядовых атомщиков», однако считал, что такой «санитар» даже нужен: аноним помогал ему быстрее устранять недостатки в работе различных служб. Правда, было бы лучше, если б говорил все это в глаза.

И вот наконец для Пузача наступил решительный момент, и он рискнул. Отдел рабочего снабжения не завез в городской магазин мясо, и реакторщики, которые должны были заступать на смену, пришли к главному инженеру с жалобой: дескать, кто посадил их на диету? Осип Кузьмич намекнул на директорский кабинет, ласково посочувствовал: как можно посылать людей на реактор после манной каши? Безобразие! Не надо бояться, нужно уметь постоять за себя, следует дать понять директору, что они, реакторщики, тут хозяева.

Директор в это время был в управлении строительства. Посланцы-атомщики, возмущенные явным беззаконием и получившие поддержку главного инженера, еще некоторое время выпускали пары в раздевалке, и пересмена вахты запоздала на двенадцать минут. Этого было достаточно для того, чтобы Пузач позвонил в обком и доложил об «угрожающей обстановке» на станции по вине администрации и о том, что он, главный инженер, который, между прочим, отвечает только за технические вопросы, сделал все, чтобы успокоить рабочий класс. Кто-то квалифицировал это событие как политическое дело, и виновника перевели рядовым инженером на одну из тепловых электростанций Урала.

Возглавив АЭС, Пузач, имевший за плечами опыт такого рода, окружал себя только тщательно проверенными, преданными ему, абсолютно надежными людьми. Сразу же прекратился поток анонимок, жизнь на станции пошла ровно и спокойно, в Министерстве энергетики были этим довольны, сам министр дважды приезжал сюда на охоту и даже подстрелил лося в здешних лесах.

За длинным приставным столом ближе всех к директору сидит главный инженер Юрий Гнатович. Выдвиженец Пузача. Осип Кузьмич «ведет» его скоро уж десять лет, с тех пор как приметил рядовым инженером на блоке А. Теперь они дружат семьями, в их отношениях нет даже малейшей трещинки, в которую мог бы пробраться какой-нибудь хитрый интриган или провокатор. Юрко в директора не рвется, наслаждается теперешней высотой, о какой еще недавно не мог даже помыслить. Вот только оставлять его на время своего отпуска Осип Кузьмич не рискует, отдыхает где-нибудь поблизости, чтобы самому принять решение, если возникнет неотложная необходимость. Юрко в таких случаях нервничает, теряется и, ничего не предпринимая, сразу же мчится к нему за советом. Зато и недругов главный инженер себе не нажил, и на выборах в партком он единственный, у кого не бывает ни одного «против».

Возле главного инженера сидит его заместитель по науке Василь Голобородько, которого Юрко высмотрел в здешнем тех-

городской котельной, а с реактором. Все мы сейчас на высоком уровне цивилизации расслабились и пожинаем плоды своих безоглядных побед над природой. Мстительной природой, между прочим. Чем выше поднимаемся мы по соблазнительным ступеням НТР, тем с большей высоты приходится иногда падать. Вы же прекрасно понимаете, что для проведения эксперимента Голобородько придется отключить аварийную автоматику. Тогда все будет зависеть от отдельных людей — от Паливоды, Нечипоренко, оператора Мировича. Кто-то из нас может ошибаться... А что дает этот эксперимент? Копеечную экономию. Я прикинул ее — мизер. Оттого-то никто раньше на это не шел. А степень риска?

— Ин-те-ресно вы ставите вопрос, — откликнулся Голобородько. — Если никто не занимался, значит, бесперспективно? Расщеплением ядра до Резерфорда тоже никто не интересовался. До Эйнштейна о теории относительности никто даже не догадывался. Ваша позиция, Дмитрий Корнеевич, не просто ортодоксальна, но и вредна.

— Зато она исключает риск и авантюризм. Жолио и Ирена Кюри, Нильс Бор и Курчатов рисковали, хватали дозы облучения, от этого преждевременно умирали. Но на карту они ставили только свою жизнь. Только свою собственную, и больше ничью! А тут... Не хочу быть злым пророком, но игнорировать это я считаю... преступлением.

Пузач решительно встал.

— До выключения реактора из энергосистемы ровно час. Как директор, я беру ответственность на себя, но каждый из вас отвечает за свой участок. Василий Петрович, вы дежурите с ночной сменой, проводите инструктаж. Вы на блоке неотлучно. Мы с Гнатовичем — на домашних телефонах. Ну, ни пуха ни пера!

Все присутствующие встали (кроме Паливоды, который остался сидеть за столом, задумавшись о чем-то своем), замялись, верно, хотели сказать обычное в таких случаях «к черту!», но Голобородько опередил всех:

— С богом, потихоньку — и все пойдет как по маслу.

Только теперь все участники разговора ощутили, что в кабинете стоит нестерпимая духота и что все они истекают потом. Пьют теплую воду из графина, и эта вода сразу же проступает каплями на лбу, на влажных ладонях, на спинах, к которым прилипли рубашки. Липкие лбы, лица, руки, липкий от их прикосновений полированный стол. Тяжелый воздух.

Последним выходил Дмитро. Остановившись на мгновение, сказал:

— Даже если эксперимент Голобородько удастся, запомните — это дилетантская авантюра, которую вы санкционировали.

Пульт управления блоком атомной станции — точно увеличенная до гигантских размеров подкова. Микола Мирович — словно гвоздь, вбитый в эту подкову.

Волна теплого умиления и душевного покоя не проходила и теперь, когда он привычно погрузился в мягкое операторское кресло, которое всегда почти без усилий отгораживало его от семьи, от житейской суеты и страстей. Отодвигалось все, и он словно бы включал свои нервы, свои чувства в это напряженное наблюдение за турбогенератором, за его ровным дыханием. Глаз Миколы успевал видеть все датчики разом, реагировать на них с холодным и потому безошибочным спокойствием.

Микола понимал, что та семейная жизнь, о которой он мечтал, беря замуж Людмилу, не принесла ему не только счастья, но и душевного равновесия. Работа — это единственное, чем он мог всласть натешить свое честолюбие. Особенно любил он ночные смены, когда спали город, окрестные села, Киев, когда ровно вращалась в бетонном мешке его турбина, а он внимательно следил за ней, за ее надсадным дыханием. Один на один с расщепленным атомом, посылая миллионы киловатт-часов энергии, которая светит кому-то в темноте, движет электропоезда, согревает квартиры, покрывает инеем стенки холодильников, извлекает музыку из магнитофонной пленки... Микола никогда не сказал бы об этом вслух, считая такие мысли чересчур торжественными даже для написанного выступления с трибуны, но наедине с собой, сидя за пультом, зная, что его никто не видит и не слышит, охотно подпускал их к себе: все-таки чего-то, да стоит он в этой жизни.

Нет, надо все-таки беречь Людмилу. Взял ее в жены — береги. Что она приобрела, выйдя за тебя замуж? Домашние хлопоты, стирка, готовка... Что познала с тобой? Три года любовных утех, пока не родилась Олеся. А дальше — будни и повинности, ссоры и примирения, теснота в общежитии, ожидание квартиры, а еще дальше — мебель, ковры, посуда, тряпки... Все это доставала она, доставала, унижаясь перед кем-то, экономя каждую копейку, перепродавая дефицитные товары. За этими хлопотами и

Василь подхватил ее на руки и понес в комнату. С удовлетворением отметил, что еще довольно-таки силен: Людмила была тяжеловата и выскальзывала из рук. Успел подумать еще о том, что быстро вернется на станцию и никто не успеет заметить его краткого отсутствия. Сегодня ему везет, сегодня его судьба в прекрасном настроении.

Сейчас, когда Людмила плескалась под душем, а он застегивал пуговицы на модной рубашке, ощущал какое-то вялое разочарование, даже опустошенность: и ради э т о г о стоило гнать машину в город, рисковать (а вдруг кто-нибудь из атомщиков засечет его тут!), загораться, подобно нетерпеливому мальчишке? Ничего нового для себя не открыл, разве что исправил старую ошибку и потешил мужское самолюбие. Все было так же, как бывает обычно, когда соблазняешь чужую жену или «бесхозную» бабенку, а может быть, даже более пресно — оттого, что торопился и постоянно помнил, что это Миколин дом, и что на блоке осуществляют его эксперимент, и что может проснуться и неожиданно появиться маленький Тарасик...

Голобородько даже жалел, что поддался этому искушению. Надо было отложить на потом, тщательно выбрать время и место, выехать на чью-нибудь пустующую дачку, подогреться коньячком у камина, уединиться, а потом уж отомстить Людмиле так, чтоб и душа порадовалась, и тело тоже. Если найдется время и появится желание, можно будет повторить. Без нервов и дерготни.

Василь выглянул из-за шторы и замер: нету машины!

Тьфу ты! Стоит вон у соседнего дома. Хотел закурить, но у него было только «Золотое руно», а Микола таких не курит. Придется потерпеть, чтоб не оставлять в комнате своего запаха...

— Сергей! Нечипоренко! Почему не отвечает Голобородько?! Где он, где? Включай аварийку! Охладительные насосы отказали! Турбина не подчиняется. Опускай стержни! Дорога каждая секунда! Рванет! Гаси реактор, я тебе говорю! Приказываю!

Микола кричал, налегая грудью на пульт. Кричал, не слушая, что ему отвечает Нечипоренко, не слушая никого, потому что уже тряслась вся бетонная комната, потому что турбина набирала и набирала обороты, и он уже ощутил свое полное бессилие, разом перешедшее в отчаяние:

— Опускай стержни, гад ты этакий! Трус! Подонок! Что ж ты делаешь?!

Где-то внутри реактора прозвучал глубокий взрыв. С потолка посыпалась штукатурка. Тяжко содрогнулся блок, как будто хотел выскочить из земли вместе с фундаментом.

Пронзительно, злобно завыли сирены в коридоре.

Операторский журнал слетел с пульта и упал на пол.

Погас свет.

— Вот и все, Людмила. Живи...

Бетонированную коробку заполнили спрессованный мрак и духота.

Микола во тьме нащупал гибкую шею микрофона и почти простонал:

— Гаси его, черта проклятого. Не дай ему вырваться на волю. Гаси его, гада...

Миколе показалось, что он всем своим естеством ощущает, как напрягается бетон, как потрескивают швы между плитами, как...

Взрывом его выбросило из кресла.

— Я не виноват...

Треск, грохот, скрежет металла, жуткий свист пара.

Тяжелая металлическая дверь упала на Миколу.

Теплая мамина рука скользнула по его лбу...

Из развалин реактора взвился в ночное небо гигантский закрученный клуб пара, он поднимался вверх и рос, и увеличивался, застилая луну и звезды над станцией, над городом, над окрестными селами, полями, лесом, речкой.

На обломках вдребезги разбитой крыши плавился гудрон и скапывал на землю, словно черные слезы этого многогрешного столетия.

В небо вырывается столб огня, пара, обломков перекрытия, блестящих труб, пылающих кусков графита. Столб стремительно, подобно фантастической ракете, поднимается в небо, освещая корпуса атомной, речку, лозники, мирные костры рыбаков на берегах, высвечивает крайние дома города, полукружье «чертова колеса», пустынный пляж со старой лодкой под покосившимся грибком.

Огненный столб замирает на высоте полутора километров, на его вершине возникает световой шар, который как будто засасывает в себя этот призрачный столб. В небе вырастает огромный гриб, внутри которого что-то движется, сворачивается и распрямляется, а он стоит над ночной землей, как гигантская

— Я еще выключу рубильники. Буду жить, пока не найду Голобородько, Пузача... — Дмитро вытолкнул парня в коридор и бросился к энергетическому щиту на верхнем этаже.

Преодолев несколько лестничных пролетов, Паливода обессиленно останавливается перед проломом в стене, через который виден разрушенный реактор.

По выдвижным лестницам на стену разнесенного взрывом блока поднимаются пожарники в касках, зловеще окрашенных в красный цвет графитовым пламенем. Сквозь треск огня, свист пара слышны уже охрипшие голоса пожарников:

— Пошел! Пошел!

— Тяни шланг!

— Быстрей соединяй рукава!

— Горячая смола течет за воротник. Никакой радиации тут нет — смола обжигает, зараза! Огонь и смола!

— Воду давай! Или она у тебя вся в штаны ушла? Ну я тебе врежу, как погасим! — это голос Григория Мировича, который уже взобрался на самый верх стены реактора.

Дмитро хочет крикнуть пожарникам, чтоб не лезли в пасть реактора, на прямую радиацию, чтоб отсекали огонь от третьего блока, но голоса хватило только на болезненный стон. Он оседает на лестничную площадку. Из верхнего кармана спецовки выпадает блестящий карандаш — дозиметр и катится вниз по ступенькам.

Его рука нащупывает край пролома в стене, пальцы хватаются за острый выступ, и Дмитро медленно поднимается на ноги, кашляет, пытается ухватить воздуха, потому что к горлу подступает тошнота, но радиоактивный йод еще больше раздражает гортань.

Сквозь пролом он видит, что обвалилась крышка реактора, оголились стержни, что пожарники, которые суетятся на самом верху обвалившихся стен, пытаясь потушить пламя, льют воду прямо в пасть графитового огня.

— Что же вы делаете, ребята? Это же самоубийство... — он напрягся из последних сил, и голос у него в горле заклекотал, а потом прорезался тонко, визгливо: — Радиация! Безумцы! Отрезайте огонь от третьего! От тре-тье-го-о! Отсекайте его! Куда лезете?! Спускайтесь...

Его крик все же услышал кто-то на руинах реактора. Остановилась чья-то тень, и послышался голос Григория Мировича:

— Брат! Ты где, брат? Где? Ми-ко-ла-а!

Бетонированные стены атомной гулко перебрасывают друг другу эти слова, затем выпускают их из каменного мешка на волю. Кажется, что они долетят до города, до Городищ, столько в них страсти, тоски, боли.

Дмитро с трудом спускается вниз по лестнице. Надолго повисает на перилах, скатывается, ударяясь о выступы, снова поднимается. Его тошнит, жжет в горле, мутится в голове.

Держась за стены, добирается до будки аварийного телефона, снимает трубку с рычага и повисает на толстом проводе, не выпуская из рук трубку:

— Девушка! Передайте: крышку блока... сорвало... завалена. И задняя стенка... С выбросом в воздух радиоактивного пара... уовна... графита... газов... Радиация в зоне смертельная. Снимите пожарников. Прямое облучение... Ищите Мировича... Ходемчука... Голобородько я сам найду... даже на том свете...

Трубка выскользает из рук, он оседает в телефонной будке.

У Дмитра начинается неудержимый приступ рвоты, руки его почернели, лицо стало землистым и апатичным, только глаза кажутся живыми, когда загораются от вспышек аварийных ламп в коридоре.

дит главный инженер Юрий Гнатович. Выдвиженец Пузача. Осип Кузьмич «ведет» его скоро уж десять лет, с тех пор квк заприметил рядовым инженером на блокв А. Теперь они дружат семьями, в их отношениях нет даже малейшей трещинки, в которую мог бы пробраться какой-нибудь хитрый интриган или провокатор. Юрко в директора не рвется, наслаждается теперешней высотой, о какой еще недавно не мог дажв помыслить. Вот только оставлять его на арем я своего отпуска Осип Кузьмич не рискует, отдыхает где-нибудь поблизости, чтобы самому принять решение, если возникнет неотложнвя необходимость. Юрко в таких случаях нервничает, теряется и, ничего не предпринимая, сразу же мчится к нему за советом. Зато и недругов главный инженер себе не нажил, и на выборах в партком он единственный, у кого не бывает ни одного «против».

Возле главного инженера сидит его заместитель по науке Василь Голобородько, которого Юрко высмотрел в здешнем техникуме; они соседи по даче, у них совместные «кавалерские» тайны и грехи; когда вырываются из дома на короткий отдых, подстраховывают друг друга, чтоб жена не застукала на горячем. На вакантную должность инженера по науке из министерства хотели было прислать какого-то кандидата наук, но кто ж его знает, что за человек? А Василь свой, проверенный по всем статьям.

На другом конце стола, согнувшись над портативным японским калькулятором, заряжающимся от дневного света, сидит старший инженер реактора Г Дмитро Паливода. Его худощавое лицо резковато и неподвижно. Рафинированный технократ конца двадцатого столетия. Мыслящий робот. От чего он сам заряжается? Не от своего ли реактора?

Возле Паливоды — Сергей Нечипоренко, начальник смены, которая должна заступать сегодня на ночную вахту, самую ответственную а задуманном Голобородько зксперименте. Сергей еще неделю назад был мужем Наталки. Быть может, они бы так и жили, ссорясь и мирясь на короткое арем я, чтоб потом снова перессориться, так бы и жили, если б нв красааец пожарник Григорий Мирович. Но вот разошлись, хоть пока и живут в однокомнатной квартире «через ширму» из брезента от той самой палатки, в которой провели свой медовый месяц на берегу реки.

Соаещание началось с полчаса назад. Голобородько успел еще раз выложить суть своего эксперимента по охлаждению четвертого реактора для звпланированной профилактики. Такие периоды наступают в работе каждого из четырех блоков, на станции есть в этом деле немалый опыт, всегда все проходило так, как учили в институте. Реактор дает в час миллион киловатт, и больше из него не выколотишь, даже если поменять всех атомщиков на суперменов. Это тебе не угольная шахта, не ткацкая фабрика, не гектар земли. А дать «сверх плана» хочется, за это еще никого не ругали. И Голобородько решил сократить период простоя реактора, чтобы выжать за это время ту самую сверхплановую сотню миллионов киловатт-часов, а блок расхолодить по интенсивной технологии. Уже четверо суток блок Г должен расхолаживаться, а он что есть духу гонит знергию. Хватит! Пора отключить его из знергосистемы.

Итак, нужно принимать решение. А мнения по поводу эксперимента разошлись.

— Надо бы вести протокол, Осип Кузьмич, поскольку есть «инакомыслящие», — сказал Паливода, и на его лице не шевельнулся ни один мускул.

— В ситуации, связанной с риском, протокол — ширма...— ответил директор, а главный инженвр продолжил и развил его мысль:

— Ширма для перестраховщиков и для тех, кто хочет отсидеться в тени, а то и игнорирует перестоойку.

— Вам все равно не удастся оскорбить меня, и не старайтесь напрасно. Эмоции, а тем более демагогия здесь ни к чему, — отрезал Паливода, и на этот раз на его лице заходили желваки.

Голобородько вытянул ноги под столом, покрутил золотое кольцо на пальце и сказал:

— Действительно, эмоции сейчас ни к чему. Они будут уместны тогда, когда мой эксперимент, мое маленькое открытие подтвеодится практикой и мы заявим о нвм как раз к десятой годовщине пуска АЭС...

— В узком кругу я могу сообщить, — выражение лица директора стало торжественно-доверительным, — что знаю из достоверных источников: указ о высокой награде для нашей станции уже согласован на всех уровнях, а при такой награде не забывают и о людях. Кроме того, блок Г у нас чистюля и разумник Трем другим я бы не доверился, а этот — ягненок... А что думает по этому поводу молодое поколение, будущие главные инженеры АЭС, а может, и директора? А, Сергей? — Директор многозначительно улыбнулся Нечипоренко, и тот покраснел от такого внимания, зашмыгал носом и от волнения стал застегивать и расстегивать пуговицу на зеленой тенниске.

— Пообещайте ему еще и однокомнатную квартиру, и орденок, — раздраженно проговорил Паливода. — тогда в оппозиции останусь один я. Но у меня, Осип Кузьмич, такой хребет, который можно только сломать — не гнется. То, что задумал Голобооодько, а вы с главным инженером поддерживаете,—авантюра Мы просто забыли, что имеем дело не с кирпичным заводом или

которая светит кому-то в темноте, движет электропоезда, согревает квартиры, покрывает инеем стенки холодильников, извлеквет музыку из магнитофонной пленки... Микола никогда не сказал бы об этом вслух, считая такие мысли чересчур торжественными даже для написанного выступления с трибуны, но наедине с собой, сидя за пультом, зная, что его никто не видит и не слышит, охотно подпускал их к себе: все-таки чего-то, да стоит он в этой жизни.

Нет, надо все-таки беречь Людмилу. Взял ее в жены — береги. Что она приобрела, выйдя за тебя замуж? Домашние хлопоты, стирка, готовка... Что познала с тобой? Три года любовных утех, покв не родилась Олеся. А дальше—будни и повинности, ссоры и примирения, теснота в общежитии, ожидание квартиры, а еще дальше — мебель, ковры, посуда, тряпки... Все это доставала она, доставала, унижаясь перед кем-то, экономя каждую копейку, перепродавая дефицитные товары. За этими хлопотами и постарела. Другим все давалось легче, у них богатые родители, а у меня семья — бригадный подряд можно организовать, да у Людмилы мать-пенсионеркв, которая умерла сразу после нашей свадьбы

Нет, надо жалеть Людмилу, быть добрее к ней, и она отплатит тем же...

Что это с датчиками? Почему горят стрелки?

Передал реакторщикам на пульт, чтоб пригасили ядерный азарт.

Вспомнилась Людмила, когда из окна родильного дома показывала ему спеленатую Олесю — маленький розовый кружок детского личика. Сонное, сморщенное, как печеное яблочко. Теперь вон какая девка, скоро уж и сама родит. Микола стоял тогда под окном районной больницы с букетом бумажных цветоа — не смог найти ни одного живого цветочка в Ивангороде и закупил в универмаге охапку бумажных. Людмилв нюхала их и улыбалась...

Да что же это такое?! Турбина идет вразнос!

— Сергей! Нечипоренко! Ты что там, детективом зачитался? Усмири реакцию!

Василь Голобородько не получил удовольствия от того, к чему только что так стремился. Без долгих колебаний оставил ночную вахту, примчался в город, всю дорогу от атомной думая про то, квк встретит его Людмила, как сложится разговор, не завязнут ли они в мелких упреках друг другу за то, школьное прошлое.

Но, едва он переступил порог и увидел Людмилу в приглушенном свете зеленого торшера, в длинном оранжевом халате, напряжение сразу отпустило его и он понял: все будет вполне обыкновенно и, возможно даже не прозвучит инстинктивное женское «не надо...». Это придало ему уверенности, даже легкой, игривой надменности, а потом и мужской наглости. Как только дверь за ним закрылась, он крепко обнял Людмилу и обезволил ее долгим, страстным поцелуем. Она, наверное, не ожидала столь стремительного начала. Василь застал ее врасплох, и она не успела предпринять даже легкой попытки сопротивления.

ся, застилая луну и звезды над станцией, над городом, над окрестными селами, полями, лесом, речкой.

На обломках вдребезги разбитой крыши плавился гудрон и скапывал на землю, словно черные слезы этого многогрешного столетия.

В небо вырывается столб огня, пара, обломков перекрытия, блестящих труб, пылающих кусков графита. Столб стремительно, подобно фантастической ракете, поднимается в небо, освещая корпуса атомной, речку, лозники, мирные костры рыбаков на берегах, высвечивает крайние дома города, полукружье «чертова колеса», пустынный пляж со старой лодкой под покосившимся грибком.

Огненный столб замирает на высоте полутора километров, на его вершине возникает световой шар, который как будто засасывает в себя этот призрачный столб. В небе вырастает огромный гриб, внутри которого что-то движется, сворачивается и распрямляется, а он стоит над ночной землей, как гигантская елочная игрушка бледно-вишневого, почти кровавого цвета. Ночь безветренная, и, этот гриб зависает, не опускаясь и не поднимаясь, между небом и землей, как будто раздумывает, куда ему пустить свой корень.

По бесконечно длинному коридору реакторного отделения бежит, зажав под мышкой потрепанную книжку, Сергей Нечипоренко. Без белой шапочки, рукав комбинезона в черной копоти. Вспышки красных аварийных лампочек ударяют по его лицу, и кажется, что глаза его тоже то вспыхивают, то гаснут, как у робота.

— Дозиметристов вызывайте, так вашу мвть! Дозиметристов сюда! У меня вкус металла на зубах и в горле дерет! Значит, хана! Рвануло активную зону! Дозиметристов!

Воют сирены.

Топают по всем лестницам ноги в белых башмаках. Хлопают тяжелые двери. Шумное дыхвние людей. Жуткие вспышки аварийных ламп вдоль всего коридора.

Дмитро Паливода маленькой, тщедушной грудью налегает на массивные чугунные заслонки, которые распахнуло взрывом, — оттуда со свистом вырывается радиоактивный пар. Костюм Дмитра мокрый, грязный, разорван в нескольких местах. Лицо бледное и постаревшее, как у тяжело больного старика. Кашель разрывает ему горло, и он задыхается, но заслонку все-таки закрывает.

— Голобородьком бы заткнуть эти двери! Голобородьком! И их бараньими головами!

К нему подбегает перепачканный сажей, забрызганный смолой паренек:

— Нету Мировича! Нету Ходемчука! Нечипоренко нету!

— А Голобородько?

— Только что ответил из... бункера.

— Я его, скотину, и там достану! Мотай отсюда! Тебе еще жить и детей клепать! Передай на первый и аторой блоки: пусть немедленно — немедленно! — включают аварийку, не то и их рванет, и весь наш город! Третий уже останавливают. Уматывай, тебе говорю!

— А вы?

висает на перилах, скатывается, ударяясь о выступы, снова поднимается. Его тошнит, жжет в горле, мутится в голоав.

Держась за стены, добирается до будки аварийного телефона, снимает трубку с рычвга и повисает на толстом проводе, не выпуская из рук трубку:

— Девушка! Передайте: крышку блока... сорвало... завалена. И задняя стенка... С выбросом в воздух радиоактивного пара... уоана... графита.. газов... Радиация в зоне смертельная. Снимите пожарникоа. Прямое облучение... Ищите Мировича... Ходемчука... Голобородько я сам найду... даже на том свете...

Трубка выскользает из рук, он оседает в телефонной будке.

У Дмитра начинается неудержимый приступ рвоты, руки его почернели, лицо стало землистым и апатичным, только глаза кажутся живыми, когда загораются от вспышек аварийных ламп а коридоре.

Подземный бункер атомной. Низкий, весь в мокрых подтеках бетонированный потолок. Пачки чистой рабочей одежды реакторщиков: белая, черная, серая. Пожилая женщина аыдает их мужчинам и женщинам, которые прибывают на ставнцию по вызову, — дозиметристам, инженерам, операторам.

— Записывайте, детки, записывайте сами, кто что азял, а то я без приказа выдаю, а у меня зарплата девяносто рубликов. Берите, берите, только записывайте... Мне же отчитываться. Вот ведь беда какая...

— То, что сейчас случилось, мамаша, верно, долго будут описывать. Ведомостей не хватит.. — отвечает ей молодой паренек с густой бородкой.

Мужчины и женщины переодеваются прямо тут, в зале, почти не стесняясь друг друга, переодеваются торопливо, ни на кого не обращая внимания, и только некоторые из девушек просят друг дружку заслонить их от мужских глаз, хоть те и не смотрят в их сторону, не до того сейчас.

В отдаленном зале бункера, размером поменьше, за столом с несколькими телефонными аппаратами сидит Голобородько в белом марлевом респираторе, в новом белом комбинезоне. У стола стоит Нечипоренко, бледный, растерянный.

— Иди и ищи Мировича. Без Миколы не возвращайся, сукин сын! Ты почему оставил вахту? Где Микола Мирович? Что я скажу его жене, братьям, матери? Что скажу, дезертир?

— Дайте дозиметриста! Там же сотни рентген, напрямую бьют, Василь Петрович! На бессмысленную смерть посылаете! Мне только двадцать семь лет...

— Бери, бери кого хочешь, только найди мне Мировича!

Звонит телефон. Голобородько поднимает трубку:

— Голобородько! Заместитель главного. Да. Во время остановки блока отказала аварийная система. Тепловой взрыв. Нет, ато домыслы паникеров. Нормативный технологический выхлоп в атмосферу. Какие там жертвы?! Сейчас прибудут Пузач и Гнатович, и все будет в порядке. Не знаю. Это их компетенция. Едут. Уже вызвали...

Радиоактивная шапка над атомной расползлась вполнеба, и потому ее почти не видно, просто большая тяжелая туча медленно движется на запад, в сторону Белоруссии, куда тихонько подул ветерок, почти не ощутимый на земле.

Вокруг станции, в довольно-таки значительном радиусе, горят разлетевшиеся во время взрыва куски урана. Как яркие свечки — в траве, на бетоне и асфальте, нв крышах помещений промышленной площадки, в наезженных грузовиками глубоких колеях, наполненных жидкой грязью. Эти лужицы булькают и кипят, из них с трудом выползают полудохлые лягушки, выползают, но убежать от опасности уже не могут. Ни ползти, ни кричать нету сил.

Рыбвки, удившие рыбу посреди водозаборного канала, что есть сил гонят свою резиновую лодку к берегу.

Влетают на площадку перед атомной служебные автобусы, «скорые помощи», пожарные машины из соседних районов. Разворачиваясь, пожарка стукнула бампером «Жигуль» Голобородько, вмяла ему багажник, но не остановилась, промчалась к пылающему реактору.

Бегут к проходной люди, бегут, перепрыгивая через выброшенные взрывом куски уранв и графита. Кто из них может представить, что эти тлеющие обломки излучают смертельную опасность? Ведь они видят их впервые. Откуда им знать? Кто-то зацепил носком туфли и побежал дальше.

Четыре стреноженные колхозные лошади стоят на лугу за каналом, сбились поближе друг к другу, равнодушно глядя на людскую суету возле станции. Перепуганный жеребенок ржет в ночи.

По улицам города мчатся машины — милицейские, «скорые», служебные, частные. Движение их нервическое, с нарушением всех правил, резко тормозят, подбирают знакомого пешехода, который бежит посреди улицы, летят дальше. В этом ночном движении ощущается тотальная тревога, тень беды — в городе случилось что-то непоправимое, но об этом знают только те, кого поднял суровый зов долга. А город спит. Иногда вдруг кто-то сонно выглянет с балкона или в окно, загорится свет в комнате и погаснет: кого там носит в такую рань?

Перевела с украинского Елена МОВЧАН

* Имена и фамилии персонажей романа вымышленные.

А. ЛАТЫНИНА

ЛАТАТЬ ИЛИ ЛОМАТЬ?

полемические ЗАМЕТКИ

«ПООЩРЕНИЕ столь же необходимо гениальному писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза», — изрек Козьма Прутков.

В который раз, вчитываясь в список очередных кандидатов на Государственную премию, я думаю: не положен ли в его основу творчески претворенный афоризм директора Пробирной Палатки? Не ставится ли мастерство виртуоза в прямую зависимость от количества канифоли? Не считается ли, что с помощью увеличения доз канифоли можно увеличить число виртуозов?

Не так давно я предложила аудитории, состоящей в основном из технической интеллигенции, далекой от литературной кухни, но очень начитанной (меня просто забросали вопросами о журнальных новинках, о Рыбакове, Приставкине, Шмелеве, Маканине), вопрос: является ли факт присуждения за книгу Ленинской или Государственной премии знаком ее художественных достоинств? Большинство ответили отрицательно. Были и неожиданные мнения: несколько человек сказали, что факт наличия премии их скорее настораживает.

Библиотекари подтверждают: многие книги с лауреатским грифом особым спросом не пользуются, а парадные стенды, которые оформляются к очередной кампании присуждения премий, стоят чистенькие: мало кто стремится вникнуть в творчество будущего лауреата.

Мне скажут, что полученные мною данные нерепрезентативны. Предлагаю провести масштабный социологический эксперимент и сверить результаты.

То, что престиж высших государственных наград страны в последние годы упал, — ни для кого не секрет (я берусь рассуждать здесь только о литературе). Почему это произошло?

На днях я пришла в Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры. Представилась. Попросила Положение о премиях и список членов комитета. Последняя просьба молодую сотрудницу аппарата озадачила, и, подумав, она препроводила меня к заведующему отделом. Выяснилось, что хотя состав комитета и не засекречен, но и не подлежит разглашению. Так что для того, чтобы предоставить интересующие меня сведения, нужно испросить разрешение еще более высокостоящего начальства.

Я не стала настаивать. В конце концов, не получив одну информацию, я получила другую.

Почему лежит покров тайны на деятельности комитета? (Не буду утверждать, впрочем, что проникнуть в нее невозможно, нужные мне сведения я в конце концов получила, хоть и не самым простым путем.) Не оттого ли, что сам состав его бросает тень на справедливость иных решений, обнажая их подоплеку?

Один пример.

В 1985 году вызвало недоумение, почему Г. П. Бердников удостоен Государственной премии за книгу о Чехове четвертьвековой давности, отнюдь не являющуюся глубоким исследованием, вносящим нечто новое в науку о литературе. И сделано это в обход Положения, согласно которому к рассмотрению принимаются работы последних трех лет (формальной возможностью обойти его явилось третье издание книги).

Многие, конечно, знали, что Г. П. Бердников не просто ученый — он был тогда директором ИМЛИ, он — член-корреспондент Академии наук СССР. Но не всем известен еще один титул. Вопреки утверждению сотрудника комитета, что

И никого это особенно не удивляет. Привыкли.

Было бы, конечно, неправильным говорить, что премии присуждаются только таким образом. Есть немало примеров, когда их дают книгам, ставшим подлинным событием. Ф. Абрамову—за «Пряслиных», В. Распутину — за «Живи и помни», В. Астафьеву — за «Царь-рыбу», Ч. Айтматову — за «Буранный полустанок», В. Быкову — за «Знак беды»...

Казалось бы, такие решения должны радовать... Но радость смешана с горечью: несомненность одних литературных наград камуфлирует сомнительность других.

А ведь задумана-то премия была не для того, чтобы свалить в одну кучу талант и посредственность, чтобы размыть критерии художественной оценки.

КОГДА в августе 1956 года было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О Ленинских премиях за наиболее выдающиеся работы в области науки, техники, литературы и искусства», это была мера, направленная на поднятие престижа награды, которую система Сталинских премий 1941—1952 гг. изрядно подорвала (премия имени Ленина, учрежденная в 1925 году, с 1935 года не присуждалась, а за произведения литературы и искусства не присуждалась вообще).

Первые премии — немногочисленные, две-три в год,— свидетельствовали об ответственности решений.

Среди лауреатов тех лет — Муса Джалиль, Леонид Леонов, Александр Довженко, Николай Погодин, Максим Рыльский, Михаил Шолохов, Александр Твардовский, Чингиз Айтматов.

Но уже с начала 60-х обнаруживается тенденция, все более противодействующая стремлению вознаграждать писателя за талант и художество. Приобретают значение чин и «внелитературные факторы». Если один раз дают премию секретарю Союза писателей Таджикистана, то в следующий раз дадут премию секретарю Украины, потом представителю Белоруссии, потом — Узбекистана. Тут вспоминают: не обидели ли Прибалтику? А Закавказье?

Стремление раздать всем сестрам по серьгам престиж премии пошатнуло, и к середине 60-х годов стало ясно, что институт Ленинских премий переживает кризис. В сентябре 1966 года было принято новое постановление. Ленинскую премию; за «особо выдающиеся» произведения, присуждать раз в два года и ввести Государственную, уже не за «особо выдающиеся», но просто за «наиболее талантливые». Положение об этих двух премиях, принятое вскоре, несмотря на уточнения и дополнения, существенно не менялось.

ное нарушение другого положения: «произведения ранее рассмотренные и отклоненные комитетом, повторно представляться не могут». Но только в этом году повторно представлена книга И. Шкляревского, в третий раз появляется в списке книга М. Львова. Меня поправили: не повторно представлена, а перенесена. Первое — незаконно, второе — не противу правил. А по-моему, что в лоб, что по лбу.

Так вот, что касается М. Львова — пока его переносили из списка в список, пока поэт терпеливо дожидался своей очереди, вышла новая его книга—«Второе письмо в молодость». Представили на премию и ее.

Нет, я ничего не имею против поэта Михаила Львова. Я даже могу понять неловкость, испытанную членами комитета, которым пришлось в свое время, скажем, делать выбор между книгой М. Львова и книгой А. Дементьева «Азерт». Но Дементьев — главный редактор «Юности» и сам член комитета. Как же оставить коллегу без премии? Однако ж и Львова обижать не хочется, да и как поэт — чем он хуже? Почему бы не перенести на другой год?

Иные из подобных соображений даже вызывают сочувствие. В последнее время все чаще выдвигают кандидатов не за должность, не за чин (обеспечили основных претендентов, что ли? Или веяние времени?). Но так и видишь занятых арифметическими подсчетами ответственных лиц. Сколько выпустил книг? Сколько получил наград? Да, пора, пора давать премию. Созрел...

За все годы присуждения Ленинской премии по литературе она была лишь трижды дана писателю, не достигшему сорокалетнего возраста: в 1961 году — 39-летнему Юхану Смуулу, в 1963-м — 35-летнему Чингизу Айтматову и в 1964 году — 34-летнему Василию Пескову. Чаще же всего лауреату — за 60 лет. И, как правило, лучшие его вещи созданы раньше. Еще более разительна картина с Государственными премиями, хотя сам факт их введения мотивировался необходимостью «более дифференцированного и широкого поощрения творческих работ, заслуживающих государственной поддержки». Тут вообще нет ни одного писателя моложе сорока (премий в области кинематографии я не касаюсь), времена уже наступали те, когда заслуги все более предпочитались таланту.

Самые молодые — сорокалетний Чингиз Айтматов (1968), сорокалетний Валентин Распутин (1977) и сорокалетний Борис Олейник (1975). Но выслуга лет — все же не причина, чтобы бить в литавры по поводу очередной работы подошедшего к своему юбилею литератора, возводя обычный труд, пусть даже достойный, в ранг выдающегося литературного события.

лена в унизительные условия существования, но, не в силах говорить всю правду, она и не осквернила себя откровенной ложью. Повторяю — я имею в виду критику, а не окололитературный обслуживающий персонал.

И одного взгляда на библиографию будущего лауреата достаточно, чтобы понять: стало ли его произведение общественным событием, заинтересовало ли оно критику или отклики на него были организованы по тому же принципу, как организуются письма восторженных и благодарных читателей.

Никто не организовывал «откликов» на «Пожар» Распутина — критика говорила о нем без принуждения. Кстати, и письмами была завалена редакция. И как ни относись к этой повести (а критика ее не только славословила, но и «щипала» и еще, думаю, будет), сам факт присуждения премии Распутину, уверена, был бы общественностью одобрен. Повесть стала событием, получила широкий резонанс, определила многие черты текущего литературного процесса.

Не было нужды организовывать «отклики» на роман Яана Кросса «Императорский безумец» и роман Ю. Давыдова «Соломенная сторожка». Задолго до всяких выдвижений на премию и вне всякой связи с нею критика пыталась эти романы осмыслить, включить в контекст литературного процесса, а осмыслять было что.

Жаль только, что они выдвинуты на премию с таким запозданием, когда произошло немало иных литературных событий.

И заметим еще одну деталь: ни про Распутина, ни про Давыдова, ни про Кросса не пишут в одическом стиле. Критическая ода — свидетельство бессилия мысли и косвенное доказательство незначительности литературного события, которому она посвящена.

МОЖНО ЛИ достичь того, чтобы решения комитета не расходились с мнением общественности? И как? Предлагается рецепт: гласность.

Неплохо, конечно, обсудить нынешний список кандидатов в лауреаты, отказавшись от жанра унылых дифирамбов. И если в результате обсуждения выяснится, что число установленных премий давать некому, — сэкономить государственные деньги. А то привыкли все планировать! Вон недавно я прочла заметку, автор которой протестовал против сроков планирования полива. А вдруг пойдут дожди? Литературные события предсказуемы с той же степенью вероятности, как погода на следующую пятилетку.

Будет два события — так и премии давать две, а не будет ни одного — так и вовсе не надо.

Прекрасно, конечно, если заседания комитета превратятся в открытые дебаты, да еще транслируемые по телевидению. Некоторые вещи станет стыдно произносить. Однако ведь чего только не говорят публично, и не стыдятся.

Так что если говорить всерьез, то ясно: все эти меры не помогут.

Ведь и нынешний список кандидатов сделан с учетом «новых веяний». Поменьше «начальства». Побольше писателей, имеющих литературный и нравственный авторитет. Сам список велик — тоже демократично, есть из кого выбирать. Многие среди кандидатов заслуживают премии уж никак не меньше, чем те, кто ее раньше получил. Е. Винокуров, например, кажется, единственный из поэтов его поколения и его литературного ранга, премией «не охваченный». (О книгах Распутина, Давыдова, Кросса я уже высказывалась.) Да и вообще в этом списке мне многие просто симпатичны. И все же,

Поздравляем юбиляров

Секретариат правления Союза писателей СССР направил поздравления Оскару Иеремеевичу Курганову, Леониду Януаровичу Прокше, Георгию Борисовичу Федорову, Сергею Никаноровичу Хохлову, Ивану Павловичу Щеголихину, Иону Ионовичу Ватаману, Леониду Анатольевичу Фролову.

О. И. КУРГАНОВУ — 80 лет

«Больше шестидесяти лет своей жизни отдали Вы литературной и журналистской деятельности. В 30-е годы работали корреспондентом газет «Правда» и «За индустриализацию», выступая со статьями, репортажами о строителях Кузнецка, Магнитки, Комсомольска-на-Амуре, «Уралмаша».

Участник Великой Отечественной войны, Вы в своих военных корреспонденциях отображали подвиг советских воинов. Военным событиям посвящены и многие Ваши произведения, в том числе повесть «Линия

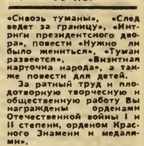
Красных Гор». Хорошо известны и Ваши книги, документально рассказывающие о послевоенных днях, — «Двое под землей», «Японцы в Америке» и другие.

Ваши творческие и воинские заслуги были отмечены высокими государственными наградами. Как один из создателей киноэпопеи «Освобождение» Вы были удостоены Ленинской премии».

Л. Я. ПРОКШЕ — 75 лет

«Выходец из семьи рабочих, Вы прошли суровую школу жизни: после окончания Минского педагогического техникума работали в редакциях газет и журналов, учительствовали, во время Великой Отечественной войны были военным журналистом, в 1969—1972 годах — главным редактором газеты «Літаратура і мастацтва».

Широкому читателю хорошо известны такие Ваши произведения, как сборники рассказов и очерков «Источник красоты», книги юмористических рассказов и памфлетов «Комедианты»,



«Сквозь туманы», «След ведет за границу», «Интриги президентского двора», повести «Нужно ли было жениться», «Туман развеется», «Визитная карточка народа», а также повести для детей.

За ратный труд и плодотворную творческую и общественную работу Вы награждены орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красного Знамени и медалями».

Г. Б. ФЕДОРОВУ — 70 лет

«Ваше имя, одного из крупных ученых, ведущих археологов страны, известно в широких научных кругах всего мира. Свыше 40 лет жизни Вы отдали археологии, опубликовали свыше 250 научных работ. Среди них — капитальный труд-монография «Археология Румынии». Вы также автор книг «Дневная поверхность», «Лесные пересуды», «Возвращенное имя». Читая Ваши рассказы, радуешься, что мир так богат, что в нем столько волнующих загадок, проблем, ждущих решения, столько хороших, ярких, бескорыстных людей. Одно из главных достоинств Ваших произведений — органическая связь прошлого с настоящим, давно минувшего — с духом и плотью сегодняшнего бытия. Ученые и студенты, рабочие-землекопы, простые сельские жители, обычные люди со своими характерами, судьбами заполняют страницы Ваших книг. Им посвящены Ваши рассказы и повести «В лесном селе», «Открытый лист», «Живая вода», «Статуэтка из Танагры» и другие. А цикл рассказов «Лесные пересуды» посвящен животным, ответственности за жизнь, доверенную нам, хозяевам земли. Все эти мысли и чувства, связанные с глобальной проблемой — сохранения мира, предотвращения страшной разрушительной войны, делают Ваши книги чрезвычайно злободневными».

С. Н. ХОХЛОВУ — 60 лет

«Вы пришли в литературу с большим запасом жизненных наблюдений, с трудовой биографией комбайнера, тракториста, столяра и плотника на стройке, глубоким уважением к человеку — труженику на земле, его героическим и будничным делам и заботам.

Четверть века звучит в современной литературе Ваш самобытный голос поэта-лирика.

Сердечные и задушевные песни, впитавшие традиции народного поэ-

Вы автор семнадцати стихотворных сборников, издававшихся в Краснодаре, столичных издательствах, среди которых «Весенняя зорька», «Белые струги», «Кубань-река», «Неожиданность», «Красное лето», «Долгий день», «И хлеб, и соль», «Своя земля», «Осенины»,

чему Г. П. Бердников удостоен Государственной премии за книгу о Чехове четвертьвековой давности, отнюдь не являющуюся глубоким исследованием, вносящим нечто новое в науку о литературе. И сделано это в обход Положения, согласно которому к рассмотрению принимаются работы последних трех лет (формальной возможностью обойти его явилось третье издание книги).

Многие, конечно, знали, что Г. П. Бердников не просто ученый — он был тогда директором ИМЛИ, он — член-корреспондент Академии наук СССР. Но не всем известен еще один титул. Вопреки утверждению сотрудника комитета, что состав его членов не публиковался, одну публикацию мне все же удалось разыскать в Собрании постановлений правительства СССР (№ 9, 1971 год). Дальнейшие назначения происходили уже в сугубо келейной обстановке. И поскольку документ опубликован, не грех на него сослаться. Г. П. Бердников там значится членом президиума комитета — должность высокая.

Не буду множить примеры того, как человека вводят в комитет, руководствуясь его официальным постом, а вслед за тем он получает премию за «творческое достижение». Да, быть может, это еще не самое печальное. В конце концов членов комитета куда меньше, чем премий.

Но действующая система распределения наград неумолимо ведет к понижению самого уровня премий.

Некогда Пушкин призывал поэта не требовать «наград за подвиг благородный»: «Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...».

Если учесть, что в большинстве случаев кандидатов на «награды» представляют правления творческих союзов, что люди, играющие главные роли в союзе и в комитете, тесно связаны, то не нашел ли пушкинский принцип — «Ты сам свой высший суд» — здесь своеобразное воплощение?

Мне рассказывали лет пять назад, как проходило одно заседание секретариата Союза писателей РСФСР — решали, кого выдвинуть на Государственную премию. Круг собравшихся невелик. У одного уже есть премия, у другого — тоже. А вот у этого нет. Его и выдвинули.

«А за что?» — спросит читатель.

Повод найдется. Какая-нибудь очередная книга подоспеет, на худой конец — переиздание, люди-то пишущие, издающиеся. А после премии, кстати, немедленно переиздающиеся. Тут уж издатели не отвертятся. Раз сказано: «общенародное признание», — давай и соответствующей толщины том, и соответствующий тираж.

ют: не обидели ли Прибалтику? А Закавказье?

Стремление раздать всем сестрам по серьгам престиж премии пошатнуло, и к середине 60-х годов стало ясно, что институт Ленинских премий переживает кризис. В сентябре 1966 года было принято новое постановление. Ленинскую премию; за «особо выдающиеся» произведения, присуждать раз в два года и ввести Государственную, уже не за «особо выдающиеся», но просто за «наиболее талантливые». Положение об этих двух премиях, принятое вскоре, несмотря на уточнения и дополнения, существенно не менялось.

Сама же идея премии за литературное событие, за яркую, талантливую вещь все более искажалась. Записано: «кандидатуры, представленные не за конкретную работу, созданную в последнее время, а за совокупность трудов или за многолетнюю творческую деятельность, к рассмотрению не принимаются».

На практике же это положение нарушается постоянно. Взять хоть нынешний список кандидатов. Вот, например, книги «Бытие» и «Ипостась» Е. Винокурова, «Тайна твоего лица» Д. Павлычко, «Встречное движение» и «Второе письмо в молодость» М. Львова, роман «Петроград — Брест» И. Шамякина, роман «Рубеж» Ю. Мушкатика, повесть «Зеленая Брама» Е. Долматовского, «Детская библиотека» А. Лиханова. Допускаю, что среди них есть работы интересные, снискавшие своего читателя. Но можно ли хоть одну из них считать «особо талантливым» произведением?

Е. Долматовский, например, представлен за второе издание повести «Зеленая Брама». Признаюсь, я не обнаружила, чем второе издание особо отличается от первого, но если даже отличия значительны, так неужели же именно они придали книге тот блеск, что повесть сделалась литературным событием сегодня, не являясь им вчера?

Нет, я нисколько не подвергаю сомнению смысл разыскательской деятельности поэта Долматовского, воссоздавшего один из трагических эпизодов войны. В 1981 году маршал И. Х. Баграмян на страницах «Литературной газеты» отозвался о повести Долматовского как о «нужной и благородной работе». Сказано точно. Именно сдержанность оценки возвышает сделанное поэтом. Признание же второго издания книги тем литературным событием, которое достойно высокой литературной премии, явно завышает ее достоинства. Не ясно ли, что не в повести тут дело, а в поэте Долматовском, которого решено поощрить премией, а мотивировку подобрали?

За премией, по существу, стоит очередь. И с этой очередью связано постоянное

служивающих государственной поддержки». Тут вообще нет ни одного писателя моложе сорока (премий в области кинематографии я не касаюсь), времена уже наступали те, когда заслуги все более предпочитались таланту.

Самые молодые — сорокалетний Чингиз Айтматов (1968), сорокалетний Валентин Распутин (1977) и сорокалетний Борис Олейник (1975). Но выслуга лет — все же не причина, чтобы бить в литавры по поводу очередной работы подошедшего к своему юбилею литератора, возводя обычный труд, пусть даже достойный, в ранг выдающегося литературного события.

А КАК обстоит дело с нашей системой «всестороннего обсуждения на основе высокой требовательности»? Уже сам факт выдвижения на премию носит предельно недемократический характер. На бумаге, правда, записано, что представление может производиться «собраниями коллективов предприятий, учреждений и организаций».

Но «выдвигающая организация» должна представить такое количество бумаг, вплоть до полного списка отзывов печати о выдвигаемой работе и всех печатных статей и рецензий в «подлинниках или заверенных копиях», что пред столь обширной бюрократической препоной увянет любой общественный энтузиазм.

Нет, само выдвижение — дело сугубо организованное, и именно поэтому попадание даже в предварительный список — уже почетно. На кандидата как бы снисходит сияние будущей награды, и все, что пишется о нем отныне, пишется в одическом ключе.

Рискну заявить: большинство тех восторженных читательских откликов, что начинается словами: «с радостью узнал, что сборник стихов выдвинут на соискание Государственной премии», вовсе не посланы в редакции благодарными читателями. Они «организованы».

Клеймо «организованности» стоит на большинстве предпремиальных материалов, оставляя ниточку будущим историкам литературы, дабы они не недоумевали слишком сильно по поводу внезапного массового падения вкуса, случающегося ежегодно со средствами массовой информации в августе — сентябре и через год — в январе — феврале.

И это называется «общественным обсуждением», а потом — «общественным признанием»?

Порой утверждают, что общественного мнения у нас не существует. Это неправда. Оно существует. Что касается литературы, то его, в общем, отражает критика.

Да, да, та самая критика, которую у нас принято без конца упрекать — она де услужлива, угодлива, продажна. Что ж, критика все недавние годы была поставлена

Так что если говорить всерьез, то ясно: все эти меры не помогут.

Ведь и нынешний список кандидатов сделан с учетом «новых веяний». Поменьше «начальства». Побольше писателей, имеющих литературный и нравственный авторитет. Сам список велик — тоже демократично, есть из кого выбирать. Многие среди кандидатов заслуживают премии уж никак не меньше, чем те, кто ее раньше получил. Е. Винокуров, например, кажется, единственный из поэтов его поколения и его литературного ранга, премией «не охваченный». (О книгах Распутина, Давыдова, Кросса я уже высказывалась.) Да и вообще в этом списке мне многие просто симпатичны. И все же, если б отвечать как на духу на вопрос: кому же все-таки присуждать в этом году премию, я бы лично сказала: «А никому!»

Да, никому. Не потому, что нынешние кандидаты хуже вчерашних, а потому, что действующий механизм распределения литературных наград настолько обветшал, что текущим ремонтом не отделаешься. Тут не латать, а ломать. Но прежде всего остановить его работу, а там уж спокойно подумать: какой должна быть новая премия, кому и как ее присуждать? (Вполне допускаю, что среди награжденных в будущем окажется кто-то и из сегодняшних кандидатов.) Подумать, видимо, надо и о том, а нужна ли вообще система государственного поощрения литературы? Ведь премия за книгу, ставшую литературным событием, за художество, за талант, за гражданскую смелость все-таки должна стать премией общественной. Это — традиция русской литературы.

В 1881 году при Российской Академии наук была учреждена премия имени Пушкина, и судьбу ее решали публично авторитетные деятели культуры. Может быть, есть смысл подумать об учреждении аналогичной премии? Об организации общественного комитета? О способах его финансирования? О механизме создания авторитетного жюри? О принципах выдвижения кандидатов?

Возможно, многие выскажут опасение и недовольство. Дескать, не подорвет ли подобная мера престиж лауреатов минувших лет, как Ленинские премии конца 50-х подорвали престиж Сталинских? Но настоящим писателям это не урон. Не премия придает блеск и значительность их имени. Оно само по себе больше любой награды.

ОТ РЕДАКЦИИ. Не все положения, высказанные в статье А. Латыниной, бесспорны. На наш взгляд, справедливо одно: нынешняя система присуждения Ленинских и Государственных премий устарела. Редакция просит читателей продолжить разговор, начатый газетой.

«ЛГ» ИНФОРМИРУЕТ

Комиссии по литературному наследию:

И. Э. Бабеля

Решением секретариата правления Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию И. Э. Бабеля в новом составе: председатель — Ф. А. Искандер, члены комиссии — Г. А. Белая, В. Е. Ковский, Г. Н. Мунблит, Б. М. Сарнов, И. И. Эренбург, секретарь комиссии — А. Н. Пирожкова.

Комиссия по литературному наследию обращается ко всем читателям с просьбой присылать письма, документы, фотографии, связанные с жизнью и творчеством И. Э. Бабеля.

Направлять материалы следует по адресу: 113452 Москва, Азовская ул., д. 29, корп. 1, кв. 25. А. Н. Пирожковой.

Л. М. Жарикова

Решением секретариата правления Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию Л. М. Жарикова в следующем составе: председатель — М. М. Колосов, заместитель председателя — А. Н. Кравченко, члены комиссии — И. Ф. Авраменко, П. Ф. Алешкин, М. Г. Воронецкий (Кузькин), Е. И. Гончаров, В. И. Демидов, Е. И. Жариков, А. И. Жуков, И. С. Костыря, С. П. Кошечкин, Д. В. Красновская, М. Р. Шкерин, Б. М. Яроцкий, секретарь комиссии — Н. Н. Жарикова.

Комиссия по литературному наследию обращается ко всем читателям с просьбой присылать письма, документы, фотографии, связанные с жизнью и творчеством Л. М. Жарикова.

Направлять материалы следует по адресу: 123479, Москва, Живописная ул., д. 32, корп. 2, кв. 160. Н. Н. Жариковой.

Б. П. Корнилова

Решением секретариата правления Союза писателей СССР создана комиссия по литературному наследию Б. П. Корнилова в следующем составе: председатель — Р. И. Рождественский, заместитель председателя — К. Н. Поздняев, члены комиссии — Ю. А. Адрианов, И. Б. Бак, Л. М. Безруков, О. М. Дмитриев, А. В. Жигулин, Л. А. Заманский, В. К. Карпенко, М. Н. Комиссарова, Д. А. Левоневский, Л. П. Лопухова, А. А. Урбан, Г. М. Цурикова, В. С. Шефнер, ответственный секретарь — С. В. Баталова.

Комиссия по литературному наследию обращается ко всем читателям с просьбой присылать письма, документы, фотографии, связанные с жизнью и творчеством Б. П. Корнилова.

Направлять материалы следует по адресу: 606600, Горьковская обл., гор. Семенов, ул. Ванеева, д. 5а. Историко-литературный музей. С. В. Баталовой.

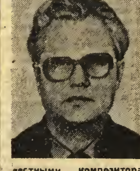
М. Г. Семенова

Решением секретариата правления СП СССР создана комиссия по литературному наследию М. Г. Семенова в следующем составе: председатель — В. Д. Иванов, заместитель председателя — А. С. Пьянов, члены комиссии — В. Е. Бахнов, А. Б. Бадмаев, А. Внуков, Ю. В. Идашкин, Р. Т. Киреев, Я. А. Костюковский, Г. А. Ладонщиков, М. С. Лисянский, В. М. Санин, Н. Т. Сизов, З. Ю. Юрьев, секретарь комиссии — В. М. Седых.

Комиссия по литературному наследию обращается ко всем читателям с просьбой присылать письма, документы, фотографии, связанные с жизнью и творчеством М. Г. Семенова.

Направлять материалы следует по адресу: 117261, Москва, Ленинский просп., д. 70, кв. 327. В. С. Семеновой.

С. Н. ХОХЛОВУ — 60 лет



«Вы пришли в литературу с большим запасом жизненных наблюдений, с трудовой биографией комбайнера, тракториста, столяра и плотника на стройке, глубоким уважением к человеку — труженику на земле, его героическим и будничным делам и заботам.

Четверть века звучит в современной литературе Ваш самобытный голос поэта-лирика.

Сердечные и задушевные песни, впитавшие традиции народного поэтического творчества, принесли Вам заслуженную известность. На просторах Кубанского края звучат Ваши «Кубанские синие ночи», «Маки на Малой земле», «У старого кургана», «Ой, да Краснодарский край», «Трудовые руки». Созданные в содружестве с известными композиторами, они получили признание, вошли в репертуар многих профессиональных и самодеятельных певческих коллективов.

Вы автор семнадцати стихотворных сборников, издававшихся в Краснодаре, столичных издательствах, среди которых «Весенняя зорька», «Белые струги», «Кубань-река», «Неожиданность», «Красное лето», «Долгий день», «И хлеб, и соль», «Своя земля», «Осенины», «Соловей при долине» и другие.

Вы сочетаете творческую работу с общественной деятельностью, являясь членом бюро Краснодарской краевой писательской организации, участвуете в подготовке молодой литературной смены».

И. П. ЩЕГОЛИХИНУ — 60 лет

«Многочисленными рассказами, повестями и романами, активной переводческой деятельностью и работой в редакциях республиканских газет и журналов Вы внесли весомый вклад в развитие многонациональной литературы Казахстана. В Ваших повестях «В одном институте», «Храни огонь» и романа «Дефицит», посвященных жизни медицинских работников, ставились актуальные социально-нравственные проблемы наших дней, а в романа «Снега метельные» показан трудовой подвиг казахстанских целинников. Писатель острой современной темы, Вы успешно работаете и в историко-революционной теме. Об этом говорят книги «Время выбора», «Слишком доброе сердце», «Дело, друзья, отзовется», изданные в серии «Пламенные революционеры».

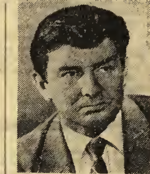
Мы высоко ценим и Ваш талант переводчика. Вами переведены на русский язык произведения классиков казахской литературы М. Ауэзова, С. Сейфуллина, С. Муканова, Г. Мустафина».

И. И. ВАТАМАНУ — 50 лет

«Вы вступили на литературное поприще в начале шестидесятых годов. Ваши поэтические сборники «Первые снежинки», «Монологи», «Тишина слов», «Час птицы», «День листвы», «Секунды и горы», «Утро яблони» отмечены новаторскими поисками, масштабностью взгляда на мир. Вы обогатили поэтику молдавской поэмы путем усиления психологических и символических элементов. В поэмах «Портрет переживаний», «Платон», «Птица я» и «Соловей поет свинцом» Вы ведете разговор с читателем о времени и о себе, о судьбах мира, о насущных вопросах бытия. В «Отраженной оливе» Вы создали оригинальный цикл баллад о своих односельчанах — скромных, но живущих активной созидательной жизнью.

Диапазон Вашей деятельности значительно расширяют публицистические выступления, в которых Вы говорите о людях труда и науки. Свое поэтическое и научное творчество Вы умело совмещаете с общественной работой. Являясь председателем секции художественного перевода СП Молдавии, поддерживаете постоянные творческие связи с русскими, литовскими, латышскими поэтами, с молодым поэтическим поколением Молдавии».

Л. А. ФРОЛОВУ — 50 лет



«Ныне признанный мастер многих очерков, рассказов и повестей, Вы пришли в большую литературу, отточив, что называется, перо на повседневной журналистской работе в газетах «Вологодский комсомолец», «Авангард» и «Красный Север».

С 1966 года Вы живете в Москве, но Ваша связь с малой родиной остается по-прежнему нерасторжимой, о чем свидетельствует в числе прочего и название первой Вашей книги «Полежаевские ягоды». В разные годы затем увидели свет несколько Ваших книг, в том числе две документальные повести «Дорога» и «Земля отцов», а также книга повестей и рассказов «Сватовство». Рассказы и повести Ваши переведены на многие языки социалистических стран, а в Болгарии выпущена отдельной книгой «Во бору брусника...». Особой гранью, свойственной далеко не каждому писателю, отмечено Ваше дарование: с большим интересом встречены аудиторией самых маленьких читателей Ваши книги для детей «Грузди-рыжики», «Полежаевские мужички», «Посылка из Полежаева» и другие.

Много сил отдаете Вы и общественной работе, являясь секретарем правления СП РСФСР, Вы член коллегии Госкомиздата РСФСР, директор издательства «Современник».

Ваша писательская и общественная деятельность отмечена присвоением Вам почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР. Вы награждены орденом Дружбы народов».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Почтовое отделение 8-й СТРАНИЦЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
12 АВГУСТА 1987 г. № 33 (5151).

По праву сильного?

В НАСТОЯЩИЙ момент в размещении театров Москвы складывается достаточно запутанная ситуация. В печати несколько раз появлялись сообщения о генеральной реконструкции Большого театра Союза ССР и Большого зала консерватории, причем реконструкция ГАБТа предусматривает выселение Московского театра оперетты. Закрытие трех таких площадок заметно обеднит музыкальную жизнь столицы, а если к этому присоединить реконструкцию филиала МХАТа и создание на Тверском бульваре Театра дружбы народов, то нужно прямо сказать — положение тревожное. Естественно, нас больше всего тревожит намерение ГАБТа решить свои проблемы за счет Московского театра оперетты, о чем руководители Большого театра неоднократно заявляли. Ради объективности обратимся к истории вопроса.

В конце пятидесятых годов положение дел с размещением московских театров было тоже довольно сложное. Строительство Кремлевского Дворца съездов в определенной степени помогало разрешить проблему следующим образом: Большой театр, с удовольствием отказываясь от своего филиала (бывшая опера Зимина), получал, оставаясь в своем основном, еще и помещение КДС. Третий по величине и один из первых по популярности Московский театр оперетты переезжал на Пушкинскую улицу (бывшая опера Зимина), Театр эстрады — на Берсеневскую набережную, «Современник» — на площадь Маяковского, Театр сатиры активно занялся переустройством переданного ему помещения Театра оперетты, Театр драмы под руководством А. Гончарова вселился на Малую Бронную. И так далее. Театральная Москва вздохнула свободнее, не говоря уж о самих театрах.

Прошло несколько лет, и некоторые ведущие артисты Большого театра стали поговаривать, что, дескать, зря они «отдали» свой филиал оперетте, что в КДС, мол, работать опере и балету невозможно: подзвучка искажает голоса, балета не видно, и вообще в помещении, где пели Шаляпин и Собинов, завелась скверна, то бишь оперетта. Актеры — люди эмоциональные...

К сегодняшнему дню Театр оперетты проработал на Пушкинской улице 25 лет — четверть века. За это время в гости к нему пришло более 20 миллионов зрителей. И вдруг выясняется: на Пушкинской улице лишь «размещается оперетта» — даже не «живет». Выясняется и другое: с 1 января 1988 года Большой театр будет работать в КДС и в своем (?) филиале (??).

А что же с нами?

Сегодня в Московском театре оперет-

тиста в хоре и балете. В театре есть четыре так называемых творческих цеха. Помимо сцены и оркестровой ямы, им нужно где-то репетировать. Для балета необходим класс размером не менее, чем в половину сцены. Полсотни человек хора тоже своего требуют. Да и оркестр делится по творческим группам, которым нет-нет, а подавай раздельные репетиции.

Мы уж не говорим о солистах-вокалистах, которые никак не хотят петь во время разучивания партий в одном классе, все вместе сразу, не из-за капризного характера, а из-за так называемой специфики.

На сцене во время спектакля обычно, кроме актеров, «стоят» еще и декорации, которые после спектакля нужно куда-то убрать. Другими словами, нужно иметь соответствующее помещение для хранения декораций. Того же требуют костюмы, мебель, реквизит и т. д. Нужны помещения для мастерских по изготовлению декораций, костюмов и многого другого.

Безусловно, мы согласны, что реставрировать и поддерживать потускневшую жемчужину русского и советского оперного искусства необходимо. Но может быть, можно подойти к этому разумно? Практика подсказывает, что на проведение всего объема работ по Большому театру понадобится не одна пятилетка (пример — реконструкция МХАТа). А если это так, то нельзя ли огромные средства, отпущенные на Большой театр, распределить таким образом, чтобы ГАБТ, проведя косметический ремонт и продолжая работать у себя, строился бы вокруг и под землей и проводил другие необходимые подготовительные работы, а часть средств выделить Московскому театру оперетты для строительства нового, уже его «собственного» помещения? Ведь не можем же мы воспользоваться запрещенным приемом и требовать, по аналогии, выселения Театра сатиры, объясняя это тем, что раньше здание принадлежало нам!

Почему за 25 лет не построили новый театр либо для оперетты, либо для филиала Большого, если сцена Театра оперетты так нужна ГАБТу? Почему надо было ждать, пока здание ГАБТа придет в аварийное состояние, чтобы теперь впопыхах и так обидно для советской оперетты — в момент ее шестидесятилетия — решать проблему «жизненного пространства» для Большого театра?

Сейчас срочно «прорабатывается» вариант временного размещения Театра оперетты — это и помещение Областного театра драмы в Кузьминках, и киноконцертного зала «Октябрь», и концертного зала гостиницы «Орленок», и ДК МЭЛЗ (бывшего телевизионного театра). Но ...

сейчас нет такого помещения, куда можно было бы временно переселить крупнейший в Европе Московский государственный театр оперетты.

А может быть, вся эта кампания затеяна для того, чтобы ликвидировать Театр оперетты в Москве? Но тогда придется доказать зрителям (а ежегодно их в театре около миллиона), что оперетта — это плохо!

И в заключение — вопрос: если добро одним делается за счет других, как это можно назвать?

По поручению коллектива Московского государственного ордена Трудового Красного Знамени театра оперетты:

В. КУРОЧКИН,
народный артист СССР,
главный режиссер театра;
Т. ШМЫГА,
народная артистка СССР;
народные артисты РСФСР
О. ВЛАСОВА, К. КУЗЬМИНА, Т. САНИНА, В. БАРЫНИН, В. БОГАЧЕВ, Ю. БОГДАНОВ, Г. ВАСИЛЬЕВ

В самом деле — где же будет размещаться оперетта? Неужели и впрямь ее поклонники — москвичи и гости столицы — чтобы побывать в любимом театре, должны будут ехать в Кузьминки!

Однако это не единственный вопрос, возникающий при чтении публикуемого письма.

Как могло случиться, что из ничтожно малого — для девятимиллионной столицы! — числа залов с хорошей акустикой в предстоящем сезоне на капитальный ремонт и генеральную реконструкцию одновременно закрываются два — Большой зал консерватории и Большой театр! Ведь было давно известно, что БЗК нуждается в капитальном ремонте. Почему же не «развели» ремонт так, чтобы сделать его в разные годы!

И еще одна проблема, которая, увы, пока совсем не беспокоит должностных лиц: ничтожное число «музыкальных» залов с акустикой, что называется, на уровне мировых стандартов. Музыканты жалуются на неудовлетворительную акустику в зале имени Чайковского, авторы письма в редакцию справедливо пишут о «подзвучке» в КДС — примеры можно умножить, но ведь кто-то и решать должен эту и другие проблемы. Кто же!

Я не умею танцевать брейк

ЗА ЗАНАВЕСОМ смолкают голоса зрителей — это значит, что в зале медленно гаснет свет. На сцене уже минуты три темнота, лишь горит зеленый фонарик подсветки. Слышно дыхание партнера — затаенное, сосредоточенное. Занавес поднимается, и там, в зале, я вижу нити лампочек, еще не потерявших своего накала, слабо мерцающих на выпуклых боках лож и амфитеатра. Сейчас... Сейчас партнер выйдет в луч и скажет реплику. А за ним скажу я. А может, не скажу — смотря какой спектакль. Может, просто буду стоять у задника с алебардой (подносом, букетом, шпагой, ружьем). А может, меня в этот момент вообще на сцене не будет, а буду я болтать с гримером, ожидая своего выхода. А может, меня вообще не будет в театре, потому что я не занят сегодня. И буду я играть концерт, копать картошку на даче, ругать сына за грязные колени и ложиться спать, прикидывая, как бы завтра встать попозже и не опоздать на репетицию.

Впрочем, нет. Ничего этого не будет. Потому что два года назад я ушел из театра.

Ушел не в кино и не в концертную организацию. Я не стал руководителем драмкружка и не стал тамадой в ресторане, по Галину. Более того, в другой театр я тоже не перешел, хотя было с чем идти — за шесть лет работы актером я приобрел больше, чем потерял.

Работаю в другой организации, с театром никак не связанной. А в какой — не скажу, ни к чему это. Неважно.

Мнения моих бывших коллег о моем поступке разделились. Одни одобряют, другие считают меня изменником, и это справедливо, ибо искусству необходимо отдаться целиком, без остатка, и волна творчества должна была нести меня через все сомнения, семейные подводные камни, квартирные рифы, недоедание и недосыпание. Что им сказать?

Я ел зельц. Это может подтвердить продавщица напротив. Я ел его в течение четырех лет работы, так как на желудок мне было наплевать, а проблема финансирования актерского труда и возможности в связи с этим кушать эскалоп меня тогда не волновала.

Я репетировал по ночам. Дома понимали — это святое. Я сыграл две главные, шесть сольных ролей, массу эпизодических и гордо стоял в массовке.

Я себя не щадил. Потом вырос сын и спросил, какая у меня профессия. Я ответил, что моя профессия — актер, на что сын сказал, что это не профессия, а так, одни прыжки.

— Посмотри, папа, ты же все время прыгаешь, — сказал мне он.

Я посмотрел и понял, что сын мой прав. Последние два года из шести я прыгаю, и вокруг меня тоже все прыгают.

Я посмотрел спектакли других театров. Там тоже прыгали. «Почему я прыгаю?» — спросил я себя.

Я заглянул в свой репертуар. В месяц у меня выходило тридцать четыре спектакля (с утренниками). Из них больше половины серых, сырых, никого не трогающих. Сумасшедшие разводки — на стационаре и в двух домах культуры одновременно. Малые гастроли в другие города.

На первое место, таким образом, выходил элементарный план. План двигал моими руками, ногами и голосовыми связками. План дергал ниточки, которыми я был искренне привязан к театру.

Бодрый директор на собрании: «Товарищи! Еще немного, и план наш! Поднажмем!» Актеры жмут. Едут, летят. В два ночи возвращаются в город.

Водитель автобуса: «Всем спать охота, по домам не повезу!»

Значит, такси...

Утром — репетиция. Обычно актерам на ней делать нечего. Основное — свет, музыка, какой-нибудь очередной шумовой эффект. «Пару, больше, больше пару!»

На сцене клубится пар. Артисты кашляют. Зрители — тоже. Зато современно.

В три кончается репетиция. До вечерней явки — три часа. Растанцовка, распевка и — в пар с головой.

Репертуар выбирается в угоду плану. Небольшая пьеса человек на пять. Главное — побольше прыжков. Сейчас в моде брейк. Театр должен идти в ногу с временем. Не умеешь делать кульбит? Плохо... Нет, учиться не надо, нет времени, план, план... Кто умеет делать кульбит? Ты? Хорошо, будешь играть.

Почему в творчестве теперь на первое место вылез план? Каждый, думаю, понимает, что план должен, должен существовать исподволь. О нем должны только догадываться и — работать. Почему артист нынче так много думает о проданных местах, дабите, кредите, о массе других, ему, артисту, ненужных вещей?

Да, конечно, от этого зависит премия, но она мала и на бюджет не оказывает существенного влияния.

Актер — профессия зависимая. Как будут сегодня думать о плане администрация и художественное руководство, так и артист будет думать.

Вот родился театральный эксперимент. Театр вроде бы получил самостоятельность. Но ставит ли эксперимент материальные вопросы на службу творчеству или наоборот?

Артисту прибавили зарплату. Что заработаешь — то твое, сказали артисту.

Артист начал зарабатывать. Как — порой неважно.

Хочу, чтобы клубы эффектного пара не затянули то, ради чего идет зритель в театр. Очень хочу.

Я ушел из театра.

Мне сейчас снится, как за занавесом смолкают голоса, как в темноте сцены затаенно дышит партнер... Я вижу, как тихонько догорают ниточки накаливания в лампочках канделябров. Я даю реплику.

Я не умею танцевать брейк...

В. ВЕРШИНИН,
актер

ЛЕНИНГРАД

Это письмо из Ленинграда можно было бы не выносить на полосу. А автору ответить так: не умеете танцевать брейк? Так научитесь, коли брейк сейчас в моде и его танцуют всюду, в том числе, разумеется, и на театральной сцене. А можно даже этого совета автору не давать — в конце концов ведь из театра он ушел.

Но нам кажется, что монолог бывшего ленинградского актера В. Вершинина отнюдь не бесполезен в тех спорах о реорганизации театрального дела, которые были начаты в свое время на страницах «ЛГ» статьей Марка Захарова «Аплодисменты не делятся», продолжены на съезде театральных деятелей и продолжают идти. Споры эти имеют много аспектов. В том числе, например, и такой: как влияет план на творчество? Ставит ли театральный эксперимент проблемы материальной заинтересованности на службу творчеству — или же наоборот? И, наконец, какой ценой создается шлягер (об этом, в частности, уже шла речь в статье Н. Шехтер «Как создается шлягер», опубликованной

Юрмала, Юрмала...

Давно завершился II Всесоюзный телеконкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни «Юрмала-87», а отклики на него все идут и идут. И не только восторженные... Мы попросили ответить на вопросы читателей члена жюри конкурса композитора Давида ТУХМАНОВА.

ров, балетмейстеров. Вся работа начнется уже нынешней осенью.

— Некоторые зрители считают, что на конкурсе была представлена одна манера исполнения, один стиль...

— А я так не считаю. Дело каждый раз в индивидуальности...

нам тоже было очень трудно отрешиться от эмоций.

— Понятно, член жюри — не «айсберг в океане», но на эмоции сетуют и читатели: по их мнению, реакция публики, особенно тепло принимавшей некоторых артистов, мягко говоря, отражалась и на оценках жюри. К. Самылов из Челябинска пишет: такие знаменитые люди сидели в жюри, а первые места присудили не лучшим.

— Ну да, мы, конечно, не айсберги, и можно не согласиться с жюри. Впервые была применена оценка в баллах, как в спорте. Но в искусстве, где нет секунд и метров, как раз эмоциональная сторона и выходит на первый план. Правда же! Искусство — не

возможно. Подзвучка искажает голоса, балета не видно, и вообще в помещении, где пели Шаляпин и Собинов, завелась скверна, то бишь оперетка. Актеры — люди эмоциональные...

К сегодняшнему дню Театр оперетты проработал на Пушкинской улице 25 лет — четверть века. За это время в гости к нему пришло более 20 миллионов зрителей. И вдруг выясняется: на Пушкинской улице лишь «размещается оперетта» — даже не «живет». Выясняется и другое: с 1 января 1988 года Большой театр будет работать в КДС и в своем (?) филиале (??).

А что же с нами?

Сегодня в Московском театре оперетты около семисот штатных и нештатных сотрудников, среди них 70 солистов, 83 артиста оркестра, по 53 ар-

... не построили новый театр либо для оперетты, либо для филиала Большого, если сцена Театра оперетты так нужна ГАБТу? Почему надо было ждать, пока здание ГАБТа придет в аварийное состояние, чтобы теперь впопыхах и так обидно для советской оперетты — в момент ее шестидесятилетия — решать проблему «жизненного пространства» для Большого театра?

Сейчас срочно «прорабатывается» вариант времен-ного размещения Театра оперетты — это и помещение Областного театра драмы в Кузьминках, и киноконцертного зала «Октябрь», и концертного зала гостиницы «Орленок», и ДК МЭЛЗ (бывшего телевизионного театра). Но каждый из этих вариантов требует больших строительных работ и миллионных затрат. Мы со всей ответственностью заявляем, что в Москве

Юрмала, Юрмала...

Давно завершился II Всесоюзный телеконкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни «Юрмала-87», а отклики на него все идут и идут. И не только восторженные... Мы попросили ответить на вопросы читателей члена жюри конкурса композитора Давида ТУХМАНОВА.

— Итак, Давид Федорович, «Юрмала-87» позади. Да здравствует «Юрмала-88»?

— Да здравствует! Потому что это пока единственный у нас в стране песенный конкурс популярной эстрадной музыки. Он ставит перед собой другие задачи, чем, скажем, традиционный конкурс советской песни в Сочи. Десятилетиями ощущалась необходимость в нынешней «Юрмале», и спасибо работникам ЦТ и Раймонду Паулсу: они «пробили» конкурс и вложили в него много души. Естественно, большого опыта еще нет, и не обошлось без накладок, но это уже другая тема. Вообще же «Юрмала» заслуживает всяческой поддержки и продолжения, так мне кажется.

— Тут спора нет. Но как раз во имя «продолжения» читатели просят обратить внимание и на «другую тему». Как выразился Н. Прудентов из Пятигорска, «Юрмала-87» не выявила «ни исполнителя, обещающего стать любимцем публики, ни песни-шлягера». В чем дело?

— В известной мере в том, что конкурс отражает и общее положение на профессионально-концертной эстраде страны.

— А может, плохо искали «любимцев публики»?

— Трудно сказать... Возможно, не все перекопали и не всех нашли. Кандидатов выдвигали местные телестудии, окончательный выбор остался за главной редакцией музыкальных программ ЦТ. Ни я, ни другие композиторы в этой работе не участвовали. Но на третий конкурс, в следующем году, предварительный отбор исполнителей и подбор репертуара предполагается провести более основательно — с привлечением поэтов, композиторов, режиссеров, балетмейстеров. Вся работа начнется уже нынешней осенью.

— Некоторые зрители считают, что на конкурсе была представлена одна манера исполнения, один стиль...

— А я так не считаю. Дело каждый раз в индивидуальности...

— Читатели пишут: индивидуальности были почти на одно лицо...

— Так легко сказать, не разбираясь. Что значит — «одно лицо, одна манера»? Совсем они не одинаковы. Тут другое: скажем, отсутствовали рок-музыка, рок-группы — их совсем не было, для них проводятся отдельные конкурсы, и слава богу. Если это — «один стиль», тогда я согласен. Но ведь подобной задачи и не ставилось. Если имеется в виду отсутствие ярких индивидуальностей, то вина это не организаторов, я уже говорил... А вообще, что имеется в виду?

— То, о чем вы уже сказали и на что ответили. Вот еще проблема. У «звезд» эстрады есть выбор — для них сочиняют самые известные поэты и композиторы. Но откуда же у певца из глубинки появится шлягер? Кто его знает? Кто ему напишет? А поскольку оценки жюри зависят и от того, что исполняется, не получается ли так, что иной раз конкурируют не певцы, а песни?

— На прошлом конкурсе я не был, но мне рассказывали, что организаторы предлагали какие-то сочинения, и многие исполнители были недовольны, считая, что им их навязывают. На этот раз решили ничего не навязывать, а предоставить свободу выбора. В результате — не очень-то богатый урожай: ярких песен почти не было.

Что же до исполнителей, то, я думаю, если артист выбрал неудачную песню и плохо ее исполнил, жюри уже вправе судить и о его индивидуальности, и о его вкусе: ведь выбрал-то он. Я только могу подчеркнуть: с первых шагов исполнитель должен понимать свою ответственность за выбор репертуара. Естественно, если песня плохая, жюри не могло выставить высокие оценки — нам тоже было очень трудно отрешиться от эмоций.

— Понятно, член жюри — не «айсберг в океане», но на эмоции сетуют и читатели: по их мнению, реакция публики, особенно тепло принимавшей некоторых артистов, мягко говоря, отражалась и на оценках жюри. К. Самылов из Челябинска пишет: такие знаменитые люди сидели в жюри, а первые места присудили не лучшим.

— Ну да, мы, конечно, не айсберги, и можно не согласиться с жюри. Впервые была применена оценка в баллах, как в спорте. Но в искусстве, где нет секунд и метров, как раз эмоциональная сторона и выходит на первый план. Правда же? Искусство — не спорт.

— Но в некоторых видах спорта — например, в фигурном катании — в дополнение к очкам судьи определяют еще и места, которые должны занять соревнующиеся. Если бы такая система была распространена и на конкурс в Юрмале, некоторые певцы, набравшие меньше баллов, могли бы занять более высокие места, чем те, кто набрал большую сумму. Как вы считаете?

— Думаю, это было бы резонно, потому что при разнице в несколько баллов вполне может возникнуть элемент случайности. В конце концов я могу в какой-то момент заколебаться и вместо 9 поставить 8 или 7 баллов, так же сделает другой. А в результате — небольшой перевес, не всегда отражающий объективную оценку исполнителя. Потом становится ясно: надо было сделать наоборот, а изменить уже ничего нельзя. Правильно было бы дать возможность жюри, обменявшись мнениями, определить места не только по сумме баллов. Но на «Юрмале-87» мы заранее решили принимать во внимание только баллы.

— Еще предложение: ввести третий тур для трех лучших исполнителей, дать им на выступления по 30—40 минут каждому, а уж потом определить, кто из них какое место занял, независимо от прежде набранных очков.

— Мне кажется, и здесь есть рациональное зерно. Во всяком случае обсудить предложение стоит. Нужно только учесть: конкурс в Юрмале лишь начал свой путь, он, несомненно, будет совершенствоваться. И хорошо уже, что есть чему совершенствоваться...

Вопросы от лица поклонников эстрады задавал Григорий ЦИТРИНЯК

ленинградского актера В. Вершинина отнюдь не бесполезен в тех спорах о реорганизации театрального дела, которые были начаты в свое время на страницах «ЛГ» статьей Марка Захарова «Аплодисменты не делятся», продолжены на съезде театральных деятелей и продолжают идти. Споры эти имеют много аспектов. В том числе, например, и такой: как влияет план на творчество? Ставит ли театральный эксперимент проблемы материальной заинтересованности на службу творчеству — или же наоборот? И, наконец, какой ценой создается шлягер (об этом, в частности, уже шла речь в статье Н. Шехтер «Как создается шлягер», опубликованной в «ЛГ» 22 июля).

Возможно, описывая повседневную жизнь театра, В. Вершинин несколько сгустил краски. Даже наверное сгустил. Мы даже не знаем, настоящей ли фамилией он подписался — но обратите внимание, как выглядит сама подпись. Ушедший из театра человек по-прежнему считает себя актером. Письмо его пронизано любовью к театру, заботой о его будущем. Вот почему нам показалось, что монолог бывшего актера должен быть услышан.

ЧИТАТЕЛЬ В КРЕСЛЕ № 13

Бандиты в Холмске

Сколько уж было таких фильмов — французских, итальянских, американских. Вот наконец-то и мы сделали! Банда рецидивистов нагло, средь бела дня разъезжает по городу, из автоматов расстреливает инкассаторов и грабит — ни много ни мало — банки! Известный фильм Карло Лидзани назывался «Бандиты в Милане». Этот — по аналогии — можно было бы назвать «Бандиты в Холмске». Однако создатели (сценарист С. Александров, режиссер Б. Григорьев и студия имени М. Горького) предпочли наименование более торжественное: «Наградить (посмертно)».

Сразу оговорюсь: я не против приключенческих лент и вполне допускаю в них некоторую нелогичность — лишь бы было интересно! Считаю также, что сам по себе сюжетный ход, придуманный в новой картине (бандиты используют человека, потерявшего память на фронте, уверив его, что он прежде был вором), давал богатые возможности. Но как наивно он разработан! Что ни кадр — ясно видишь, как все напридумано: жесты, детали... В итоге нелогичности в картине оборачиваются нелепостями, смешными несуразностями.

Нелепость первая: почему, собственно говоря, никто не может рассказать герою, что он бывший разведчик и зовут его Юрка Соснин? Ведь рядом в момент контузии был земляк-товарищ!

Нелепость вторая. Страна у нас большая, поезжай, куда хочешь. Но Соснин после госпиталя едет именно туда, куда нужно авторам, почти в родные места, где и приберут его к рукам бандиты и где свои, хорошие люди узнают, вырвут — реабилитируют, одним словом... Ну да ладно. Жизнь — миллионы ситуаций, в ней всякое бывает.

Но уж милиция, милиция!.. Фильм, посвященный (как сказано в титрах) 70-летию советской милиции, как-то ее не того... Если бы художник с феноменальной памятью, случайно ставший свидетелем преступления, не набросал тут же портрет Соснина... Если бы опрашивать художника случайно не был послан тот самый фронтовой земляк — товарищ Соснина, случаем, так скажем, определенный теперь на работу в милицию, да еще и в тот самый город... То кто знает...

Наконец, сами преступники. В их действиях логика отсутствует уже начисто. Говорят-то они жаргонисто и выглядят матерыми волками, но поступают по преимуществу как жалкие дилетанты. Городок Холмск вроде небольшой. Ну ограбили один раз машину с деньгами, взяли жирный куш и мотали бы подальше! Так нет же, мало им, негодяям этаким. Через того же наводчика-кассира из местного отделения банка, замаскировавшегося уголовника (что, конечно же, без труда, но и неясно как, устанавливает милиция), бандиты хотят повторить удачу. Естественно, дело срывается. В итальянских фильмах на те же сюжеты опытная мафия так себя не ведет.

Много недоумений порождает фильм. Но самое главное поджидает нас... Ошиблись — не в конце, а в начале. На подушке, где покоится голова раненного на фронте героя, четко просматриваются цифры — 1984. Что это? На инвентарный номер не похоже. Совпадение цифр сомнительно. Досадная оплошность? Или фирменный знак халтуры, олицетворяющий неуважение к зрителям? Во всяком случае хочу верить, что подушки с цифрами 1988, 1989 и так далее будут сниматься в других, более художественных фильмах.

Несколько слов о так называемой политике кинопроката. Зачем было в Москве предоставлять этому фильму такие огромные залы, как «Россия» и «Октябрь»? А прекрасный фильм Отара Иоселиани «Фавориты луны» крутить по окраинам, собирая там толпы желающих? Когда же наконец «политики кинопроката» станут учитывать реальные художественные достоинства кинокартин?

Михаил МАСЛОВ

МОСКВА

Час сенсаций

В последние месяцы Центральное телевидение организовало несколько очень интересных, так сказать, незапланированных передач (пресс-конференции в МИДе, интервью Маргарет Тэтчер и т. д.). Они привлекли большое количество телезрителей, и когда их потом обсуждали среди друзей, многие говорили: «Эх, жаль, я не знал». В самом деле, не всегда же будешь держать телевизор включенным целый вечер!

На месте ЦТ я бы предусмотрел определенное время, когда «программный» материал может быть заменен на экстренный. Например, 22 часа 30 минут. Причем экстренный материал обязательно должна предварять постоянная заставка. Включив телевизор в 22.30 и увидев знакомую заставку, всякий зритель будет знать: сейчас начнется что-то неожиданное и интересное. Ну, а нет заставки — так и вопросов нет.

В. КОЗЛОВ

БИРОБИДЖАН

ФОТОБАНДЕРОЛЬ

ОТ КОГО: фотокорреспондента Вадима Крохина.

КОМУ: всем, кто любит легкую музыку (прислано по адресу: «Литературная газета», п/о 8, до востребования).

ВИД ВЛОЖЕНИЯ: жанровый снимок «Концерт (Билли Джоэл)».

Кто-то где-то когда-то пошутил, что традиции для того и создаются, чтобы однажды можно было их нарушить. По традиции, под рубрикой «Фотобандероль» мы публиковали снимки, пришедшие к нам по почте. Но на сей раз, растерзанные телефонными звонками («Как попасть на концерт Джоэла?!»), решили: отчего бы и нам, от себя, не послать фото нашим читателям? Билеты на концерт дать не можем, но фото на 8-й полосе ведь можем дать? Тем более вот оно — уже под рукой... Так что распишитесь в получении.

СЕМЬ ДНЕЙ В АВГУСТЕ

ЭХО НЕДЕЛИ

● 6 августа исполнилось 42 года с того дня, когда на японский город Хиросима была сброшена американская атомная бомба. Город превратился в пепел за несколько мгновений. Из 400 тысяч его жителей в атомном аду сгорели 240 тысяч. На всей планете этот день вновь был отмечен как День памяти Хиросимы.

● *Руководитель политического крыла организации «тигры освобождения Тамил илам» в аэропорту Палали передал свой пистолет представителям индийского воинского контингента и ланкийских вооруженных сил. Этим символическим жестом было положено начало добровольному разоружению военных отрядов самой крупной и влиятельной организации тамильских повстанцев. Так практически реализуется подписанное премьер-министром Индии и президентом Шри Ланки соглашение о мирном урегулировании этнического конфликта между тамилами и сингалами, который четыре года сотрясал страну. Правительство Шри Ланки начало освобождение заключенных тамильских повстанцев.*

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

ГРЭМ ГРИН ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ...

Это письмо видного английского писателя Грэма Грина опубликовано в одном из последних номеров лондонского еженедельника «Санди таймс мэгэзин»:

В заявлении, опубликованном в дневнике «Таймс» 24 марта моим племянником, Грэмом Карлтоном Грином, председателем английских издательств «Чатто», «Бодли Хед» и «Кейп», утверждается, будто слухи об изменениях в этих издательствах являются плодом «чистой фантазии». На самом-то деле он сам живет в мире фантазии.

Издатели зависят от авторов, и я убежден, что окажусь не единственным литератором, который решит порвать с этой группой издательств до тех пор, пока в их администрации не будут произведены необходимые изменения.

С уважением

Грэм ГРИН

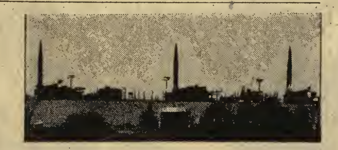
АНТИБ, ФРАНЦИЯ

Поясним нашему читателю, с чем связано это письмо. В «ЛГ» (17 июня 1987 г.) сообщалось, что американский капитал, беззастенчиво вторгающийся во все сферы культуры и искусства Великобритании, решил теперь прибрать к рукам британское издательское дело. Пользуясь трудным финансовым положением самых старинных и популярных английских издательств, американский концерн «Рэндом хаус» добился их покупки. Теперь они станут частью газетной империи миллионера С. Ньюхауса, который получит возможность влиять на подбор авторов и тиражи издаваемых книг.

Опровержение, опубликованное в

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ИЩУТ ХОЗЯИНА ЯДЕРНЫХ РАКЕТ



Уличенный в укрывательстве ядерных ракет «Першинг-1А» официальный Бонн изворачивается. Будто он вообще ни при чем, ведь ядерные боеголовки от этих ракет — у американцев. Между тем представитель США на Женевских переговорах Кампелман только что заявил, что судьба этих ракет зависит от Бонна. После чего сюда примчался помощник президента США по национальной безопасности Карлуччи, успокоивший деятелей ХДС/ХСС заявлением, что Америка их не оставит.

На мои вопросы, чьи же все-таки ракеты «Першинг-1А», боннские чиновники ответили, что раз они «общие» у ФРГ с США, то вроде бы, значит, ничьи.

Канцлер в отпуске. Пояснения дал А. Дреггер, председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге. Он уверял, будто у ФРГ нет собственного атомного оружия. Ссылался на то, что против учета «Першингов-1А» не одна ФРГ, а и США, и НАТО в целом. Представлял дело с «Першингами-1А» как препятствие, созданное... советской стороной. А потом откровенно признался, что ХДС/ХСС только на том условии и соглашалась на двойное нулевое решение, если у бундесвера останутся эти ракеты.

Чего стоят подобные сбъяснения, раскрыли в интервью для «ЛГ» видные деятели оппозиционных партий, известные эксперты по проблемам вооружений.

Карстен ФОЙГТ, член правления СДПГ, депутат бундестага:

«Выступление Э. А. Шеварднадзе помогло прояснить общую ситуацию в ФРГ: кто действительно за двойное нулевое решение по ядерным ракетам и кто против. Некоторые представители федерального правительства поддержали, как теперь стало ясно, двойное нулевое решение лишь на словах, на деле же использовали вопрос о «Першингах-1А» для того, чтобы сорвать соглашение США—СССР о двойном нулевом решении, блокировать его. Независимо от того, будут ли США и СССР включать вопрос о «Першингах-1А» в свои переговоры, мы, социал-демократы, давно требуем от федерального правительства отказаться от этих ракет. Во-первых, потому, что они все-таки устарели, и, во-вторых, поскольку принять двойное нулевое решение важнее, чем цепляться за «Першинги-1А». Вопрос об этих ракетах имеет не столько военное, сколько политическое значение. И для ФРГ, и для СССР, и для США».

Альфред МЕХТЕРСХАЙМЕР, директор института по исследованию политики мира, депутат бундестага от партии «зеленых»:

«В выступлении Э. А. Шеварднадзе ясно показано, какая ответственность лежит на федеральном правительстве. Поведение федерального правительства играет губительную роль, хотя я не хотел бы думать, что правительство действительно стремится к ядерному оружию для ФРГ. Во всяком случае, ведет себя оно так, словно именно этого добивается.

Не следует недооценивать «Першинги-1А», разрушительная сила этих ядерных ракет достаточно велика. Их оказалось бы вполне достаточно, чтобы разрушить и отравить Европу настолько, что всякая жизнь прекратилась бы здесь надолго. Ошибаются те, кто считает, будто эти «Першинги-1А» — какая-то мелочь. Каким-либо «инструментом мира» они не являются, безопасности ФРГ не служат. Что способствовало бы миру, так это избавление от них.

В ХДС/ХСС сегодня утверждают, что «Першинги-1А» не должны быть предметом переговоров на том основании, что в Женеве обсуждаются ракетные системы, а это оружие — «смешанное» или «раздельное» (то есть им владеют ФРГ и США). Но ведь эта проблема относится к вооружениям НАТО в целом. В выступлении Э. А. Шеварднадзе она впервые поднята всерьез. Таких вооружений, находящихся в «смешанном» владении, у НАТО множество: в авиации, сухопутных и других войсках. Не говорить на переговорах о боеголовках — абсурдно. США пользуются этим и ведут речь только о той части своих ракет-носителей (сравнительно небольшой), которая считается собственно американской. А то, что предназначено для ФРГ и других союзников по НАТО, замалчивается, выводится за скобки».

Что же дальше? Социал-демократы и «зеленые» собираются потребовать официального ответа от правительства на сессии бундестага в начале сентября. Есть еще шанс опомниться, пока ФРГ не оказалась в глазах мировой общественности виновницей срыва соглашения между США — СССР по ликвидации РСД.

Анатолий ФРЕНКИН, соб. корр. «ЛГ»

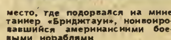
БОНН

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ ПЛАНЕТЫ

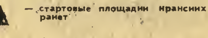
Командное судно класса «РАЛЕЙ», «ЛА САЛЬ» — флагман американских сил на Ближнем Востоке. Может участвовать в десантных операциях с моря.

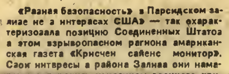
КОРАБЛИ ИДУТ В ЗАЛИВ

Схема залива

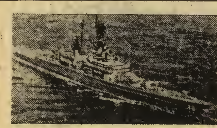

— место, где подорвался на мине танкер «Бриджтаун», конвоировавшийся американскими боевыми кораблями

— участок Залива, свободный от мин


— иранские боевые суда


— стартовые площадки иранских ракет

«Равная безопасность» в Персидском заливе не в интересах США» — так охарактеризовала позицию Соединенных Штатов в этом взрывоопасном регионе американская газета «Крисчен сайенс монитор». Свои интересы в районе Залива они намерены подкрепить усилением военного при-



Крейсер «ЛИГИ». Вооружен ракетами «корабль — корабль», «корабль — воздух» и торпедами.

на, эсминца, трех крейсеров и четырех фрегатов. Как стало известно, Пентагон принял решение о направлении в этот район дополнительного контингента «специальных сил по борьбе с террористами», а попросту говоря, своего экспедиционного корпуса.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Из Сезуана в... Тель-Авив

Ну вот, свершилось — все встало на свои места!

А ведь некоторые уже мыли шею, чтобы как следует встретить «блудного папу», дескать, ждем тебя, добрый человек из... Вот только откуда самолет прибудет, никак не могли угадать: то ли из Рима, то ли из Парижа. А он в это время махнул совсем в другую сторону, где и нашел наконец то, что так долго искал.

О ком речь? Не будем томить читателей. Краткое, в две строчки сообщение в итальянской газете «Унита» ставило в известность всех заинтересованных лиц, что режиссер Юрий Любимов в поисках свободы самовыражения прибыл в Тель-Авив, принял израильское подданство и готовит там к постановке спектакль по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Если вспомнить все перипетии его жизни за последние годы, то окажется, что «Точка над i» — так называлась опубликованная когда-то в «Литературной газете»

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ

ТАЙНЫЙ ГОЛОС «ГОЛОСА АМЕРИКИ»

Круглые сутки по всему свету звучат из радиоприемников музыкальные позывные «Голоса Америки» и повторяется очередной анонс на 42 языках. «А сейчас мы передадим наш радиокомментарий, отражающий официальную точку зрения правительства Соединенных Штатов». Сказанному далее некоторые простаки целиком верят, другие доверяют лишь частично, треть и вовсе ничуть. Но только немногие знают: иногда радиокомментарий «Голоса Америки» — это зашифрованный сигнал к началу за пределами США секретной акции...

Передо мною — 1200 страниц документации, подготовленной для разбирательства конгрессом США продажи американского оружия Ирану и нелегального содержания за счет этой спекуляции банд никарагуанских контрреволюционеров. Скандальная афера давно обсуждалась вашингтонскими законодателями. Игнорировав почему-то предоставленные им три важных документа предварительного расследования. Документы были составлены небезызвестным экс-сотрудником Белого дома подполковником Оливером Нортом.

Первый документ — датированный 22 сентября 1986 года и рассекреченный отныне рапорт Норта его непосредственному начальнику в Белом доме адмиралу Пойндекстеру. В рапорте — отчет о конспиративной встрече Норта и офицера ЦРУ Джорджа Кейва с анонимным эмиссаром из Тегерана по кличке Родственник. Рапорт гласит.

«Наши переговоры с Родственником велись с пятницы до воскресенья крайне интенсивно и весьма успешно. Затем Родственник отбыл в Тегеран для доклада его руководству и потом вернется к нам неделю спустя. Мы согласились по предложению Родственника сигнализировать его тегеранским коллегам о новом курсе правительства США методом трансляции «Голосом Америки» условленной обоюдно фразы специфического смысла».

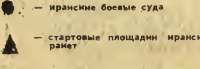
Вслед за тем 24 сентября прошлого года Норт информировал письменно о сговоре с Родственником директора ЦРУ и главу оперативного сектора ЦРУ по Ирану:

«Решено, что радиопередача комментария «Голоса Америки» на языке фарси напомнит о том, как недавно во время захвата террористами самолета американской фирмы «Пан Америкэн» иранские власти запретили захватчикам приземлиться в Иране».

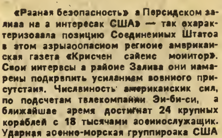
Впоследствии вашингтонские расследователи интриг Норта составили следующий документ: «24 сентября, 1986 года Норт вручил адмиралу Пойндекстеру и руководителям ЦРУ текст радиокомментария «Голоса Америки» под заголовком «Международное сотрудничество против терроризма» с выражением, как обещали Родственнику, благодарности иранцам. Потом 25 сентября Норт передал в гос-

Поясним нашему читателю, с чем связано это письмо. В «ЛГ» (17 июня 1987 г.) сообщалось, что американский капитал, беззастенчиво вторгающийся во все сферы культуры и искусства Великобритании, решил теперь прибрать к рукам британское издательское дело. Пользуясь трудным финансовым положением самых старинных и популярных английских издательств, американский концерн «Рэндом хаус» добился их покупки. Теперь они станут частью газетной империи миллионера С. Ньюхауса, который получит возможность влиять на подбор авторов и тиражи издаваемых книг.

Опровержение, опубликованное в «Таймс», на которое ссылается Грэм Грин-старший, действительно «плод фантазии». Неудивительна тревога британской общественности. Газета «Гардиан», в частности, пишет, что теперь в «Лондоне фактически не остается независимых национальных издательств».



КОРАБЛИ ИДУТ В ЗАЛИВ



Эсминец класса «КИД». Боевой корабль многоцелевого назначения. Вооружен ракетами «корабль — воздух» имеет на борту вертолет.

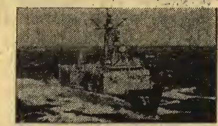
— участок Залива, свободный от мин

— иранские боевые суда

— стартовые площадки иранских ракет

«Равная безопасность» в Персидском заливе на в интересах США» — так охарактеризовала позицию Соединенных Штатов в этом взрывоопасном регионе американская газета «Крисчен сайенс монитор». Свои интересы в районе Залива они намерены подкрепить усилением военного присутствия. Численность американских сил, по подсчетам телекомпании Эй-би-си, в ближайшее время достигнет 24 крупных кораблей с 18 тысячами военнослужащих. Ударная военно-морская группировка США в Персидском заливе состоит из флагма-

принял решение о направлении в этот район дополнительного контингента «специальных сил по борьбе с террористами», а попросту говоря, своего экспедиционного корпуса.



Фрегат класса «ПЕРРИ». Вооружен ракетами класса «корабль — воздух». Имеет на борту два вертолета.

Фото из еженедельника «Ньюсуик» (США)

совсем в другую сторону, где и нашел наконец то, что так долго искал.

О ком речь? Не будем томить читателей. Краткое, в две строчки сообщение в итальянской газете «Унита» ставило в известность всех заинтересованных лиц, что режиссер Юрий Любимов в поисках свободы самовыражения прибыл в Тель-Авив, принял израильское подданство и готовит там к постановке спектакль по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Если вспомнить все перипетии его жизни за последние годы, то окажется, что «Точка над i» — так называлась опубликованная когда-то в «Литературной газете» статья — поставлена теперь окончательно. А слухи о горячем желании Юрия Любимова вернуться на Родину оказались сильно преувеличенными. Аминь!

М. К.

рия «Голоса Америки» на языке фарси напомнит о том, как недавно во время захвата террористами самолета американской фирмы «Пан Америкэн» иранские власти запретили захватчикам приземлиться в Иране».

Впоследствии вашингтонские расследователи интриг Норта составили следующий документ: «24 сентября 1986 года Норт вручил адмиралу Пойндекстеру и руководителям ЦРУ текст радиокомментария «Голоса Америки» под заголовком «Международное сотрудничество против терроризма» с выражением, как обещали Родственнику, благодарности иранцам. Потом 25 сентября Норт передал в госдепартамент США санкционированный радиокомментарий с инструкцией транслировать его 26 и 27 сентября».

И вот 26 сентября Норт спешно рапортовал:

«Только что, сразу же после радиопередачи «Голосом Америки» нашего сигнального комментария об инциденте с авиалайнером «Пан Америкэн», тегеранский Родственник распорядился внести семь миллионов долларов на указанный ему нами неделю назад номерной счет в швейцарском банке. Завтра мы с экспертом ЦРУ продолжим наше дальнейшее планирование...»

Итак, документально бесспорен факт подрывного использования глобального радиовещания «Голоса Америки» для зарубежных авантюр ЦРУ. Очевидна и подчиненность «Голоса Америки» верхам ЦРУ. Но коли это ныне, вроде бы по воле случая, уже не тайна, то почему о ней даже не заикнулись вашингтонские сенаторы и конгрессмены во время их многодневных допросов Норта, Пойндекстера и связанных с ними чинов ЦРУ? Напрашивается ответ: депутаты Конгресса США опасаются, вероятно как бы расспросы о персидских передачах «Голоса Америки» не вызвали вдруг публичную расшифровку прочих радиозатей против различных стран. Включая, например, Советский Союз, объект радиообстрела «Голоса Америки» уже сорок лет подряд. А кстати, по-моему, вряд ли всегда без особого подтекста вещает по-русски из Вашингтона начальница русскоязычной секции «Голоса Америки» Натали фон Мейер-Кларксон, чья белоэмигрантская родня издавна обслуживала тут местные разведывательные заведения.

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

фото факт

Многие бейрутские мальчишки собирают на улицах города стреляные гильзы. Они сдают их за вознаграждение на фабрики, где металл прессуется и отправляется за границу оружейным концернам. Те отливают из них новые патроны и поставляют в Бейрут. Так работает одна из шестеренок чудовищной военной машины. Бесконечная война в Ливане продолжается.

Фото из журнала «Лайф» (США)

АЛЛО, БУДАПЕШТ!

НАГРУЖАЮТ ТОГО, КТО ВЕЗЕТ

Сенсационное сообщение венгерского телеграфного агентства: с 1 сентября в сфере обслуживания страны вводится порядок, при котором клиенту не придется ждать выполнения своего заказа более двух, самое большее — четырех часов. В случае просрочки служба быта обязана оплатить заказчику штраф в размере 200 форинтов...

— Фантастика! — тихо воскликнет советский клиент. Я немного успокою: в правительственном постановлении речь идет, конечно же, не обо всех заказах — такое было бы невозможно. Имеются в виду только те услуги, которые связаны с ожиданием мастера на дому. И цель новой меры состоит в том прежде всего, чтобы прекратить разбазаривание рабочего времени долгим бдением у сломанных телевизоров и холодильников...

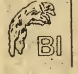
— Все равно фантастика!

Да, такая задача, пусть и продиктованная сверху, заставляет уважать сферу услуг Венгрии. Правда, представители самой этой сферы пока скромно отмахиваются от комплиментов, считают, что постановление может быть выполнено не сразу и не везде. Нужны еще и определенные материальные условия — хороший транспорт, обилие запчастей; и организационные — например, создание радиофицированной диспетчерской службы и т. д. Но говорят же: нагружают того, кто везет. Покатится, конечно же, и этот нелегкий воз.

Ну, а мы, сторонние наблюдатели, порадуемся за службу быта Венгрии. И с затаенной надеждой взглянем в сторону нашей: отреагирует ли на прецедент?

Владимир СТЕФАНОВ,
корреспондент Гостелерадио — для «ЛГ»

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ



ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬ: «БЕЛКА ИНТЕРНЭШНЛ»

Корреспондент «ЛГ» В. АБАРИНОВ встретился с президентом американской консультационно-посреднической фирмы в области культурных обменов «Белка интернэшнл инкорпорейтед» Мариной АЛЬБИ и попросил ее ответить на ряд вопросов.

— Наша фирма образовалась полтора года назад, — говорит М. Альби. — Сегодня в ее активе несколько крупных уже осуществленных контрактов. Так, например, в феврале этого года в течение 15 дней было передано советских телепрограмм телекомпанией «Дискавери» на 66 часов вещания — по нашим подсчетам, эти передачи посмотрели 50—60 миллионов американцев. Контракт был осуществлен при посредничестве «Белки». Эти программы показывались в США в то самое время, когда по телевидению шел антисоветский сериал «Америка». В качестве консультанта фирма принимала участие в организации гастролей Билли Джоэла в Советском Союзе. По контракту с агентством печати «Новости» издательством «Коллинз паблишерз» подготовлен фотоальбом «Один день из жизни СССР».

— Только что достигнуто соглашение с ВААП об издании в США фотоальбома «Россия. 1917». Гостелерадио СССР приобрело у нас для демонстрации по Центральному телевидению три музыкальных фильма: один из них расскажет о начальном периоде истории рок-н-ролла, другой — о первой волне британского рока, а третий — о концерте против апартеида «Сан-Сити». Еще один проект, полностью финансируемый нашей фирмой, — запись совместного диска американских музыкантов и советской рок-группы «Аквариум».

Есть и другие планы. В том случае, если состоится визит Генерального секретаря М. Горбачева в США, в период его пребывания в нашей стране мы организуем прямую трансляцию передач советского телевидения, в том числе программы «Время». Не исключен и показ по ЦТ лучших американских телепрограмм. Кстати, не могли бы вы обратиться к своим читателям с вопросом: какие американские программы их интересуют?

— Постараюсь выполнить вашу просьбу. А какие трудности вы испытываете?

— К сожалению, некоторые советские организации и ведомства не проявляют должной заинтересованности в культурном обмене. Это прежде всего Госконцерт и Министерство культуры СССР, отказавшиеся обсуждать, к примеру, проекты гастролей Йоко Оно, группы американских артистов джаза.

— А почему ваша фирма так странно называется? Да и зверь, изображенный на вашей визитной карточке, похож скорее на собаку, чем на белку.

— Это и есть собака — Белка, побывавшая в космосе. В честь нее мы и назвали фирму.

РЕПЛИКА

ТАК БЫЛ ЛИ ГИМН?

Зал № 16 кельнского земельного суда на Люксембургерштрассе был переполнен. Он то и дело содрогался от сокрушительного хохота публики. С лица же служителей Фемиды не сходили растерянность и огорчение. Судили редактора газеты «Штадт-ревю» Рольфа С., обвиненного в «посрамлении чести государства и его символов», а точнее — национального гимна ФРГ.

Но как же так, возразит иной знаток западногерманских законов, можно ли оскорбить то, чего нет? И будет недалек от истины. Вернемся на несколько десятков лет назад.

1945 год. Фашистская Германия прекратила свое бесславное существование. Отверженным и проклятым оказался и гитлеровский гимн «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес» («Германия превыше всего»). Но новоявленные фюреры нового германского государства на Рейне, зачарованные воинственной мелодией, попытались поднять ее на щит. Этому воспротивились американцы и приняли специальный закон № 154, запрещавший исполнение «Германской песни». Исполнять, однако, что-то надо. И оркестры играли кто во что горазд. В честь победителя скачек в Кельне в 1949 году, например, звучала песня «Мы — туземцы из Тризонии»...

В мае 1952 года канцлер ФРГ К. Аденауэр (ярый сторонник «Германской песни») обратился с письмом к федеральному президенту Т. Хейсу (ее ярому противнику), предложив сделать эту песню национальным гимном. Выходить с «этой инициативой» в парламент Аденауэр не решился, опасаясь оказаться в меньшинстве. Он решил действовать наверняка, зная, что Хейс не любитель «драматизировать ситуации». И попал в «десятку» — президент уступил. Опираясь на эту частную переписку (не на закон!), федеральное правительство предложило считать «Германскую песнь» гимном, но исполнять лишь ее третью строфу, замалчивая две первые, где объявляется, что «Германия превыше всего».

С тех пор, пишет еженедельник «Цайт» считается, что лишь третья строфа является национальным гимном. Но, с другой стороны, законодательно «Германская песнь» никогда не утверждалась в качестве... гимна.

А если официально гимна не существует, как его можно оскорбить, вопрошал в кельнском суде адвокат Рольфа С., обвиненного в том, что он опубликовал в своей газете «Германскую песнь-86», спародировав как раз первые две строфы. Но, видно, кому-то в боннских коридорах власти такие шутки не по нраву, особенно если спишь и видишь Германию в границах 1937 года, «Германию превыше всего». Поэтому и возник этот процесс. Надеялись наказать зубоскала, отбив охоту у других. Запутавшись в юридических параграфах, судьи приняли решение перенести процесс на сентябрь. В свое оправдание они заявили, что надо проконсультироваться с начальством.

В. ВАСИЛЬЕВ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В объективе — женщины Страны Советов

Две фотографии, которые стали историческими документами, мы достали из «Альбома «ЛГ». На одном снимке М. Каше запечатлена уличная сценка в Ташкенте в 1936 году. Идут две женщины. Одна из них, молодая узбечка, уже сняла паранджу. Молодое спорит со старым.

На втором кадре, Г. Зельмы, сделанном в Донбассе в 1945 году, — знаменитая трактористка Паша Ангелина обучает вождению молодого паренька.

Фотографии женщин — наших современниц взяты у фотокорреспондента «Известий» Александра Стешанова. Женская тема — главная в его творчестве.

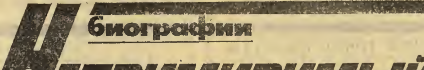
Сегодня он представляет:

Майю Бердыеву — учительницу средней школы № 8 города Красноводска Туркменской ССР;

Татьяну Анодину — руководителя Научно-экспериментального центра автоматизации управления воздушным движением, доктора технических наук, лауреата Государственной премии СССР, делегата XXVII съезда КПСС;

Лийви Марди — свинарку совхоза «Адавере» имени В. И. Ленина Йыгеваского района Эстонской ССР, депутата Верховного Совета СССР.

Алексей АДЖУБЕЙ



Биографии. Непримиримый

Теперь они далеко от нас, ныне живущих. Время размывает образы, уходят детали их бытия. С естественной для человека потребностью мы возвращаемся к именам и судьбам этих людей. Многие из них, включая

СЕМЬ десятилетий назад, за несколько месяцев до Октябрьской революции, ему исполнилось тридцать. Десять лет из них, всю юность, он провел в одиночной камере Бутырской тюрьмы. Его освободили ранним утром 1 марта 1917 года, и эта последняя ночь навсегда останется в его сознании.

Он будет помнить, как «взорвалась» тюремная тишина, глухая и мрачная,— такой не бывает нигде, как он услышал все нарастающий грохот сапог по гулким переходам тюремных этажей, крики толпы, бряцание ключей, отпиравших камеру, объятия незнакомых людей и слова, ударившие в сердце так, что у него перехватило дыхание: «Выходи, товарищ!», «Да здравствует революция!».

Он будет помнить, как в страшной спешке, как будто что-то могло перемениться и нельзя упускать секунд, свалит в протянутый кем-то солдатский мешок свои тюремные пожитки. Книги, словари, клеенчатую тетрадь, прошнурованную, скрепленную сургучным «орлом империи», «недозволенную к выносу», резную шкатулку, которую мастерил многие годы, уберегая себя от тоски, и выбежит из ворот на волю.

По старой привычке конспиратора он постарается быстро смешаться с толпой, на ходу расспрашивая то одного, то другого о ходе событий и решая, куда ему двигаться дальше. Он «прожил» в Москве десять лет, но не знал города совершенно, и ему пришлось добираться до Московского Совета рабочих депутатов довольно долго. Там он встретил латышей большевиков и, прежде чем определиться с ночлегом и вообще вольной жизнью, получил первое партийное задание. Его направили к текстильщикам, чтобы выявить настроения рабочих, их требования, рассказать о лозунгах большевиков. Тюрьма не отрезала его от жизни, и с

жением ума и воли начнет становиться образованным марксистом, эрудированным партийцем, твердым ленинцем.

Вслед за революционными событиями в столичных городах России 13 января 1905 года в Риге состоялась грандиозная манифестация. Рота унтер-офицерского батальона царских войск открыла огонь. Было убито 70 и ранено более 200 человек. Трудовая Рига ответила всеобщей забастовкой. Траурные шествия и митинги были знаком нарастания революционного гнева масс. В ту пору Ян Рудзутак становится товарищем Либихом. Первая партийная кличка свидетельствовала о вступлении на путь профессионального революционера. Он свой в рабочих коллективах. Но он «опасное лицо» для властей.

На него заведено полицейское досье, его ищут, за поимку назначено вознаграждение.

Этот хрестоматийный путь к революционному самосознанию, к определению себя, своего места в окружающей действительности отнюдь не сопрягался с некоей заданной аскетичностью характера, излишней суровостью. Ян был веселым и добрым парнем, и азарт юности только усиливал оптимизм его деятельной натуры. Он любил рижские бульвары, ему нравилось бродить в шумной толпе по улицам города, рассматривать витрины, а в театре, который он считал своим, слушать любимых актеров...

В 1906 ГОДУ Латышская социал-демократическая рабочая партия, определив свои идейные позиции, войдет составной частью в РСДРП и станет именоваться Социал-демократией Латышского края (СДЛК). Товарищ Либих—член Рижского комитета партии, член Центральной пропагандистской коллегии. Уже тогда его отличали предельная собранность, аргументированность в теоретиче-

Владимира Ильича и Яна Эрнестовича. В те годы происходили частые персональные перемещения, велика была нужда в кадрах.

В начале 20-х Рудзутак — секретарь ЦК РКП(б), в 1921—1924-м—председатель Среднеазбюро ВКП(б), вслед за этим — народный комиссар путей сообщения, затем — заместитель председателя Совета народных комиссаров, он ведает валютно-финансовыми вопросами. Член Политбюро ЦК партии. С 1931 года — председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР. На этой последней служебной должности, на посту, которому В. И. Ленин придавал исключительно важное и принципиальное значение — контроль, защита Советской власти от любых злоупотреблений и бюрократизации аппарата, раскрывался партийный, организационный да и человеческий опыт Рудзутака. Умолчания, престижные соображения, ссылки на чьи-то авторитеты — все это противоречит его глубинным, принципиальным взглядам, его собственной жизни, тому, что и как он воспринял в уроках Ленина. Все больше за Рудзутаком укреплялся авторитет непримиримого. Знал ли он, что это нравится далеко не всем и что находятся такие, кто выдает эту его непримиримость за амбицию? Наверное, да. Он был опытным человеком.

Эта ортодоксальная непримиримость к злу, чванству, стяжательству не означала, естественно, непонимания возможных ошибок, заблуждений, субъективных срывов. Он и сам не был лишен таких просчетов. Историк Альберт Павлович Ненарокса обнаружил недавно в Центральном партийном архиве непубликовавшийся документ об одном эпизоде в деятельности Я. Э. Рудзутака, когда тот был председателем Среднеазбюро.

В ту пору в Средней Азии революционные события разворачивались сложно, определялись множеством факторов — начи-

молодой мужчина. Строгая линия прически обрамляет крутой лоб. Хорошо повязанный галстук, модный пиджак, белоснежная рубаха. Я смотрю на таких же, как он, молодых людей у стенда и ловлю себя на мысли о том, что они очень похожи, несмотря на почти семь десятилетий возрастного «разрыва».

Все, что собрано в музейной витринке, передала сюда лет двадцать назад бывшая домашняя работница Яна Эрнестовича. Вещи эти сохранились чудом, если учесть, что были обстоятельства, при которых ничто не должно было сохраниться. И все-таки сохранилось. Как и сама память о соратнике Ленина.

Александр Арвидович Дризул, историк, вице-президент Латвийской академии наук, рассказал о том, что мальчиком много раз встречал Яна Эрнестовича в Латышском клубе в Москве.

Этот клуб был общественным и культурным центром латышского землячества. Маленький островок родного языка, родных песен для тех, кто покинул буржуазную Латвию. В клубе работал самодеятельный театр, проходили литературные чтения, устраивались выставки. Можно было пообедать, выпить чаю, отметить памятное событие

Посещали клуб не только латыши, и он считался в Москве скорее интернациональным. Ян Эрнестович, к этому времени известный партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК партии, любил бывать здесь. Семейная жизнь Яна Эрнестовича не сложилась, и клуб этот был его домом. Чинопочитание тогда не было ни в моде, ни в обиходе. Рудзутак любил непринужденный стиль клубной жизни. Часто он заряжал пленкой маленький журчащий кинопроектор и «крутил» свои фильмы. В то время самодеятельная киносъемка была редкостью, своеобразным дивом, и в зале собиралось много народу. Фильмы Яна Эрнестовича не раз

По старой привычке конспиратора он постарается быстро смешаться с толпой, на ходу расспрашивая то одного, то другого о ходе событий и решая, куда ему двигаться дальше. Он «прожил» в Москве десять лет, но не зная города совершенно, и ему пришлось добираться до Московского Совета рабочих депутатов довольно долго. Там он встретил латышей большевиков и, прежде чем определиться с ночлегом и вообще вольной жизнью, получил первое партийное задание. Его направили к текстильщикам, чтобы выявить настроения рабочих, их требования, рассказать о лозунгах большевиков. Тюрьма не отрезала его от жизни, и с каждым днем он все увереннее чувствовал себя в рабочей среде.

Он радовался тому, что был все еще молод, и даже когда лето сменилось дождями и распутицей, ему ничего не стоило отшагать 10—15 верст от одной текстильной фабрики к другой, урвать на сон несколько коротких часов и вновь чувствовать себя бодрым. Чахотка, которой его все-таки одарила «Бутырка», скажется через несколько лет.

Все эти несколько месяцев — от марта к октябрю — он жил так, словно наверстывал упущенное, отдавал долг. Он не говорил себе этого, не вел «личного» счета, хотя, конечно, мог гордиться тем, что кое-что сделал для победы пролетарской революции. В нарастающих схватках с буржуазией текстильщики занимали боевые позиции — в стачках, забастовках принимали участие сотни тысяч ткачей. Так после десятилетнего перерыва продолжит революционную деятельность латышский большевик. Ян Рудзутак, он же товарищ Либих и товарищ Пумпур. Эти первые партийные клички — как вехи его пути в революционном движении.

ЯН РОДИЛСЯ 15 августа 1887 года в маленьком хуторе близ Риги. Однажды отец сказал мальчику: «Тебе пора»,— и отдал его внаем деревенскому кулаку. Только две зимы Ян посещал приходскую школу. Однако научился читать и писать. И в нем вырабатывался характер: детское упрямство становилось решительностью, дерзость, которой отец объяснил его непослушание, — утверждением достоинства. В пятнадцать лет Ян работал в хозяйстве «серого барона», еще более жестокого, чем деревенский кулак. После очередной схватки с бароном он бежит в Ригу и решает пробиваться в жизни сам. Без всяких средств к существованию, без друзей и знакомых, без удостоверения личности. Много месяцев он практически нищенствовал. Он пристраивался к сезонным рабочим, мостившим улицы, спал в ночлежках, а то и на бульварах.

Ян служит помощником садовника, одно время — в Рижском театре оперы, и, хоть был всего-навсего рабочим, мир искусства, сцена, актеры разбудят художнические черты его натуры. Юноша жадно тянется ко всему, что может дать город. Как будет сказано в авторизованной Рудзутаком биографии, он «набросился на весьма скромную по цензурным соображениям прогрессивную литературу того времени». Читал газеты и журналы, где печатались П. Стучка, Я. Райнис, посещал лекции, собрания. В 1904 году Ян — рабочий-закальщик на инструментальном заводе акционерного общества «Отто Эрбе»; здесь он примыкает к социал-демократическому движению, становится большевиком. Ночами он будет штудировать ленинские работы «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и находить в них ответы на самые жгучие вопросы, встававшие перед рабочим движением.

Много позже он говорил среди молодежи: «Я испытывал страх перед каждой непонятной мыслью и восторг, когда мог передать ее смысл своим товарищам».

Рабочий-металлист, которому удалось только два года посещать школу, напря-

...ливал оптимизм его деятельной натуры. Он любил рижские бульвары, ему нравилось бродить в шумной толпе по улицам города, рассматривать витрины, а в театре, который он считал своим, слушать любимых актеров...

В 1906 ГОДУ Латышская социал-демократическая рабочая партия, определив свои идейные позиции, войдет составной частью в РСДРП и станет именоваться Социал-демократией Латышского края (СДЛК). Товарищ Либих—член Рижского комитета партии, член Центральной пропагандистской коллегии. Уже тогда его отличали предельная собранность, аргументированность в теоретическом и практическом планах, личная смелость. То, что в детстве казалось упрямством, стало настойчивостью и волей. Однажды во время занятий участникам нелегального кружка показалось, что в дом нагрянула полиция, и все поспешно выпрыгнули в окна. Остался на месте лишь Рудзутак. Тревога была ложной, Ян мгновенно оценил ситуацию и не запаниковал.

В партии ценили сочетание высокого интеллекта с отвагой истинного большевика, свойственное Яну Рудзутаку. В самом начале 1907 года он командируется в Виндаву (ныне Вентспилс) для восстановления разгромленной охранкой социал-демократической организации. В городе появляется красивый рыжеволосый юноша. Он учится в Рижском мореходном училище. Мало кто знает, что под видом беспечного и общительного парня действует товарищ Пумпур.

Провокаторы Целау и Брауче выдают явочную квартиру партии. Улики тяжки: запрещенная литература, документы, оружие. Это был провал. Пумпур не успевает скрыться, и его застают с поличным. Охранке становится известно, что руководил виндавским подпольем товарищ Пумпур, он же товарищ Либих, он же Ян Рудзутак.

Арестовали Рудзутака два известных своими зверствами палача — начальник уездной виндавской полиции барон Ропп и его помощник Адольфи. Пуля в затылок во время «бегства» арестованного — так они расправлялись с бунтовщиками революционерами.

Ян избежал дикой расправы, в сущности, случайно. Командир взвода, солдат, вызванный бароном на подмогу, отказался исполнить приказ о расстреле арестованного без суда. Почти год длилось следствие. Суд определил меру наказания по 100-й и 101-й «смертным статьям» уголовного Уложения царской империи за попытку вооруженного ниспровержения существующего правопорядка. Несовершеннолетие (ему не исполнилось 21 года) спасло Рудзутака. Он был осужден на 15 лет каторги, которая впоследствии была заменена 10 годами строгого тюремного заключения. Ян Рудзутак оказался в одиночной камере Бутырской тюрьмы.

Десять лет жестокого одиночества. Такое надламывало и более опытных людей. Можно разучиться разговаривать, потерять счет времени, ориентацию и оценку событий, впасть в отчаяние. Преодоление могло основываться только на твердости убеждений. Годы испытаний закалили волю Рудзутака, сделали его непримиримым к любому отступничеству.

В тюрьме его выручали книги и дробный стук соседей по камерам — единственное свидетельство шумов и звуков жизни. Он овладел в «Бутырках» тремя иностранными языками — немецким, английским, французским, будто предчувствовал, что они могут ему пригодиться. Так и случилось.

В 1922 ГОДУ Рудзутака, члена ЦК партии и генерального секретаря ВЦСПС, включают в состав советской делегации на Генуэзской конференции. Там он поражал собеседников способностью вести переговоры на любом из предложенных языков. Вряд ли господа

Время размывает образы, уходят детали их бытия. С естественной для человека потребностью мы возвращаемся к именам и судьбам этих людей. Многие из них, включая Яна Рудзутака, стояли близко к Владимиру Ильичу Ленину. В их жизнях — основа наша.

знали, что он изучал их в каменном мешке Бутырской тюрьмы.

В те дни, когда в Риге я отыскивал людей, знавших Яна Эрнестовича, в одном из клубов шел фильм «Чичерин» — о народном комиссаре иностранных дел Советской республики. Известно, какой крупной фигурой был Чичерин, как много он сделал для укрепления международного положения и авторитета нашей страны, в том числе и в Генуе. Фильм передавал яркий, крупный характер этого человека. Но что-то смущало в картине. Дело в том, что именно в Генуе между Чичериным и Рудзутаком развивались серьезные разногласия. Они касались деятельности иностранных предприятий в России под эгидой их прежних владельцев. На этой позиции очень настаивал Ллойд Джордж. Видимо, Чичерин дал повод надеяться на подобное развитие событий в случае некоторых уступок и со стороны Запада. Однако среди действующих лиц фильма Яна Эрнестовича не было.

В спор между Чичериным и Рудзутаком вмешался В. И. Ленин. Ситуация складывалась острая, принципиальная.

В Москве по вызову М. И. Калинина именно Рудзутак докладывал о ходе Генуэзской конференции. Когда на заседании III сессии ВЦИК IX созыва он появился на трибуне, кто-то бросил реплику: «А где же фрак?» «Фрак заложен в погашение царских долгов», — ответил Ян Эрнестович. За этой шуткой стоял немалый драматизм событий в Генуе. К сожалению, по фильму этого не скажешь. Так картина потеряла острую линию сюжета, и многие сложнейшие события той поры представляются в виде удобных переводных картинок, где все заранее подогнано: стоит только чуть размочить бумажку — и клише готово.

История нашей партии и государства — это борение страстей, атаки и контратаки, победы и поражения, людские судьбы и судьбы поколений, это жизнь народа, свершившего исторический подвиг,— утверждение социализма. Кое-кто сегодня сетует на чрезмерное увлечение историей. Да надо только радоваться такой тяге, такому желанию самопознания, самоанализа, тяге к неумирающим фактам борьбы, ибо справедливо замечено, что страна желает жить достойной исторической жизнью.

Деятельность Яна Эрнестовича Рудзутака — прекрасный пример того вклада, который вносит личность в многогранный процесс созидания времени, как сама она несет в себе все его краски, все его отблески — в ней минуты звездного подъема, а случается, и тягчайшие мгновения человеческой трагедии...

Фото из журнала «Прожектор» (1926 год)

В ПОРУ, когда страна разворачивала мирное социалистическое строительство, Яну Рудзутаку было только сорок лет. Он многое успел. В страшный, отчаянный 19-й год, будучи Главводом, торопил с Волги баржи с хлебом для умиравших от голода Питера и Москвы. В конце 20-го он стоял рядом с Лениным в сложнейшей профсоюзной дискуссии, которую навязывал партии Троцкий. Именно его, Рудзутака, тезисы, отмеченные Владимиром Ильичом, легли в основу резолюции X съезда партии по профсоюзному вопросу. В речи на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б) 30 декабря 1920 года Ленин отмечал: «Последнее, что я хотел вам сказать и за что я вчера должен был себя обругать дураком, это то, что я проглядел тезисы т. Рудзутака. Рудзутак имеет тот недостаток, что не умеет говорить громко, внушительно, красиво. Не заметишь, пропустишь мимо...

Вот это — платформа, она во сто раз лучше и того, что написал т. Троцкий, много раз обдумав, и того, что написал т. Бухарин (резолюцию пленума 7 декабря), совершенно не обдумав. Нам всем, цекистам, не работавшим многие годы в профдвижении, надо бы поучиться у т. Рудзутака...»

Напомню: в ходе профсоюзной дискуссии разоблачались троцкистские требования «завинчивания гаек военного коммунизма», «перетряхивания профсоюзов», и сторонники Троцкого договаривались до утверждения, что демократия по сути своей реакционна. Рудзутак был бойцом, а что не очень «громким», так ведь и Владимир Ильич, как известно, не слишком ценил иные ораторские приемы.

Владимир Ильич высоко ставил деловые качества Рудзутака, он был, безусловно, близким Ленину человеком, как мы говорим сейчас, из ленинской гвардии, из первых. Однако не было бы ничего более далекого от правды, чем представление о некоей безоблачной атмосфере, в которой приходилось жить и работать большевику-ленинцу. Профсоюзные деятели, поддерживавшие Троцкого, многого не простили Рудзутаку. В ответ на один злобный навет о том, что «Рудзутак изношен и работать не может», Ленин отвечал: «Рудзутак? Чем он не работник? «Физически изношен?». Найдите-ка у нас не изношенных»...

Ленин знал, чего стоили Рудзутаку десять лет в «Бутырке», и под разными предлогами старался вытащить его на природу, отдохнуть. Ленин и Рудзутак не раз охотились вместе.

Но немного было таких часов отдыха у...

кие, кто выдает эту его непримиримость за амбицию? Наверное, да. Он был опытным человеком.

Эта ортодоксальная непримиримость к злу, чванству, стяжательству не означала, естественно, непонимания возможных ошибок, заблуждений, субъективных срывов. Он и сам не был лишен таких просчетов. Историк Альберт Павлович Ненароков обнаружил недавно в Центральном партийном архиве непубликовавшийся документ об одном эпизоде в деятельности Я. Э. Рудзутака, когда тот был председателем Среднеазбюро.

В ту пору в Средней Азии революционные события разворачивались сложно, определялись множеством факторов — национальных, религиозных, традиционных. Рудзутак помогал местным товарищам налаживать партийную, хозяйственную, просветительскую работу, выступал на митингах. В иных его речах были выражения, продиктованные больше сердцем, чем рассудком.

В мае 1921 года М. И. Калинин направляет Рудзутаку письмо по поводу его выступления, которое в «сопредельных странах» может расцениваться как призыв к развертыванию революционных процессов». М. И. Калинин указывает, что развитие революции в той или иной стране — внутреннее дело народа каждой страны, и подчеркивает в связи с этим:

«Ваши выступления как представителя Советской власти не могут не рассматриваться как исходящие от Советского правительства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если какое-либо Ваше заявление противоречит международным договорам, заключенным Советским правительством, оно ставит тем самым Советское правительство в положение нарушителя. Если какие-либо Ваши заявления идут вразрез с направлением международной политики Советского правительства, они означают, что само Советское правительство нарушает те начала международной политики, которых оно решило держаться. Такие заявления с Вашей стороны могут иметь тяжелые последствия для Советского правительства» (на бланке Председателя ВЦИК, подпись: М. Калинин).

Нешуточное дело — получить такое замечание члену Президиума ВЦИК от его председателя. Это письмо — важный пример того, как мы учились культуре международных отношений, как уже в ходе революционного развития в первый послеоктябрьский период вырабатывалось новое политическое мышление, соответствующее реальностям общественно-политических процессов. Документ, предназначавшийся для сугубо внутреннего пользования, подтверждал твердый курс на мирное сосуществование государств с различным политическим устройством и невмешательство в дела друг друга. За этим письмом — и принципы взаимоотношений внутри руководящего ядра партии и государства, ленинский стиль объективного, товарищеского взаимодействия, без амбиций, чинопочитания, без той непогрешимости одного лица, которое очень скоро обернется его культом.

В ЦЕНТРЕ Риги, там, где узкие улочки, петляя, выходят на небольшую площадь, стоит Пороховая башня. На красной кирпичной кладке ее могучего круга — следы боевых отметин. За многие десятилетия защитники города не раз держали здесь оборону. Теперь в башне — Музей Революции. Один из стендов посвящен памяти Яна Эрнестовича. Не так уж много собрано экспонатов. Резная шкатулка из «Бутырок», обрамленная фигурками совушек, с изысканным вензелем на крышке. Карманный словарик английского языка. Замшевый жилет... Подсвеченные мягким светом музейного успокоения, вещи эти не кажутся отъединенными от своего хозяина.

С фотографии смотрит на посетителей

...было побеседовать, выпить чаю, отметить памятное событие

Посещали клуб не только латыши, и он считался в Москве скорее интернациональным. Ян Эрнестович, к этому времени известный партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК партии, любил бывать здесь. Семейная жизнь Яна Эрнестовича не сложилась, и клуб этот был его домом. Чинопочитание тогда не было ни в моде, ни в обиходе. Рудзутак любил непринужденный стиль клубной жизни. Часто он заряжал пленкой маленький журчащий кинопроектор и «крутил» свои фильмы. В то время самодеятельная киносъемка была редкостью, своеобразным дивом, и в зале собиралось много народу. Фильмы Яна Эрнестовича не раз смотрел Сергей Эйзенштейн и говаривал своему другу, что, если бы тот не стал государственным деятелем, вполне мог совладать с режиссерской профессией.

Здесь же устраивались и фотографические выставки работ Яна Эрнестовича. Цветные фотографии развешивались по стенам и тоже вызывали бурные обсуждения. Больше всего Рудзутак любил снимать природу. Он отыскивал в Подмосковье неброские пейзажи, похожие на те, что виделись ему в милой Латвии, и это чувство единства природы здесь, в центре России, и у близких ему балтийских берегов рождало уверенность, что «границы рухнут»... Это случилось, когда Яна Эрнестовича Рудзутака уже не было в живых.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО строк одного воспоминания. Оно принадлежит писателю Льву Кассилю. Летом 1919 года Кассиль видел, как отправлял по Волге караваны с хлебом знаменитый большевик Ян Рудзутак. Он встретится с ним вновь через много лет в Москве, на детском празднике.

«Будучи в тот день среди артековцев, в Кремле, я видел, с каким уважительным восхищением глядели на Рудзутака пионеры. Вспомнил, как когда-то мы, волжские мальчишки, с таким же вот затаенным обожанием взирали на ленинского главвода... Кто бы мог подумать тогда, что этот замечательный большевик, человек, отдавший себя целиком революции, станет жертвой злобной клеветы и последующей за ней беззаконной расправы!..

Настал год 1937. Среди тяжких вестей того времени, рождавших горькое недоумение и вселявших ужас в сердца людей, одной из самых ошеломляющих и невероятных была весть об аресте Рудзутака.

Ян Эрнестович любил искусство и в один из майских вечеров вел в своем кабинете, как не раз бывало, дружескую беседу с художниками В. Н. Мешковым, А. М. Герасимовым, П. М. Шухминым. В тот роковой час за ним приехали...

Художники наблюдали потом из окна, как он вышел из подъезда к машине, сел в нее. Машина ушла. И больше уже Ян Эрнестович не возвращался.

Светлая память о нем, ничем не запятнанная, озаренная победившей истиной, осталась жить в миллионах сердец...»

* * *

Если читатель захочет познакомиться полностью с заметками Льва Кассиля о Рудзутаке, равно как и с другими воспоминаниями других писателей о ленинских соратниках, нужно отыскать сборник под названием «Партия шагает в революцию». Но только непременно выпуска 1964 года, потому что в книге года 1969-го строк, приведенных выше, просто нет. В воображении читателя оставляют образ веселого, доброжелательного человека, радующегося встрече с детьми. Как заметили составители этого издания, оно было выпущено с некоторыми сокращениями...

Многое в нашей жизни подпадало под эти «сокращения». И человеческие судьбы, и целые пласты дальней и ближней истории, цифры, дело, реальность бытия.

Иным людям казалось, что можно росчерком пера над всеми — мертвыми и живыми — повесить полог синего безоблачного неба.

МОСКВА — РИГА

ПРОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛГ», НАМЕЧЕННАЯ ЧИТАТЕЛЯМИ

КАЖДОЙ СЕМЬЕ — ОТДЕЛЬНУЮ КВАРТИРУ

В сентябре прошлого года «Литературная газета» обратилась к заместителю начальника отдела жилищного и коммунального хозяйства Госплана СССР Д. Ходжаеву с рядом вопросов, ответы на которые должны были раскрыть суть важнейшей социальной задачи, поставленной партией: обеспечить к 2000 году практически каждую советскую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом. Беседа «Каждой семье — отдельную квартиру» была опубликована в № 39 «ЛГ» за 1986 год. На нее откликнулись сотни читателей. Множество дополнительных вопросов, возникших у них, было обобщено и опубликовано в «ЛГ» 14 января 1987 года. Разговор продолжили работники Стройбанка СССР С. Корнеев и В. Логинов («Отдельная квартира. Расчеты и просчеты». «ЛГ», 1 апреля 1987 г.), внесшие предложение планировать ввод жилья не в квадратных метрах общей площади, а по квартирам. В очерке «Неистребимая сила связей» («ЛГ» от 24 июня 1987 г.) обозреватель газеты Л. Великанова на конкретном примере рассмотрела проблему трудностей и хитросплетений ведомственного распределения жилой площади.

Сегодня мы вновь возвращаемся к намеченной партией жилищной программе, выполнять которую, как сказано на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, предстоит «всем миром».

БАНК ЖИЛЬЯ. КАК ИМ РАСПОРЯДИТЬСЯ?

Михаил МУРАВЬЕВ

ПОЖИЛОЙ человек рассказывает историю довольно обыденную. Я объясняю: требования снохи законны и возражать против них бесполезно. Он волнуется. «Как же так, ордер дан мне как заслуженному рационализатору и изобретателю! Могу показать решение...»

Я покрутил головой. «Выходит, она разделит квартиру, а потом обменяет свою комнату или вселит нового мужа, а мы со старухой — снова в коммуналке? В древней Спарте стариков за ненадобностью сбрасывали со скалы. Может, с нами так же? Но Спарта не создала духовных ценностей!» — он погрозил кому-то пальцем. Впечатление, что будет спорить дальше. Но он машет рукой и идет к выходу.

Равенство прав членов семьи на комнату или квартиру вроде бы давно всем известно, но редкий день в консультации не звучит недоуменный вопрос: «Как же так? Столько лет ждали, и вот — отдавай». И, посмотрев вслед ссутулившемуся человеку, я подумал: «А так ли уж справедливо в данном случае равенство?» Юристу не пристало критиковать и подвергать сомнению закон, но наше общество динамично, и иная правовая норма со временем становится помехой, источником несправедливости.

Скажем, глава семьи годами выполнял постылую работу, боясь потерять очередь на квартиру. А когда наконец стал обладателем достойного жилища, вдруг выясняется, что все жертвы и усилия, вложенные в его получение, никаких прав владельцу не прибавляют.

Принижение ответственного съемщика, помимо нравственных издержек, создает подчас благодатную почву для брачных аферистов. В отличие от дореволюцион-

или неприязни. Жалобу на отказ в постановке на очередь, снятие с очереди, изменение очередности на получение жилья ныне рассматривают все — газеты, журналы, различные комитеты, депутаты и проч., хотя никто из них не обладает четкой и реальной властью — восстановить нарушенное право. Самое большое, что они могут, — препроводить жалобу и настоятельно рекомендовать. Подобные жалобы должен рассматривать независимый и авторитетный орган, располагающий принудительной властью, — суд. На основе закона при четко регламентированной процедуре он должен бы разобрать жалобу женщины, которая собралась обращаться в журнал «Человек и закон». Но, увы, советую ей сходить на прием еще к кому-то...

ВО ВСЕМ мире квартиры снимают, нанимают, наконец, покупают, и только у нас — дают. Дают ордер. О договоре жилищного найма подробно толкуют лишь в юридических учебных

гельница слегка наклоняется и негромко сообщает: «Сын студент, трехкомнатная квартира, прописано трое...» Поймав мой вопросительный взгляд, продолжает: «А у бабушки — однокомнатная, хотели прописать к ней Вадика — отказали...»

Родственные обмены, прописка к дряхлым родственникам, фиктивные браки ради жилья — и начинаешь понимать, что дефицит квартир в крупных городах, особенно в Москве, в какой-то мере поддерживается искусственно. Те, кому по долгу службы приходится часто сталкиваться с проблемами, связанными не столько с распределением, сколько с перераспределением жилой площади, намечают сейчас разнообразные пути их решения. На мой взгляд, наиболее плодотворен тот из них, который ведет к совершенствованию системы платы за квартиры.

Вероятно, должен быть установлен какой-то эталон жилья, который общество может сегодня гарантировать каждому. От него — вверх и вниз — надо применять коэффициенты комфортности. Каждая квартира должна иметь что-то вроде технического паспорта, а в нем не только количество метров или комнат, но и ориентированность относительно сторон света, уровень шумов, состояние атмосферы.

Такие паспорта, помимо всего прочего, избавили бы суды, а главное — людей от затяжных споров по поводу обмена квартир. Как-то я представлял интересы одной семьи в такой тяжбе. Кто-то объединялся, кто-то разъезжался, третьи просто меняли район — короче, был совершен четверной обмен. Когда бюрократические барьеры, физические трудности, материальные тяготы остались позади, пожилая пара заявила в суде иск, требуя вернуть всех и все на прежние места.

Формально претензии основывались на обнаружившихся после переезда недостатках, в частности шуме от лифта. Но суду были представлены противоречивые данные. Новые комиссии, заключения санитарных врачей более высокого ранга — а суд и сегодня так же далек от разрешения спора, как полтора года назад.

Разумеется, раз мы живые люди, будут разочарования и капризы, но, думаю, изнурительной тяжбы, бессмысленной траты времени могло бы не быть, если бы процедура смены жилья была принципиально иной. Строго юридически сегодняшний порядок обмена квартир неправомерен.

ДИАЛОГ с продолжением

О том, как горисполком менял комнату площадью 12 квадратных метров на равноценную.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ обширную многолетнюю переписку отдела социально-бытовых проблем «ЛГ» с исполкомом подмосковного города Калининграда по поводу обмена маленькой комнаты на другую, такую же, я все время старался уловить в ответах представителей власти хоть малейшую попытку объективно разобраться в происходящем, помочь. И не находил ничего, кроме двух-трех стереотипных фраз, обильно пересыпанных привычными «нет» и «не имеем возможности». Чем пространнее и аргументированнее были обращения, тем короче и суше ответы, словно главную свою задачу должностные лица видели в том, чтобы поменьше загружать исполкомовскую машинистку.

Так с какой же неразрешимой проблемой встретились в этом подмосковном городе?

В 1979 г. С. Волгину, тогда работнику машиностроительного завода, предоставили комнату площадью 12,1 квадратного метра. Не бог весть какие хоромы, тем более что находились они в четырехкомнатной коммунальной квартире, но он радовался вовсю. Еще бы, собственное жилье!

Сергей воспитывался в детском доме, родных у него нет. Так что сразу после детдома — производство, потом — служба на флоте. И вновь завод. Одно общежитие сменялось другим.

И вот — комната!

Радость его продолжалась, однако, всего несколько месяцев. Ровно до тех пор, пока в квартиру не вселились новые соседи.

Не буду перечислять всех издевательств, которым подвергался С. Волгин со стороны этих людей; не хочу унижать его достоинство еще раз. Приведу только слова проживавшего некоторое время в этой квартире А. А. Фролова: «Дома нельзя было ни нормально отдохнуть, ни поработать. Хотя мне, конечно, приходилось гораздо легче, чем Сергею: физически я намного сильнее его, серьезно занимался самбо, и мне проще постоять за себя...»

Не удивительно, что с 1980 года С. Волгин практически не живет в своей комнате — скитается по друзьям, знакомым, были случаи, когда ночевал и на московских вокзалах, лишь бы не возвращаться в так называемый дом.

В свое время в этот конфликт вмешивались и милиция, и администрация предприятия. Состоялся даже товарищеский суд над распоясавшимися соседями. Однако дело так и не было доведено до конца. Возможно, потому, что С. Волгин вскоре поступил на вечернее отделение Московского государственного института культуры и перешел работать в музей А. С. Пушкина, а значит, для завода он стал чужаком. Свою роль, видимо, сыграло и то, что соседи его были не совсем здоровыми людьми и никто не хотел принимать против них решительных мер.

Отчаявшись образумить своих мучителей, Сергей в конце концов обратился туда, где каждый советский человек надеется и должен получить помощь, независимо от того, на каком предприятии он работает, — к местным властям. И начался долгий диалог. Волгин объясняет, что речь идет не просто о квартирной ссоре, а о целенаправленной, спланированной травле одного человека другими. А ему рекомендуют «научиться жить с соседями», да и вообще обращаться по подобным вопросам в другие организации.

Он говорит, что ему нужна комната той же площади, но в другой квартире, а горисполком шлет рассуждения о семьях очередников, подолгу ожидающих квартиры.

Примерно тот же путь проделали письма из редакции «ЛГ» — «помогите человеку», исполком — «пусть решает свой вопрос путем добровольного обмена...» «ЛГ» — «какой же нормальный человек добровольно переселится к таким соседям?» Исполком — «очередь на квартиры велика».

Трудно предположить, сколько бы еще продолжалась эта игра в «испорченный телефон», если бы «Литгазета» не обратилась в Мособлисполком: помогите наконец работникам Калининградского горисполкома понять, что в одну коммунальную квартиру нельзя было поселять здорового человека и семью психически неуравновешенных глухонемых. После приказа «сверху» дело Волгина сдвинулось наконец с мертвой точки. В начале года ему выдали два смотровых ордера. Увы, обе предложенные комнаты оказались меньше той, в которой С. Н. Волгин прописан сейчас. Возможно, для больших квартир разница в два-три метра почти не заметна, для того, кто живет в двенадцатиметровой комнате, это катастрофа. Невольно возникает мысль: уж не являются ли эти «предложения» попыткой досадить напоследок дотошному просителю?

Что касается самого Волгина, то он уверен, что такие смотровые ордера выданы ему только с одной целью — сделать из него кляузника и скандалиста, который отказывается от всего, что бы ему ни предлагали. Думается, доля истины в этих предположениях есть. И немелая.

Недавно я побывал в Калининградском горисполкоме, выяснил, что там многое изменилось. Сдала свои дела долгие годы заведовавшая отделом учета и распределения жилой площади Т. Н. Сарикова. Ушел на хозяйственную работу зампред исполкома по жилью М. И. Цыбулич, обычно ставивший свои подписи под отказами. Заменивший его Сергей Глебович Барбаш энергичен, эрудирован, хорошо знаком с порученным ему делом. Кстати, это именно при нем С. Н. Волгину вручили первые смотровые ордера. И все же во время нашего разговора он сказал настораживающие меня слова: «Вы интересуетесь не самой важной проблемой. И, честно говоря, я не понимаю, в чем мы виноваты перед Волгиным...»

Боюсь, ты мой неужели и сегодня еще надо объяснять, что «планов громадье» не должно заслонять от нас каждого человека в отдельности, его интересы. Сергей Глебович, уважаемый, отложите наконец все ваши важные дела и переночуйте одну ночь на вокзале, на полу у знакомых. С. Н. Волгин живет так уже шесть лет. И еще. В подчиненном вам отделе учета и распределения жилплощади бытует мнение: если мы удовлетворим просьбу Волгина, то к нам с такими же требованиями пойдут тысячи людей, не ладящих с соседями. Неужели работники исполкома горсовета видят свою главную задачу в том, чтобы отбить у людей охоту встречаться с ними? Грустно, если так. И не в духе времени, когда решается задача обеспечения нормальным жильем каждого.

И. ЖАГЕЛЬ

О КОММУНАЛКАХ, ЖСК И ДР.

На вопросы, поставленные в обзоре писем «Каждой семье — отдельную квартиру» («ЛГ»,

— Какие изменения планируется внести в ближайшее время в систему контроля над распределением квартир, чтобы перекрыть каналы разбазаривания жилья?

— В 1986 году в Мосгорисполкоме был введен новый принцип планирования и распределения жилья. Для каждой организации планируется не только количество жилой площади, но и число очередников конкретных лет постановки на учет, для которых эта площадь выделяется.

ним в одной квартире (сын, например), в случае смерти отца обязан выплатить государству солидную сумму за право жить в этой же квартире. Почему?

— Этот вопрос решен. В соответствии с инструкцией Министерства финансов СССР (№ 217) наследник, проживающий совместно (на одной жилплощади) с умершим членом кооператива, при оформлении наследства освобождается от уплаты госпошлины

БАНК ЖИЛЬЯ. КАК ИМ РАСПОРЯДИТЬСЯ?

Заметки адвоката

ми выполнял постылую работу, боясь потерять очередь на квартиру. А когда наконец стал обладателем достойного жилища, вдруг выясняется, что все жертвы и усилия, вложенные в его получение, никаких прав владельцу ие прибавляют.

Принижение ответственного съемщика, помимо нравственных издержек, создает подчас благодатную почву для брачных аферистов. В отличие от дореволюционных, гонявшихся за приданым, нынешние стремятся заполучить прописку, жилую площадь.

Недавно я представлял интересы женщины в суде. История обычная. Она вышла замуж за человека, с которым познакомилась в санатории. Прописала его в квартире, расположенной в одном из лучших районов Москвы... Не стоит описывать горестное изумление, возникшее вскоре после торжественного фотографирования в загсе. Ей пришлось обратиться в суд. Но там отказались признать брак недействительным, сославшись на то, что некоторое время супруги вели общее хозяйство, делали совместные покупки. Просто расторгли брак. И теперь моя доверительницв предстает в суде как ответчица. Бывший супруг-гастролер предъявил иск о принудительном размене квартиры. Надо полагать, добьется своего. Формальных препятствий к тому нет.

Между прочим, амбиции кукушки — какого бы пола она ни была, — пытающейся вытеснить из гнезда коренных обитателей, можно предотвратить, если при поселении оговорить соответствующие условия. Например, «без права раздела...», «на срок...». Жилищный кодекс предусматривает такое право. Но если даже преодолеть неловкость, возникающую, когда «святые узы» обуславливаются деловой оговоркой, заполучить такой контракт практически невозможно. Не удивляйтесь, у нас порой случается: закон декларирован, а так называемого подзаконного акта — кто, каким образом должен его применять — нет. А без этого правовая норма — то же, что автомобиль без колес. И пока не издано соответствующее разъяснение, ни нотариус, ни жилищные конторы не станут заверять соглашение об условиях вселения нового члена семьи.

О гарантиях претворения в жизнь декларированного права вновь подумал, когда очередная посетительница стала перечислять, куда обращалась, у кого была на приеме — все без толку. А потом осведомилась, не помогу ли я составить письмо в журнал «Человек и закон». Хлесткое. Ее очередь на получение жилья отодвинули, грозят вовсе исключить из списков, а она...

Мы не пишем в редакции от имени клиентов. Согласно соответствующей статье Конституции СССР, подобную жалобу надо бы рассматривать в суде, но жилищные и гражданско-процессуальные кодексы такого порядка пока не предусматривают. Это на руку тем, кто не желает и не готов решать социальные проблемы демократическим путем, кто не привык руководствоваться правом. Поэтому, когда распределяют жилье, то и дело поступаются интересами рядового труженика. Правда, потом, когда нахалу или счастливчику выдадут ордер, его можно оспаривать в суде. Но это процесс неизмеримо более трудный.

Пора отказаться от практики, когда осуществление законного права зависит либо от бойцовских способностей самого ищущего, либо от чьей-то доброжелательности

заведениях. Практика, Жилищный кодекс на первое место ставят ордер. Предприятие, жилищно-строительный кооператив, построившие дома на свои средства, не вправе вселить в него кого бы то ни было, пока местный Совет не выдаст ордер. В нем — количество квадратных метров и адрес. Что-то вроде билета в купейный вагон. Но эта маленькая бумажка стала фетишем. Ею поощряют, наказывают, она подчас — предмет торга и судебного делв.

Недавно Московский городской суд рассмотрел спор о выселении А. Он приехал из другой области в Подмосковье работать врачом в сельской местности. Получил комнвту, в течение трех лет исправно платил за нее. Но диплом врача не спас его самого от тяжелого заболевания и инвалидности. Тогда Одинцовское горжилуправление предъявило иск о выселении, ссылаясь нв то, что в свое время А. не получил ордер. Дело слушал народный суд, дважды — Московский областной. Наконец судебная коллегия по гражданским делам Мосгорсуда повторилв предыдущие решения и в иске отказала. А. оставили в покое не столько по велению закона, сколько по соображениям гуманности. Но суд мог ее и не проявить, вот в чем беда.

Место около моего стола занимает мужчина. В ближайшее время ему должны улучшить жилищные условия, но он хотел бы еще получить площадь на собаку. «Я — член клуба. Пес имеет медали исключительная родословная...»

Вероятно, в моих ответах прозвучали нотки раздражения, лицо посетителя окаменело, и он холодно попросил показать закон, который запрещал бы иметь для собаки комнату. Услышав, что запрета нет, дальнейших слов не слушал и недобро заметил: «У нас запрещено все. А почему, извините, нельзя, если я готов платить за излишки?»

«Собачника» сменила женщина, у которой — сразу видно — горе. Плечи опущены, во всем облике — безнадежная усталость. Бывший муж не дебоширит, не тащит из дома. Был когда-то инженером. Она вздыхает, машет рукой. Теперь — рабочий магазина. Засыпает на диване одетый, запах алкоголя заполняет весь дом. Созерцание такого отца, конечно, не обогащает душу одиннадцатилетнего сына. Лечился, не помогло...

Делить квартиру нельзя: комнаты смежные. Советую попробовать принудительный размен. Такие делв суд рассматривает. Сложно, хлопотно, но в принципе можно разъехаться. Нет, подобный вариант она уже обсуждала: «Кто поедет на первый этаж?..»

А затем против меня усаживается женщина иного вида. Шапка и воротник из дорогого меха, в нем тонет второй подбородок, на губах полуулыбка. Посети-

данные. Новые комиссии, заключения санитарных врачей более высокого ранга — а суд и сегодня так же далек от разрешения спора, как полтора года нвзад.

Разумеется, раз мы живые люди, будут разочарования и капризы, но, думаю, изнурительной тяжбы, бессмысленной траты времени могло бы не быть, если бы процедура смены жилья была принципиально иной. Строго юридически сегодняшний порядок обмена квартир неправомерен. Люди меняют то, что им не принвдлежит. Государство предоставляет квартиру в пользование, а ею распоряжаются, то есть меняют. Происходит то же самое, как если б читатели библиотеки ствли менять книги, например, между собой. Обмен внутригородской, междугородный. Служащие обменных бюро с важными лицами маклеры, рыночные индексы цен на квадратный метр жилья, бетонные столбы углы зданий, остановки транспорта, облепленные разномастными объявлениями...

Запретить обмены нельзя. Надо думать о приведении их в более достойную нашего времени форму. Высказываются различные предложения и проекты. Одно из них состоит в том, что пожелавший поселиться в ином районе, ином доме, квартире иных качеств и размеров подает заявку с приложением копии паспорта своей квартиры в специальный жилищный орган. Не в обменное, не посредническое бюро, а в Банк Жилья. Там в памяти ЭВМ находят либо пустующую (при дифференцированной оплате такие непременно будут), либо такую, из которой кто-то собирается выезжать. Отобрав подходящий вариант, глава семьи заключает договор найма квартиры в новом месте и расторгает по старому адресу. Расчеты по поводу оставляемого жилья, претензии относительно недостатков нового решаются с жилищными органами, а не с теми, кто выехал. И если возникнет спор, даже судебный, он не выйдет за границы здравого смысла, чего никак не скажешь о расторжении четверного обмена. Ведь некоторые его участники и близко в своей жизни не подходили к злополучному лифту, но второй год сидят на чемоданвх.

Неудовлетворенность жильем, различные идеи обмена, как ни парадоксально, заявляют о себе чаще и настойчивее по мере расширения и улучшения жилищного фонда страны. Слушая на приеме агрессивно-наступательные, печальные, хитровато-заговорщические просьбы «подыскать закон», невольно задумываешься: а не наталкивается ли задача, поставленная партией — обеспечить к двухтысячному году каждую семью отдельной квартирой, — на трудности, растущие по мере ее решения? Пожалуй, правы те, кто утверждает, что чем больше будет вводиться в эксплуатацию комфортабельных квартир, тем шире станет круг «нуждающихся», желающих иметь кабинет для главы семейства, комнату для приезжих родственников и даже помещение для собаки. В принципе такие притязания нельзя объявить вне закона. Помимо совестливости, скромности — качеств, которые каждый из нас хотел бы видеть в окружающих, — должны действовать эффективные экономические стимулы и тормоза.

Когда ордер на получение жилья перестанет отождествляться со счастливым лотерейным билетом, каждый, кто трудится, не пропивает получаемого, разумно ведет свой бюджет, будет иметь возможность заключить договор жилищного найма сообразно вкусу и потребностям.

О КОММУНАЛКАХ, ЖСК И ДР.

На вопросы, поставленные в обзоре писем «Каждой семье — отдельную квартиру» («ЛГ», 14 января 1987 г.), отвечает Э. ЯКУШЕНКО, заведующий секретариатом заместителя председателя исполкома Моссовета.

— Какие изменения планируется внести в ближайшее время в систему контроля над распределением квартир, чтобы перекрыть каналы разбазривания жилья?

— В 1986 году в Мосгорисполкоме был введен новый принцип планирования и распределения жилья. Для каждой организации планируется не только количество жилой площади, но и число очередников конкретных лет постановки на учет, для которых эта площадь выделяется. Для того чтобы управлять процессом распределения жилой площади, перестроен механизм передачи ее организациям. Теперь квартиры выделяются организации после того, как в райисполком представляется список конкретных лиц, которым она предназначается. Цель — исключить распыление жилья и использование его на неплановых, внеочередных «нуждающихся».

В следующий раз жилплощадь выделяется лишь после подтверждения, что предыдущую предприятие, учреждение израсходовало по назначению.

С помощью паспортного управления Москвы были приняты решительные меры к своевременному заселению квартир — как в домах-новостройках, так и освобождающуюся площадь. Принятые исполкомом Моссовета решения «О мерах по ускорению заселения жилплощади, освобождающейся за выбытием граждан» и «О мерах по ускорению заселения жилой площади в домах-новостройках» упорядочили и скоординировали деятельность всех служб исполкома Моссоветв, ответственных за то, чтобы не пустовало жилье.

— Как конкретно представляют себе специалисты процесс переселения жильцов коммунальных квартир в отдельные? Можно ли считать отдельной квартиру, в которой живет несколько родственных семей разных поколений?

— В 1986 году разработан проект целевой Комплексной программы решения жилищной проблемы в Москве к 2000 году. В основу программы положены требования решений XXVII съезда КПСС, а также постановления ЦК КПСС от 17 апреля 1986 г. «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране».

По проекту выполнение поставленной партией задачи разбивается на два этапа до 1995 года намечается решить проблемы очередников а также граждан, проживающих в ветхом и малоценном фонде, а в 14-й пятилетке полностью ликвидировать коммунальные квартиры.

Коммунальной называется квартира, жильцы которой имеют несколько отдельных договоров найма. Если же в ней живет объединенная семья (из нескольких поколений) и при этом лишь с кем-либо из них одним заключен договор на все занимаемые помещения, эта квартира не является коммунальной.

— По действующему положению, член семьи пайщика ЖСК, проживающий с ним в одной квартире (сын, например), в случае смерти отца обязан выплатить государству солидную сумму за право жить в этой же квартире. Почему?

— Этот вопрос решен. В соответствии с инструкцией Министерства финансов СССР (№ 217) наследник, проживающий совместно (на одной жилплощади) с умершим членом кооперативa, при оформлении наследства освобождается от уплаты госпошлины.

— Какие изменения произойдут в ближайшее время в кооперативном строительстве, уставе ЖСК, обслуживании и оплате кооперативного жилья, учитывая, что его должно стать много больше?

— В настоящее время в Москве насчитывается 2099 строений ЖСК общей площадью более 15 млн. кв. м. Ежегодно строится 530 тыс. кв. м общей площади, или 9500 кооперативных квартир. Восемьдесят процентов строений ЖСК обслуживаются ДЭЗами. Для выполнения текущего ремонта в домах ЖСК, находящихся на самообслуживании (20 процентов), также выделяются материалы и оборудование. Управление кооперативного хозяйства осуществляет функции единого заказчика по подготовке и производству капитального ремонта зданий и инженерных систем жилищно-строительных кооперативов.

Чтобы улучшить содержание кооперативных домов, исполком Моссовета утвердил единые ставки за обслуживание кооперативного жилищного фонда (за 1 кв. м жилой площади в месяц) в размерах:

13.2 коп. в домах до 5 этажей,

19.1 коп. в домах свыше 5 этажей с лифтом.

В настоящее время изменения в уставе ЖСК не планируются.

«Готовь сани летом». Готовим?

Рис. Виталия ПЕСКОВА

Страсти вокруг цен

Проблема цен — одна из ключевых в экономике. Необъективные цены способны совершенно исказить картину экономического роста, затормозить прогресс, несправедливо наказать хорошо работающие коллективы и незаслуженно одарить отстающих. Но еще острее воспринимается людьми несовершенство цен розничных, дефекты которых прямо бьют по карману покупателей. Всем очевидно, что реформа ценообразования назрела, об этом шла речь и на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Вопрос очень сложный, потребуется время на его решение. В предлагаемой подборке писем мы затрагиваем лишь проблему розничных цен на продовольственные товары. Некоторые экономисты обосновывают в печати предложения о повышении цен ссылками на то, что производство ряда важнейших сельскохозяйственных продуктов сейчас экономически невыгодно для совхозов и колхозов. Отмена государственных дотаций с одновременным повышением цен представляется авторам этих предложений логичной и необходимой мерой, без которой невозможно увеличить производство продуктов питания. Но как видно из публикуемых ниже материалов, есть и иные точки зрения... Ясно одно: в условиях гласности, демократии политика розничных цен, касающаяся каждого из нас, не может обсуждаться лишь в кругу ученых и финансистов.

если смотреть трезво

НЕТ НАДОБНОСТИ говорить о том, насколько злободневен вопрос о ценах, кровно касающийся каждого. Он прямо связан с судьбами перестройки, ибо полный хозрасчет немыслим без экономически обоснованных цен. Этот атрибут перестройки как раз наименее отлажен в экономике. Посмотреть — так настоящая чехарда: оптовые или закупочные цены выше розничных, особенно на продукты питания. Долгое время считалось, что разные категории цен можно устанавливать вне связи друг с другом. Пренебрегали той абсолютной экономической истиной, что именно розничная цена является конечной. По ней определяются прибыль, рентабельность, результативность.

Между прочим, тезис о «независимости» оптовых и розничных цен друг от друга настойчиво подчеркивался еще в период провозглашения экономической реформы 1965 года.

С высоких трибун тогда усиленно пропагандировалась эта мысль, понятно, с одной лишь целью: успокоить общественность, убедить, что товары не подорожают. Однако серьезным экономистам было странно слышать такое. Выравнивание цен, приведение в соответствие с общественно необходимыми затратами труда представлялось им обязательным.

На недавнем июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС была признана неизбежность реформы цен.

Если цена не покрывает затрат на производство важнейшей сельскохозяйственной продукции, если государство доплачивает колхозам и совхозам за каждый центнер молока, каждую тонну мяса (дотации эти равны десяткам миллиардов рублей!), то цена в этом случае оказывается проводником затратного хозмеханизма. Иначе говоря, она превращается во врага перестройки.

Ножницы, которые образуются в результате превышения закупочных цен над розничными, приводят к сильным деформациям экономических отношений. Не раз доходило до того, что колхозы покупали продукты в государственных магазинах и на базах по розничным ценам, а потом сдавали их по закупочным ценам в счет госпоставок. Хлеб из-за его крайней дешевизны сплошь и рядом скармливается скоту и птице. И никакие тут лозунги типа «хлеб — наше богатство», «берегите хлеб» не помогают.

В экономике пустот не бывает. Как уже говорилось, разница между высокими закупочными и низкими розничными ценами на мясо-молочные продукты покрывается государством. А что такое деньги государства? Ни Совмин, ни Госплан, ни Минфин их не зарабатывают. Это деньги народные. Отчего же мы согласны год за годом терять десятки миллиардов и не можем воспринять идею выравнивания цен?

Самым безболезненным вариантом ликвидации ножниц между ценами может быть иное перераспределение дотации. Уж лучше распределить эту сумму как добавку (была же когда-то «хлебная» надбавка) к заработной плате, пенсии. А цены несколько поднять. В этом случае и социальная проблема будет решена, и хозмеханизм получит себе работоспособный экономический рычаг.

Т. ИВАНОВА,
экономист

чего я боюсь

В ПОСЛЕДНЕЕ время в печати все чаще говорится о необходимости установить «реальные» цены на мясо-молочные продукты.

Например, в статье Н. Шмелева «Авансы и долги» («Новый мир», № 6, 1987) читаем: «...Должны быть выровнены закупочные цены на все виды аграрной продукции, чтобы ликвидировать убыточность многих отраслей сельского хозяйства, например, животноводства и картофелеводства. Средства на это могут быть получены за счет сокращения государственных более чем пятидесятимиллиардных продовольственных дотаций». То есть речь идет об устранении экономической нелепицы, когда государство продает сельхозпродукты дешевле их себестоимости.

Однако представим себе, что кругом восторжествуют «кооперативные» цены на мясо-молочные продукты. И возможное насыщение товаром произойдет за счет вынужденного отказа от него или сокращения его потребления значительной частью покупателей. Не стоит обольщаться среднестатистическими цифрами уровня зарплаты населения страны: «вилка» достаточно велика. У нас есть еще ставки семьдесят рублей, и пенсии инвалидам с детства, и пособия одиноким матерям двадцать — сорок рублей в месяц. Мне могут возразить: лучше по кооперативной цене, чем вообще отсутствие товара в магазине, как это сейчас наблюдается на периферии. И так, и не так. Потому что на периферии во многих местах существуют «талоны» на дефицитные продукты, есть продажа через столовые и детские учреждения. И может быть, самое главное — есть надежда (или иллюзия) на то, что скоро «у нас будет, как в столице».

Если прежде экономисты, превознося плановость хозяйства, третировали рынок как «не наш», то теперь, как мне представляется, они впадают в другую крайность. Да, рынок обеспечивает высокое качество товара и гибкость, оборотистость в удовлетворении покупательского спроса, но он неохотно снижает цены и предпочитает иногда пожертвовать частью продукции, чтобы сохранить высокие цены на остальную. Ведь и сейчас даже есть факты, когда кооперация отказывается принимать скот у населения, потому что мясо по дорогой цене есть в запасе и она не заинтересована суетиться.

Правда, приходится слышать мнение, что пусть, дескать, двадцать миллионов пострадают, зато двести будут жить хорошо, но приемлема ли для нас такая социальная «арифметика»? Соотношение двухсот и двадцати тоже сомнительно.

Чрезвычайно важен, по-моему, социальный аспект. По роду работы мне приходится иметь дело с письмами трудящихся, и я знаю, что повышение цены, например, на консервы «свинина пряная» вызывает большее возмущение, чем удорожание автомобилей. Небогатые прилавки в магазинах при том, конечно, что человек все-таки не голоден, раздражают меньше, чем цветущий базар, который почему-то назван колхозным и где видимое изобилие объясняется непомерной дороговизной. И, кроме того, не надо забывать, что люди у нас десятилетиями воспитывались на идеалах социального равенства...

Чего я боюсь и предвещаю, как Кассандра? Неблагодарная роль, что и говорить. Но боюсь, что в случае подорожания продуктов люди могут отвернуться от перестройки как от «говорильни», при которой цены скачут выше отметки. И тогда поднимут голову истинные противники перестройки, которым гласность и демократизация поперек горла стоят. Вспомним, что демагоги в истории — и в нашей, нашей! — частенько побеждали честных людей.

М. АЛЕКСАНДРОВА,
журналистка

СКОЛЬКО
ПЛАТИТЬ ЗА ПРОДУКТЫ?

ПОЖАЛУЙ, еще никогда экономисты так настойчиво не предлагали для восстановления социальной справедливости такой меры, как повышение розничных цен на продукты питания. Но именно такого рода предложения иных наших коллег звучат все чаще. И к их голосам прислушиваются. Здесь есть над чем задуматься.

За прошедшие два десятилетия было всякое. Поражает даже не столько рост цен на многие товары и услуги, сколько его объяснение экономическими ведомствами. Оправдывая, например, пятикратное (!) повышение цен на кофе, нам говорили о резком его удорожании на мировом рынке. При росте цен, скажем, на ковровые изделия нас успокаивали тем, что плащи «болонья» и капроновые чулки будут стоить дешевле. Нас убеждали даже в том, что есть особого рода товары — товары не первой необходимости, на которые обязательно нужно повысить цены для нашего же блага. Похоже, теперь нас хотят убедить в том что, «всеобщее благо требует всеобщего повышения цен».

Именно эта простая формула выдвинула в число очередных кандидатов на повышение цен самые что ни на есть необходимые товары — продукты питания.

Почему же некоторые экономисты считают, что необходимо удорожание продовольствия?

Все дело в том, что в основе искусственно низких цен продуктов питания лежат государственные дотации, которые и не дают покоя иным экономистам. У обычного же человека, не знающего тонкостей взаимодействия цен и финансов, она порождает своего рода комплекс неполноценности — «чувство вины», смешанное с благодарностью. Еще бы! За него государство доплачивает и за продукты питания, и за жилье... В этом году государственная дотация на покрытие разницы между расходами на производство мясо-молочных продуктов и их розничными ценами составит почти 60 млрд. рублей.

И все же хотим вернуть согражданам душевный покой. Ведь недоплачивая в одном, мы переплачиваем в другом. Стоит только вспомнить, сколько взимают с покупателя в виде налога с оборота: при продаже мебели и холодильников, телевизоров и джинсов, посуды и часов и многих других, весьма нужных товаров, включая, кстати, копченую колбасу и «новый» сорт буженины — незаслуженную гордость кооператоров.

Любопытно, что даже самые консервативные экономисты, будучи явными противниками активизации товарно-денежных отношений, вдруг увидели в дотациях лишь ненужное бремя для госбюджета. сторонники перестройки и радикальных реформ, объективно оказались на стороне тех, кто любой ценой стремится компенсировать потери бюджета от сокращения продажи алкоголя. Выступая за реабилитацию закона стоимости (а это, по нашему мнению, решающее направление экономической реформы), некоторые экономисты стали призывать к отмене дотаций. Каковы же их аргументы и как они представляют себе «оздоровление» товарно-денежных отношений?

Во-первых, львиная доля дотаций на поддержание низких цен продовольствия идет якобы в пользу высокооплачиваемых групп населения и жителям лишь тех городов, где продукты питания, и прежде всего мясо-молочные изделия, можно регулярно покупать в государственных магазинах. Поэтому повышение цен на эти изделия в результате устранения дотаций будто бы восстановит социальную справедливость.

Во-вторых, по мнению сторонников повышения цен, сохранение дотаций усиливает мясо-молочный дефицит. Его преодоление они также связывают с отменой дотаций.

Не обходится и без постоянного упоминания общественно необходимых затрат, до уровня которых и нужно будто бы поднять розничные цены для столь желанного оздоровления товарно-денежных отношений. Такова логика третьего аргумента.

Забота о социальной справедливости — благородная забота. Но, к сожалению, само по себе повышение розничных цен и отмена дотаций не увеличат ни мяса, ни молока. Поэтому, скажем, жители Новосибирска смогут получить больше мяса только в том случае, если не цены будут выше, а... мяса в этом городе станет больше. В существующих условиях, может

тания неминуемо вызовет в нынешних условиях снижение уровня их потребления наименее обеспеченными группами населения: ведь нельзя же забывать, что около сорока процентов семей у нас имеют доход ниже 100 рублей в месяц на человека. Отдавая себе в этом отчет, сторонники удорожания продовольствия предлагают ввести для них компенсационные надбавки к доходам. Казалось бы, интересы лиц со скромными доходами будут соблюдены и их продовольственный рацион останется в неприкосновенности. Ничего подобного! Исторический и житейский опыт, как, впрочем, и современная практика наших зарубежных соседей, явно свидетельствует о несостоятельности подобных ожиданий.

Дело в том, что при получении дополнительных доходов потребитель расходует их далеко не так, как этого ожидает общество. И решающую роль здесь играют индивидуальные потребности, которые не всегда совпадают с общественными предпочтениями. Проще говоря, компенсационная надбавка пойдет скорее всего не на покупку подорожавших продуктов питания, а на приобретение тех товаров и услуг, потребление которых общество вовсе не собиралось стимулировать.

Мы все очень устали от постоянной нехватки тех или иных товаров и услуг. И кажется, общество уже готово на многое, чтобы ушло в прошлое само понятие «очередь». На многое, но не на все. Нас не должно устраивать изобилие продуктов питания, если они не по карману для большей части населения. А именно к этому нас фактически призывают, предлагая ликвидировать дефицит продовольствия путем резкого сужения круга его потребителей.

Но такое уже было... Наверное, многие еще помнят бледно-розовую лососину на

И, наконец, о необходимости оздоровления товарно-денежных отношений. Для этого, нам говорят, нужно приблизить цены к общественно необходимым затратам. Все вроде бы логично. Но есть один немаловажный нюанс. Поскольку эти затраты в принципе не поддаются количественному определению, приближение цен к ним — всегда произвол. И тот, кому дано право устанавливать цены, возводит собственные представления о затратах в ранг объективной закономерности.

Поэтому общественно необходимыми признаются зачастую такие затраты, которые скорее следовало бы назвать общественно бессмысленными растратами. И до тех пор, пока этот механизм действует, на плечи потребителя будут постоянно перекладываться ничем не обоснованные возрастающие затраты. Правда, в последнее время делать это стало сложнее.

Ранее казавшийся неиссякаемым такой источник доходов бюджета, как повышение цен на товары так называемой не первой необходимости, иссяк. Об этом сообщил в печати первый заместитель председателя Госкомцен СССР А. Н. Комин. К тому же у распорядителей бюджета появились и новые трудности, связанные с потерей изрядного количества «пьяных» рублей. Видимо, эта ситуация и подтолкнула кое-кого из экономистов к идее повышения цен уже на товары первой необходимости. В ряде журнальных публикаций прозвучал очередной призыв приблизить цены к общественной стоимости.

Разумеется, нет никаких сомнений в необходимости активизации товарно-денежных отношений. Назрела и потребность в реформе самого порядка установления цен. Но как бы ни выглядели ее конкретные очертания, всегда надо иметь в виду особую группу товаров и услуг, удовлетворение потребностей в которых социалистическое общество сознательно опекает. По этой группе товаров и услуг, определяющих важнейшие условия жизни человека — продукты питания и жилье, услуги здравоохранения, образования, культуры и т. п. (обладающие высокой социальной полезностью), — общество призвано обеспечить всем своим членам равные возможности потребления. Именно этот основополагающий принцип равнодоступности вне зависимости от уровня душевого дохода и должен, на наш взгляд, определять политику розничных цен. Поэтому попытки отмены дотаций на такие товары и услуги, чем бы они ни обосновывались, являются экономически и социально неприемлемыми.

Разговоры о надвигающемся повышении розничных цен продуктов питания нынче приобрели особо напряженный характер. Одни считают это дело уже решенным и мысленно оплакивают свой будущий бюджет. Другие заклинают своих близких и коллег не верить слухам. Думается, что публичное обсуждение этого острого вопроса поможет принять верное

ценами на мясо-молочные продукты покрывается государством. А что такое деньги государства? Ни Совмин, ни Госплан, ни Минфин их не зарабатывают. Это деньги народные. Отчего же мы согласны год за годом терять десятки миллиардов и не можем воспринять идею выравнивания цен?

Самым безболезненным вариантом ликвидации ножниц между ценами может быть иное перераспределение дотации.

...ном, мы переплачиваем в другом. Стоит только вспомнить, сколько взимают с покупателя в виде налога с оборота: при продаже мебели и холодильников, телевизоров и джинсов, посуды и часов и многих других весьма нужных товаров, включая, кстати, копченую колбасу и «новый» сорт буженины — незаслуженную гордость кооператоров.

Любопытно, что даже самые консервативные экономисты, будучи явными противниками активизации товарно-денежных отношений, вдруг увидели в дотациях лишь ненужное бремя для госбюджета. Его потери из-за сокращения производства алкогольных напитков, очевидно, и вызвали трансформацию их прежних убеждений.

Но так уж получилось, что и прогрессивно настроенные экономисты, искренние

Не обходится и без постоянного упоминания общественно необходимых затрат, до уровня которых и нужно будто бы поднять розничные цены для столь желанного оздоровления товарно-денежных отношений. Такова логика третьего аргумента.

Забота о социальной справедливости — благородная забота. Но, к сожалению, само по себе повышение розничных цен и отмена дотаций не увеличат ни мяса, ни молока. Поэтому, скажем, жители Новосибирска смогут получить больше мяса только в том случае, если не цены будут выше, а... мяса в этом городе станет больше. В существующих условиях, может быть, и надо ввести более равномерное распределение мясо-молочных продуктов по всей стране. Но отмена продуктовых дотаций с таким распределением никак не связана.

И вообще, вряд ли можно сомневаться в том, что повышение цен на продукты пи-

все не собиралось стимулировать.

Мы все очень устали от постоянной нехватки тех или иных товаров и услуг. И кажется, общество уже готово на многое, чтобы ушло в прошлое само понятие «очередь». На многое, но не на все. Нас не должно устраивать изобилие продуктов питания, если они не по карману для большей части населения. А именно к этому нас фактически призывают, предлагая ликвидировать дефицит продовольствия путем резкого сужения круга его потребителей.

Но такое уже было... Наверное, многие еще помнят бледно-розовую лососину на московских прилавках, о которой, правда, и мечтать не могло большинство тех же москвичей, не говоря уж о настоящих кубанских казаках. Думаем, что такой способ преодоления дефицита абсолютно неприемлем для нашего общества.

доступности вне зависимости от уровня душевого дохода и должен, на наш взгляд, определять политику розничных цен. Поэтому попытки отмены дотаций на такие товары и услуги, чем бы они ни обосновывались, являются экономически и социально неприемлемыми.

Разговоры о надвигающемся повышении розничных цен продуктов питания нынче приобрели особо напряженный характер. Одни считают это дело уже решенным и мысленно оплакивают свой будущий бюджет. Другие заклинают своих близких и коллег не верить слухам. Думается, что публичное обсуждение этого острого вопроса поможет принять верное решение.

Р. ГРИНБЕРГ,
кандидат экономических наук;
А. РУБИНШТЕЙН,
кандидат экономических наук

МОСКВА

ния продуктов люди могут отвернуться от перестройки как от «говорильни», при которой цены скачут выше отметки. И тогда поднимут голову истинные противники перестройки, которым гласность и демократизация поперек горла стоят. Вспомним, что демагоги в истории — и а нашей, нашей! — частенько побеждали честных людей.

М. АЛЕКСАНДРОВА,
журналистка

Главная цель перестройки — улучшение качества работы. А если оно ухудшается? Как тогда определить происходящие в отрасли процессы? Многочисленные отклики на предыдущие выступления «ЛГ» свидетельствуют: качество услуг связи неуклонно снижается. В публикуемой статье высказывается мнение, что причина этого — упорное нежелание Минсвязи СССР эффективно перестраивать хозяйственный механизм отрасли.

Т. ДЗОКАЕВА,
кандидат экономических наук

ВИДИМОСТЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ

КАМЕНКА. Небольшая подмосковная деревня в Подольском районе. Одна достопримечательность — отделение связи. Телефон здесь, можно сказать, бутафорский: всего три аппарата в селе, да и дозвониться можно разве что соседу. Так что отделение — почтовое. Двадцать—тридцать телеграмм в месяц, десяток посылок, переводы, письма, газеты. На фоне всей деятельности узла — мизер. Конечно, если забыть, что любая такая операция может коснуться судьбы.

Тысячи подобных пунктов в стране. И над многими из них нависла угроза. Разрекламированными Министерством связи «новыми условиями хозяйствования» любое из них может быть ликвидировано. Руководителям узлов, в состав которых входят такие отделения, дано право поступать с ними по своему усмотрению, вплоть до закрытия. «Ну ничего страшного, — рассуждают. — Надо телеграмму отправить? Съездят в соседнее село».

Каменка пока держится. Но мне известно, что многие руководители не церемонятся, ликвидируют мелкие отделения связи. За годы Советской власти 64 тысячи их открыто в сельской местности. Сколько останется теперь? Было время, с гордостью говорили: «Еще одно!» Проникновением связистов в самые отдаленные точки, глухие деревни демонстрировались преимущества социалистического строя. О, времена! И хорошему вы угроза, не только плохое уходит.

Сокращению подлежат и штаты остающихся подразделений. Со старшим экономистом Подольского узла связи Марией Ивановной Гусевой едем в Щербинку. На город всего два отделения, двадцать почтальонов. Не густо. Поэтому так волнуется, оповещая коллег о новшестве, экономист:

— Нам предстоит проводить реформу заработной платы. Но ресурсы должны найти сами. Узлу необходимо сократить 150 человек. Вот и у вас уменьшить на одного почтальона.

— А как же с доставкой? Ведь и сейчас не успеваем в контрольные сроки.

В цехе междугородной телефонной связи тот же диалог:

— Ну, еще двоих! — требуют своей жертвы экономисты.

— Телефонисток не отдам! — непреклонна начальник цеха Галина Михайловна Хребтова.

«С тех пор как началась связистская «перестройка», на предприятиях отрасли только и занимаются тем, что ищут людей. Ищут, чтобы сократить. «Ну как, у вас нашли уже кого уволить?» — не умолкает телефон в плановом отделе. Сокращают, будто это самоцель, без организационной, экономической, технической подготовки. Оттого и возрос поток жалоб, и пресса, можно сказать, завела общую для всех газет рубрику — «о плохой работе службы связи».

Почему? Да потому, что таковы последствия отраслевого «хозяйственного механизма» связистов. Потребитель ощущает их повсюду. То натыкаешься на ограниченное время работы предприятий Минсвязи. То отделение открыто, но нет оператора и некому принять заказное письмо или бандероль. Из города Фрунзе пишут: на улицах сняли все почтовые ящики, чтобы опустить письмо, надо отправляться на почту. А теперь нависла угроза и над мелкими отделениями связи.

«Отчего же связистов так одолела страсть к сокращению людей?» — может спросить непосвященный. «А как же! Мы повышаем производительность труда!» — слышится из высоких кабинетов.

Поэтому безответны даже самые острые статьи-стрелы, пускаемые прессой. Такое понятие, как «рост производительности труда», способно умаслить любого. Зная это, Минсвязи удовлетворенно отмечает: «За период новых условий хозяйствования производительность труда увеличилась на 6 процентов, при сокращении численности работников». Но вот незадача: то же министерство с деланным удивлением констатирует повсеместное ухудшение качества обслуживания.

В этом противоречии пора разобраться.

Экономисты, исчисляя производительность труда, делят стоимость выпущенной продукции на численность работников. Если продукция не раскупается (плохая или стоит слишком дорого), значит, производительность труда никуда не годна. Лишь выпуск меньшим числом работников продукции с теми же и даже лучшими полезными свойствами — достойный способ накопления средств для повышения оплаты труда. Но в том-то и дело, что «с теми же и даже лучшими»! А что произойдет, когда таксопарк, например, сократит число водителей, увеличит оплату оставшимся при условии, что количество машин на линии останется прежним: таксист сядет сразу за два руля? Нет, конечно. Одна машина будет обречена на простой, вместо того чтобы обслуживать людей, увеличивать доходы автопарка. То же и в связи. Почтальон, работающий по двойной норме, если, конечно, у него не выросли крылья или на него не надели сказочные башмаки-скороходы, принесет утреннюю газету как раз вместе с «Вечерней». Телефонистка не сможет сесть за два коммутатора.

Многие подразделения, сокращая людей, сокращают и время работы связистских центров. Поначалу противились, но когда повышение зарплаты поставили в зависимость от сокращения людей, внутреннее сопротивление было сломлено.

Сегодня такой способ решения проблемы зарплаты распространяется повсюду. И в нем есть что-то коварное, жесткое: увольняйте друг друга, и у оставшихся сразу же подскочат оклады. А в экономическом смысле? Можно сократить людей. И тем не менее это не будет равнозначно «росту производительности труда», если не изменятся ни квалификация оставшихся, ни техника.

Это общее положение усугубляется в отрасли из-за антиэкономического содержания главного связистского показателя. Называется он «объемом продукции», а суть его в том, что технические средства — телефоны, канало-километры и прочие (в натуральном или условно-денежном измерении) принимаются за «объем продукции», независимо от качества их работы, а также доходов и количества предоставляемых услуг.

Производственники ропщут. «В нашем узле картина та же, что и в других, — пишет начальник Ржевского эксплуатационно-технического узла связи А. Пахомов. — Объем продукции растет, численность работников уменьшается, а улучшение качества работы сельской и городской телефонной связи не происходит. Вопросы эксплуатации отошли на второй план».

Подлинную производительность труда потребитель определяет просто. Когда на каждом шагу встречаются неработающие таксофоны, когда по каналам не может пробиться звук, когда люди едут десятки километров, чтобы заказать междугородный разговор, — производительность низкая, ниже некуда. Когда почта передвигается медленнее, чем в прошлом веке, что не раз подтверждал своими публикациями А. Рубинов, ее производительность отнюдь не на высоте. Так кажется нам, пользующимся услугами связи. Но попробуем посмотреть на все это изнутри — с позиций связистского предприятия. Там реальная производительность в постоянной вражде с мнимой.

На Подольской «междугородке» — 13 коммутаторов, столько же рабочих мест. Норма телефонистки—24—26 соединений в час. Но выход из Подольска столь сложен (на все города Союза, например, работает лишь шесть каналов!), что каждый номер приходится набирать по многу раз, иногда по 30—40 минут. Со стороны смотришь — азартные игры. Только наберет телефонистка 12 кодовых цифр, а следующая сбрасывается. И все начинается сначала. Отсюда — низкая степень использования каналов (главных технических средств). Они заняты под разговоры 15—20 минут в час. Остальное время набираются, сбрасываются, снова набираются...

Уже многие годы, заказывая междугородный разговор, мы слышим, «в течение часа». Но и это не всегда доступно.

— Омск? Только с двенадцати.

— Гагра? Можем принять заказ только на 0 часов.

— Кировоград? Не пробивается канал.

Такие вот разговоры. Телефонистки ничего не могут сделать, если на помощь не придет техника. А она не спешит.

В линейно-аппаратном зале инженер Татьяна Георгиевна Ревина, «станционная смотрительница» подольской «междугородки», показывает образцы техники 40—60-х годов. Случайно забрел сюда аспирант: «А со световодами у вас как?» Никак со световодами! Есть ручные каналы. Воздушные провода. Шаговые станции — прапрапредки световодов и электроники.

И удивляешься фантастическому усердию работников станции — как это им удается в таких условиях держаться под шквалом наших заказов?!

Слова «производительность труда» мы все чаще стали соединять с другими: «человеческий фактор». Порою играем с ними, как щеголь своими перчаточками и тросточкой. А вот он передо мною: телефонистский «человеческий фактор». Тяжелый труд, занесенный в реестр вредных профессий. Постоянное давление на нервную систему рождает набор таких профессиональных заболеваний, как гипертония, болезни глаз, ушей, головные боли. Когда же новая техника облегчит их труд? Где и какие ученые, конструкторы, общественные деятели думают об этом?

«Станок» телефонистки — коммутатор. Когда все каналы задействованы, он пылает красным пламенем. Это его рабочий цвет. Шесть часов непрерывно глаза человека устремлены в ярко-красную точку коммутаторной электрической лампочки. И так каждый день. Но кто сосчитал, какая доля «вредности» профессии обязана этому цвету? Откинула вдруг голову молоденькая телефонистка: «Я ничего не вижу!» — ужас на ее лице.

На следующий день рабочее место оказалось пустым.

Коммутаторы 1975 и 1986 годов. Кроме даты — никаких изменений. Какая огромная разница между тем, что могут показать на крупнейших общесоюзных предприятиях связи столицы, и тем, чем довольствуется обширная связистская периферия!

Коммутаторный зал. Напряжение в ушах, постоянное форсирование голоса, переживания, мольба: «Дежурная, милая, попробуй соединиться, у меня никак не пробивается канал». Так целый день общается армия телефонисток по всей стране, компенсируя ручными соединениями несовершенства автоматических процессов и ограниченность технических систем.

В таких условиях разговоры о сокращении телефонисток ради ложно представляемого роста «производительности труда» — авантюрны. Ведь простаивание коммутатора — это потерянные доходы, невыполненные заказы, неудовлетворенная потребность. Только автоматизация междугородной связи, равномерное развитие сети каналов дадут возможность повысить производительность реально. И пока техническое перевооружение не станет фактом, разрекламированная отраслевыми инструкциями реформа заработной платы связистов, ажиотаж вокруг предстоящих повышений окладов на 30—40 процентов оказывается сомнительной акцией.

Более того, в механизме, предложенном для такого повышения оплаты, заложен ограничитель, работающий наподобие последнего щелчка в захлопнувшемся капкане. Это норматив: на один процент роста производительности труда — 0,5 процента роста фонда зарплаты. На первый взгляд, все как у всех. За «небольшим» исключением: ведь при исчислении производительности труда у связистов в числителе — пресловутый «объем продукции». А он не включает в себя ни доходы, ни качество, ни саму услугу.

Сегодня любое связистское предприятие оказалось перед неразрешимой задачей. Оклады можно было бы повышать, активизируя услуги связи, добиваясь большей отдачи от техники, заставляя работать как можно больше таксофонов, телефонов и т. д. Но поскольку все это на «объем продукции» не влияет, то «производительность труда» не сдвигается с места. И, следовательно, использовать накопленные хорошей работой денежные средства нельзя — нарушится дистанция, рост оплаты обгонит производительность труда. Вот где отраслевой механизм загнал себя в угол! Выход остается один — увольнять людей. И тем самым создавать видимость повышения производительности труда. Что и делается активно.

И возникает реальная угроза качеству обслуживания. Можно бы и здесь выйти из положения—материально стимулировать качество. Но тогда дистанция вновь нарушится. И в ход пошла целая «теория» отраслевой науки о несовместимости материального стимулирования и повышения качества. «Это рваческие настроения, капиталистические идеи — материально стимулировать качество. Наша связь и без того должна работать на пятерку» — приходилось мне слышать демагогические высказывания некоторых ответственных работников ЦК профсоюза отрасли. Но что значит на языке отрасли «пятерочное» обслуживание — известно каждому. Впрочем, отраслевая экономика и тут вышла из положения. Сама себе поставила оценки. Разработала такие нормативы качества, где нормальным, с получением всех премий, считается весьма низкий уровень. К примеру, если в Москве одновременно не будут работать несколько тысяч таксофонов — это будет нормальный четырехбалльный уровень. А если монтер захочет свой участок держать так, чтобы у него ни на час не прекращали работу таксофоны, то пожалуйста. Только никакого дополнительного материального вознаграждения ему за это не будет. А как же! Ведь в таком случае нарушится дистанция между ростом производительности труда и ростом оплаты — грозят пальцем экономисты.

Можно ли выйти из всех этих противоречий? Не раньше, чем будет отменен «объем продукции». Все положительные начинания разбиваются об этот камень. Трудно приходится людям, пытающимся его обойти.

На Московской городской телефонной станции старший инженер Владимир Борисович Бабнин разработал бригадную систему организации хозрасчета для линейно-кабельного цеха. Нормирование труда и ресурсов, материальное стимулирование качества, полная достоверность отчетных данных — суть его предложений. Предполагается задействовать имеющиеся, но не используемые в этих целях вычислительные машины. К этим идеям с пониманием отнесся Октябрьский РК КПСС, они обсуждались на совете бригадиров МГТС. Но все закончилось тем, что Бабнина пропесочили в стенной газете, наклеили на него ярлык «капиталист». Профком решил внести свой «вклад» в преследование Владимира Борисовича, порекомендовав дать ему столько заданий, чтобы он не имел возможности думать, сочинять «всякие экономические трактаты», да еще «на казенной бумаге, на государственной машинке». Словом, отправить его в колодцы, пусть паяет, красит, соединяет жилы кабеля. Так и сделали. Но когда Бабнин пришел к означенному колодцу, то кабеля, с которым он должен был работать, там не нашел. Оказалась приписка кабеля (то есть «объема продукции»), якобы сданного, принятого комиссией на «отлично» за месяц до выданного задания. После того как Бабнин написал об этой приписке докладную, он стал подвергаться гонениям и преследованиям, конца которым не видно. Причина отторжения? Она проста. Если ввести предлагаемую инженером систему, то потребуется вскрыть истинное положение дел. И тут ожидается много сюрпризов, наподобие обнаруженной приписки.

Скажу еще раз: сколько бы ядовитых статей о работе нашей горемычной почты или странных парадоксах телефонизации ни появлялось в печати, конца связистским противоречиям не будет, пока хозяйство отрасли не выберется с кривых дорог на гладкий экономический путь, где главным критерием станет качество, как и должно быть в любой отрасли обслуживания.

Игорь ГАМАЮНОВ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПОМИДОР

Как одна запретительная кампания обнажила пагубный механизм администрирования

Да не сон ли это, думаю, листая командировочный блокнот... Все еще не верится... Но ведь нет же, не сон.

Первая встреча: по пыльной пустынной улице приволжского городка Дубовка словно ветром несет щуплую фигурку семенящей бабки. В магазин торопится за хлебом. Лет ей восемьдесят девять, зовут Анной Васильевной. У нее и дочь пенсионерка уже, вот здесь, на Краснознаменской, живет. Идем рядом. Поворачиваю разговор на интересующую меня тему — как у них дела с помидорами. И тут Анна Васильевна будто спотыкается. Пятясь в переулок, норовит ускользнуть. Я за ней. «Нет, сынок, нет, — бормочет она, — мы свою теплицу не топим, у нас проверяли, вот те крест». Объясняю: не из горисполкома а — из Москвы. Еще больше путается. Забыв про магазин, бочком-бочком возвращается к дому. Что делать? Сажусь на лавку у ворот, через минуту вижу: выглядывает женщина из-за забора, нерешительно выходит. Показываю удостоверение. Приглашает в дом. Это дочь Анны Васильевны — Лидия Васильевна Моисеева. Сорок лет отработала, депутатом три раза выбирали. Наградили медалью «За трудовую доблесть». Сейчас взрослым детям помогает на ноги встать: «Трудно им материально, палка колбасы — 12 рублей, масло по карточкам, за дрова, за уголь, за починку дома — за все плати». И наконец с видом человека, решившего рискнуть, спрашивает: «Разве ж я не заслужила — в огороде помидоры сажать?»

Не понимаю... Помидоры — под запретом? Да еще на своем приусадебном участке? Но почему? Нет, не понимаю. Ну мыслимо ли указывать человеку, как дышать, куда смотреть, о чем думать?.. Иду дальше — на улицу Великородного. У ворот на лавке — трое пожилых. Знакомлюсь. Один из них, годами высушенный, загорелый, не торопясь поднимается, ведет к себе. Показывает во дворе торчащие столбики — все, что осталось от теплицы. Зовут его Иван Яковлевич Шорохов, ему восемьдесят два, фронтовик. «Пришла комиссия, — рассказывает он, — пломбу на колонку навесила. Я без воды. Прошу снять, а они мне: сначала, отец, сломай теплицу. Я им — ну что ж, раз такое указание вышло, сейчас сломаю. Они глаза отводят — только, мол, ломай не при нас. Пожалел их совесть, сломал, когда ушли». «Да зачем ломали?» — удивляюсь. «Говорят, плохо это, — Иван Яковлевич изумленно кхэкает и мотает головой, будто отгоняет назойливую муху. — Негативное, говорят, явление».

Хожу по домам. Удивляюсь. Не верю. Рассказывают: видели, как шла по улице оштрафованная на пятьдесят рублей учительница-пенсионерка и плакала. Захожу к ней в дом. Ее муж, электромеханик Николай Семенович Кравченко, говорит: «Пришли, увидели в теплице печку, составили акт. Нельзя топить, оказывается, такая инструкция. А как же ранние помидоры без тепла растить?..» У них трое взрослых детей, две дочери со своими семьями снимают квартиры, денег не хватает. И еще одна, совсем уж невероятная история: инвалида, живущего на 75-рублевую пенсию, Бориса Тимофеевича Шарашкина тоже оштрафовали. Стучусь к нему. Не открывает. Соседка подсказала: у него ноги парализованы, а жена отлучилась. Вот здесь, через забор, поговорите. Смотрю поверх забора, вижу: сидит на земле человек, прислонив костыль к столбику бывшей теплицы, и тычет помидорную рассаду в землю. Увидев меня, попытался встать, держась за столбик, руки напряглись, дрожат, на лице — улыбка виноватая: «Без жены трудно». Не смог он встать, а я, не выдержав этой сцены, порывался было к нему через забор перелезть, да очень высок. Так и говорили: он — там, а я — здесь...

Видел я многодетных матерей, говоривших поначалу спокойно, потом перехо-

борьбе. Но прежде всего меня занимал вопрос: неужели ни в Быковском, ни в Дубовском районах некому было защитить законность? Ведь рукотворная «засуха» сопровождалась еще и демонстративным вандализмом: на милицейских машинах разъезжали помятые субъекты с ломиками в руках—«суточники», как потом выяснилось, то есть люди, осужденные за мелкое хулиганство. Вот они-то по команде милиционеров и крушили теплицы — отводили душу... Неужели прокуратура об этом не знала?

Ситуацию прояснил замдиректора Дубовского зооветтехникума В. Т. Иванник. Вот его рассказ, дословно записанный спецкором «ЛГ» юристом Ю. М. Полонским.

«...Вызвал меня директор техникума Быков, — вспоминает Владимир Тимофеевич. — У него в кабинете райпрокурор Дубовки Луньковский, заместитель председателя горисполкома Ткаченко, начальник милиции Гордеев. Директор при них дает мне поручение: приготовить 20 ломов, 20 лопат, 2 топора, молотки и рукавицы. Затем выясняется: нашим учащимся 4-го курса предстоит громить теплицы. Я возразил, сказав, что это не сочетается с моралью, которую мы воспитываем. Но Ткаченко ответил: все одобрено властями и присутствующим здесь прокурором...»

Должен заметить — не устно одобрено. Горисполком вынес специальное решение. Был даже создан штаб «по борьбе с негативными явлениями» во главе с зампредом Ткаченко. Город поделили на квадраты, закрепив за каждым комиссию, «выявлявшую» во дворах помидорные кусты. На дорогах, на пристани дежурили милицейские посты, блокировавшие вывоз овощей в Саратов, Куйбышев, Сызрань. Владельцы пытались сдавать свою продукцию (по резко заниженной цене) в местный коопторг, часами простаивали в очередях, но сдать удалось не всем: то тары не было, то транспорта. Помидоры портились, их выбрасывали на свалку. На другом берегу Волги, в поселке Приморск, происходило то же самое, пока терпению жителей не пришел конец... Но об этом — позже.

«...И вот наши ребята на машине вслед за властями поехали по усадьбам, — продолжает свое повествование Владимир Тимофеевич. — До обеда они били стекла теплиц, сдирали пленку, ломали парники. Подключились к ним еще какие-то организации — с тракторами и машинами, тянули во двор трос, цепляли к теплице и выволакивали на улицу, все круша на своем пути. Жители кричали. Женщины плакали. Кое-кто кидался на ребят с кулаками. И все это происходило в присутствии прокурора, начальника милиции, депутатов местного Совета. Вернувшись в техникум, ребята категорически отказались продолжать побоище, так как чисто психологически это невыносимо. Как педагог я считаю, что принуждение ребят к таким варварским действиям — двойное преступление...»

Преступление?

В просторном кабинете зампредседателя горисполкома текла наша беседа легко и просто. Ткаченко благодушно улыбался: «Ну и хитры же помидорники. Отапливать нельзя, так что придумали: кирпичи накаляют и — в теплицу. Даже еще форсуночки приделывают». Начальник милиции Гордеев осуждающе качал головой: «Страсть наживы. Людей теряем». Прокурор Лукьяновский, морщась, сетовал: «Изматывают себя. Идешь по улице, а они с утра до вечера на грядках согнувшись стоят. Некрасиво».

Да о каком преступлении речь? Нет у моих собеседников и тени сомнения в правильности своих действий. Помидорники-то, они кто? Стяжатели. Значит, как бы вне закона. Они же ранней весной помидоры по 8—10 рублей за килограмм продают. Говорите, им самим тяжело даются? Ну, так это их личное де-

их фоне не так заметны собственная косность и лень.

Ну, а пока... Вот я разговариваю со своим коллегой, редактором районной «Сельской нови» Валентином Николаевичем Утешевым. И слышу: «Помидорники—стяжатели. Взвинчивают цены». «Но ведь, — пытаюсь я уточнить, — чем помидоров на рынке больше, тем цена ниже». «Несколько лет уже не снижается», — упорствует Утешев. «Да потому что несколько лет подряд вы своей «борьбой» сокращаете число помидорников на рынках. Объективно вы наносите вред Продовольственной программе». «Это они наносят нам моральный вред, — с тихой угрозой произносит мой коллега. — Почему у них есть личные машины, а у меня нет?»

Что ему ответить? Что помидорник без автомобиля — как журналист без ручки: ведь автомобиль для него — средство доставки свежих (а не мятых и лежалых) овощей потребителю. Что в полном соответствии с экономическим законом спроса и предложения дефицитный продукт будет стоить дорого, вербуя своей ценой желающих заработать, стимулируя их труд до тех пор, пока не перестанет быть дефицитным. Да неужели нужно объяснять азбучные истины?.. Хотя, может быть, и нужно. Надо же наконец избавляться от экономического невежества, особенно в журналистской среде. Но погасят ли эти элементарные знания живучее чувство тотальной зависти у всех тех, кто пока еще не приобрел автомобиля?

Какие бы чувства ни обуревали антипомидорника (термин-то, термин каков!), для кампании нужен повод. Чем в конце концов владельцы теплиц помешали остальным? Ну, не тем же, что кто-то из них купил автомобиль? (Замечу в скобках: ни гаражей, ни автомобилей, ни двухэтажных вилл с колоннами и фонтанами я не видел, хотя обошел десятка два помидорников, не повезло мне, наверное.)

Вот как ответил на мой вопрос В. Елтонцев, секретарь Дубовского райкома партии: «Из общественного производства люди уходят. Молодые и здоровые, например, идут в пожарники — там отгулов больше...» (Будто пожарниками могут быть пожилые и нездоровые! — И. Г.) Его поддержал председатель райисполкома А. Слепов: «Стяжателями становятся, на машинах ездят... А я даже мечтать о личном автомобиле не могу». (Да, видимо, здесь автомобиль — это симптом. — И. Г.) Еще определеннее высказался Е. Новиков, председатель колхоза: «Для помидорников собственное подворье становится основным источником дохода, они в колхозе плохо работают...» А председатель районного комитета народного контроля В. Базьязычный как бы подвел черту: «...Поэтому нужно власть применить».

То есть не заинтересовать, а заставить: штрафом, угрозой, оскорблением в печати, разрушением теплиц. Заинтересовать — это же надо по-новому организовать труд. Включить в действие экономические стимулы. Перестроиться. А перестраиваться трудно. Легче действовать по старинке — принуждением. Методы отработаны. Главный — социальная демагогия. Помидорника обвиняют — устно и печатно — в спекуляции (хотя он продает не перекупленное, а выращенное своими руками), в нетрудовых доходах (и тут же ханжески сетуют на отсутствие у него досуга!). Нагнетая страсти, дубовские газетчики договорились до того, что вся эта кампания — «борьба за нравственную чистоту советского человека». Да кто поверит их утверждениям? Уж не те ли студенты, которых заставили вместе с хулиганами «бороться за нравственную чистоту» с ломом в руках?

должностное лицо тут же становится словно бы изготовленным из лучших сортов легированной стали... Да, теплица должна быть размером не более 20 квадратных метров, разъясняли мне начальственно-металлическими голосами в Дубовке и Приморске, в Волгограде и в Москве. Почему? Так постановил еще в 70-х годах Госстрой СССР. Но ведь в 1986 году тот же Госстрой СССР принял новый документ, в нем размеры теплиц уже не регламентируются. А вот Госстрой РСФСР, отвечают мне, пролонгировал действие старой инструкции. Зачем? Да у них и спросите. Спрашиваю. Зампредседателя Госстроя РСФСР Ю. Букин объясняет: «С мест идут сообщения — менять инструкцию не надо, будет утечка рабочей силы». Откуда утечка? С тех самых предприятий и колхозов, где работа в состоянии полного развала? Где до сих пор управляют окриком, а не экономическим стимулом? Так, может быть, утечка была бы для них началом действительных, а не декоративных перемен? А может быть, те, кто «сообщал» Ю. Букину свое мнение об утечке, не готовы к этим переменам? Но если не готовы, не могут перестроиться, тогда пусть уступят место другим — тем, кто сможет... Зачем мучиться, изображая движение вперед, в то время как сам исполняешь бег на месте, обратив тоскующий взор назад, в 70-е, а то и еще дальше — в 30-е годы? Зачем реанимировать инструкции, противоречащие нашему конституционному праву на труд и практически подрывающие политику пар-

Я видел, как это делается. При мне в кабинет к Ткаченко пришли человек десять помидорников — пенсионеры, многодетные матери. Они — ему: «То, что вы творите, — издевательство и анархизм...» Он — им: «Выбирайте слова... Если у вас есть хоть немного гражданственности, то...» Они — ему: «Да о чем вы? Это же демагогия! Хотите, чтоб повторилась история с коровами?.. (Потом мне объяснили: двадцать лет назад в одноэтажном райгородке Дубовке жители держали больше тысячи коров, но началась кампания запрета: мол, уход за скотиной отвлекает от общественного производства, и их число сейчас сократилось до 30! — И. Г.) ...Отбили охоту коров держать, потому и масло по карточкам!» Он — им: «Да я сам, что ли, придумал эту кампанию? Мне так областное руководство приказало...» Цитирую дословно. И опять поражаюсь: ну мыслимо ли запрещать человеку много работать где бы то ни было — на приусадебном ли, на садовом участке, мыслимо ли после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, после всех партийных и государственных решений, призывающих максимально развивать трудовую инициативу, расширять и укреплять личные подсобные хозяйства, отменять нелепые инструкции и вообще благоразумие возвести в главный принцип нашей работы?

А СЕЙЧАС — о самой драматической фазе этой кампании. Итак, давайте съездим в Приморск, на левый берег Волги, в степь, в зной, где уже к середи-

то ли у него это неубедительно получалось, то ли народ в Приморске упрямый — помидоры продолжали сажать. И — выращивать. Отличные помидоры. Особенно охотно их раскупают на саратовских рынках — недавно сам видел.

И вот рассерженные власти делают следующий шаг: милицейскими пикетами перекрывают дороги и пристань. Жители пытаются сдать гибнущий урожай в коопторг — выстаивают на жаре долгие очереди. Им после дневного стояния отказывают — нет транспорта. Они — на пристань. Там — милиция. Подходит теплоход «Сергей Лазо», женщины с помидорами хотят пройти, их отталкивают. «Меня так двинули, что на руке синяк был, — рассказывает мне пенсионерка, бывшая военная медсестра, вернувшаяся с фронта с наградами, Нина Павловна Малуева. — Матросы с теплохода кинулись к нам на помощь... Свалка была...» Ее муж, тоже фронтовик, тоже вернувшийся с войны с орденами, Василий Дмитриевич Малуев хмуро дополняет: «А с теплохода туристы все это фотографировали. Потом знакомый матрос мне рассказывал, что видел: на речных вокзалах глухонемые продают эти карточки как диковинку...» И только сейчас в действия районных властей вмешивается прокуратура. Нет, не районная, у нее духу не хватило. Областная, руководимая не так давно назначенным прокурором Николаем Петровичем Рудневым.

Жаль, не могу подробно написать этот сюжет, а он стоит того... Ведь районные власти пытались, мягко говоря, ввести прокуратуру в заблуждение: предъявили решение Быковской ЧПК (чрезвычайной противоэпидемической комиссии). Якобы какая-то опасная плесень появилась на помидорах, нельзя вывозить, поэтому дежурили наряды милиции, народ же не разобрался... «А в коопторг с плесенью сдавать можно?» — удивилась дотошная прокуратура. И проверила всю специальную документацию. И выяснила: решение сфальсифицировано! Но пока шла проверка, появилось аналогичное решение областной ЧПК. Как появилось? Начальник областной санэпидемстанции А. Н. Жуков откровенно объяснил: «Пригласили меня в облисполком и сказали: у тебя светлая голова, придумай что-нибудь...» Прокуратура опротестовала и это решение... И вот у меня в руках документ: «Представление об устранении нарушений законов о праве личной собственности граждан». В нем сказано о фальсификации решений ЧПК, о незаконных пикетах, о столкновении приморцев с милицией, о необходимости наказать председателя Быковского райисполкома В. Л. Лемякина... В верхнем правом углу документа — фамилия человека, которому он направлен: товарищу А. Н. Орлову, председателю Волгоградского облисполкома. И я направился к товарищу Орлову. Вот несколько цитат из того, что он мне сказал:

«Вы, я думаю, убедились уже в наших новых подходах...»

«Мы раскрепощаем и колхозы, и совхозы, и индивидуальный сектор...»

«В прошлом были перекосы, индивидуальный сектор увлекался помидорами...»

«Заходишь в теплицу, там самое современное оборудование, чего нет в наших тепличных хозяйствах...»

«Репрессивных мер не применяли, вели разъяснительную работу...»

«У нас есть шероховатости, но линию свою не изменим...»

Итак, слово найдено: шероховатости.

Погромы теплиц, незаконные штрафы, инцидент на пристани — все это шероховатости. А в общем-то, областное руководство раскрепощает индивидуальный

Как одна запретительная кампания обнажила пагубный механизм администрирования

семьями снимают квартиры, денег не хватает. И еще одна, совсем уж невероятная история: инвалида, живущего на 75-рублевую пенсию, Бориса Тимофеевича Шарашкина тоже оштрафовали. Стучусь к нему. Не открывает. Соседка подсказала: у него ноги парализованы, а жена отлучилась. Вот здесь, через забор, поговорите. Смотрю поверх забора, вижу: сидит на земле человек, прислонив костыль к столбику бывшей теплицы, и тычет помидорную рассаду в землю. Увидев меня, попытался встать, держась за столбик, руки напряглись, дрожат, на лице — улыбка виноватая: «Без жены трудно». Не смог он встать, а я, не выдержав этой сцены, порывался было к нему через забор перелезть, да очень высок. Так и говорили: он — там, а я — здесь...

Видел я многодетных матерей, говоривших поначалу спокойно, потом переходивших на крик: «Нам же детей кормить надо!» Видел молодого отца — невысокого человека с усталым лицом, готовившего во дворе раствор (он делал у дома пристройку); детей у него двое, теснится уже несколько лет с ними да с женой в одной комнатушке; на предприятиях города квартиры сто лет не дождешься, купить дом ему не под силу; вот он и выходит из положения — растит помидоры, продает их, на выручку покупает кирпич, цемент и сам строит... В местной же газете его и других таких же помидорников назвали стяжателями. За что?..

География абсурда не ограничивалась городской чертой: «негативные явления» искореняли во всем Дубовском районе. Причем — буквально. То есть заставляли с корнем вырывать помидорные кусты с недозревшими плодами, разрешая оставить не более двухсот. Не искоренишь — перекроют воду. Да что там Дубовский район... Развернув «Волгоградскую правду», я узнал из корреспонденции Сергея Имерекова «Криминальная скважина» коечто похлеще и поехал в поселок Приморск Быковского района. По дороге перечитывал сердитые строки: «Приморск... охвачен вирусом «помидорной лихорадки». В Быковском районе «... выявлено 558 теплиц, размеры которых превышали нормы». В Приморске «...обесточено 186 глубинных скважин, 82 насосно-силовые установки, сосущие воду из водохранилища...» Автор звал всех на бескомпромиссную борьбу с помидорными «стяжателями», но в конце статьи, потрясенный результатом, сообщал: «...после остановки «частных скважин» в Приморске практически не стало питьевой воды, не говоря уж о технической для полива...» Так борьба с помидорниками увенчалась уникальной победой: на поселок, расположенный у великой реки, обрушилась небывалая засуха — рукотворная!

Я ХОТЕЛ взглянуть на творцов этой «засухи». Услышать их голоса. Понять логику их поступков. Ведь должна же быть какая-то логика в этой

кирпичи накаляют и — в теплицу. Даже еще форсуночки приделывают». Начальник милиции Гордеев осуждающе качал головой: «Страсть наживы. Людей теряем». Прокурор Лукьяновский, морщась, сетовал: «Изматывают себя. Идешь по улице, а они с утра до вечера на грядках нагнувшись стоят. Некрасиво».

Да о каком преступлении речь? Нет у моих собеседников и тени сомнения в правильности своих действий. Помидорники-то, они кто? Стяжатели. Значит, как бы вне закона. Они же ранней весной помидоры по 8—10 рублей за килограмм продают. Говорите, им самим тяжело даются? Ну, так это их личное дело. Нет чтоб культурно время проводить — в кино сходить, книжку почитать, а они уродуются.

«Иду как-то с женой в кино, — вспоминает Ткаченко, — смотрю, на улице дрова пилят, пройти невозможно. Глянул через забор, ну, конечно, там места нет — каждый сантиметр помидорами засажен. А где положенные декоративные кусты? Где цветы?» Он вытаскивает из стола пачку писем: «Вот и народ тем же возмущается». Читаю. Автор одного письма, назвавшийся «Соседом», предупреждает горисполком корявo выведенными словами: по адресу (улица, номер дома) опять ночью топили теплицу. Автор следующего (письмо без подписи) называет адреса других помидорников. «Каковы наглецы!» — воскликнул Ткаченко, потрясая пачкой анонимных доносов. Нет, не доносчики его возмутили, а помидорники. Те самые, непокорные, кого он вызывает повесткой в горисполком, клеймит на заседании административной комиссии, штрафует, ломая затем их теплицы и устраивая их хозяевам на страницах районной газеты гражданскую казнь. «Три года боремся. Только в этом году пятьдесят помидорников через комиссии пропустили, — удивляется Ткаченко, — а кое-кто из них все равно топит!»

Меня же удивило другое: мало ли у нас случалось кампаний в прежние времена, идущих только для галочки, а тут — такая страсть, такой накал! В местной газете — поток обличительных статей с фамилиями, адресами. Обвинения, правда, противоречивые: то в «легкой наживе» и даже в «паразитическом образе жизни», то в отсутствии у помидорников «культурного досуга», на который им не хватает времени. Откуда такой гнев против людей, работающих от темна до темна?.. Да хоть бы раз силами всех наших — и местных, и центральных — газет провести такую же страстную кампанию против лодырей всех мастей! Против халтурщиков — у станка и за руководящим столом. Против тех, кто только говорит об идущей перестройке, а сам обеими ногами упирается, держась за старую инструкцию. Против тех, кому выгодны лентяи, ибо на

штрафом, угрозой, оскорблением в печати, разрушением теплиц. Заинтересовать — это же надо по-новому организовать труд. Включить в действие экономические стимулы. Перестроиться. А перестраиваться трудно. Легче действовать по старинке — принуждением. Методы отработаны. Главный — социальная демагогия. Помидорника обвиняют — устно и печатно — в спекуляции (хотя он продает не перекупленное, а выращенное своими руками), в нетрудовых доходах (и тут же ханжески сетуют на отсутствие у него досуга!). Нагнетая страсти, дубовские газетчики договорились до того, что вся эта кампания — «борьба за нравственную чистоту советского человека». Да кто поверит их утверждениям? Уж не те ли студенты, которых заставили вместе с хулиганами «бороться за нравственную чистоту» с ломом в руках?

И потом: почему «борьба» сосредоточилась в основном на пенсионерах? Ответ на этот вопрос, признаюсь, меня потряс: чтобы у молодых даже мысли не возникло об уходе из общественного производства... Словом, предупредительная, профилактическая акция. Ведь помидорников на весь город с немалым населением всего-то человек сто, уточнил заворготделом райкома партии В. Олейников. Понимаете? Сто! В большинстве своем они пожилые люди. Значит, думаю я, услышав такой ответ, бывший фронтовик, 82-летний Иван Яковлевич Шорохов, сломавший свою теплицу под угрозой отключения воды, послужил организаторам расправы всего лишь «НАГЛЯДНЫМ ПОСОБИЕМ» — примером устрашения для потенциальных молодых помидорников... Что же случилось с совестью людей, ведущих эту кампанию? Что случилось в Дубовке и Приморске с исконным в нашем народе уважением к старости, с уважением к коренному, закрепленному у нас Конституцией праву человека на труд — праву быть полезным обществу всю свою жизнь, до последнего вздоха?.. Как же нужно нравственно одичать и умственно отупеть, чтобы превратить несколько десятков пожилых людей в «НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР» вымышленного общественного зла — ведь для этого надо выжечь дотла в душе своей сыновнее чувство изумления перед стариками, пережившими тяжкие испытания прошлых лет и не утратившими жажды жить, работать, быть нужными своим близким, быть причастными к переменам, происходящим в нашей стране.

Эти-то перемены, я думаю, и стали фоном, контрастно высветившим особенности отлаженного в прошлые годы механизма администрирования. Вот еще одна из его типичнейших особенностей — камуфляж подходящей инструкцией незаконных действий (уж на инструкции-то у нас дефицита нет!). Вооружившись ею,

бравя движение вперед, в то время как сам исполняешь бег на месте, обратив тоскующий взор назад, в 70-е, а то и еще дальше — в 30-е годы? Зачем реанимировать инструкции, противоречащие нашему конституционному праву на труд и практически подрывающие политику партии в развитии приусадебных хозяйств? Да не для того ли, чтобы руководители, не способные принять демократические формы жизни, продолжали всласть администрировать, выдавая свои действия за перестройку?

Апогеем же в этой реанимации оказалось поистине виртуозное толкование всего лишь одного слова инструкции. В ней теплицы упомянуты в разделе «Неотапливаемые помещения». Значит, утверждают энтузиасты антипомидорной кампании, не должно быть в теплице отопительного очага. Но ведь тогда, возражают их помидорники, это не теплица, а парник. Нет, теплица, упорствуют энтузиасты, вот же инструкция... А там, кстати говоря, теплица мирно соседствует с летней кухней. То есть и в ней никакой плиты? — спрашиваю в Госстрое РСФСР. Да ну, что вы, смутились в ответ, может ли быть кухня без плиты? А в теплицах как же? И в них без отопительного очага нельзя. Вот типовой проект № 193-216-23. Смотрю — действительно, труба нарисована! Та самая, криминальная, за которую в Волгоградской области вот уже три года штрафуют на 50 рублей! Не шутите? — спрашиваю. Нет, не шутим: слово «неотапливаемая» означает лишь, что отапливается теплица (как и летняя кухня) не постоянно, а сезонно... Мне тут же вспомнилась пачка писем-доносов, которыми потрясал Ткаченко: «...По ночам топят!» Три года, толкуя по-своему инструкцию, горисполкомовские комиссии штрафами запугивали людей, унижали их, позорили, распространяли слухи о их сверхдоходах, провоцируя у других зависть и ненависть, и все это под камуфляжем законности... Как сейчас поступят организаторы кампании повальных штрафов? Вернут деньги учительнице-пенсионерке и другим обиженным? Печатно перед всеми извинятся? Или так же виртуозно начнут оправдываться?

лепые инструкции и вообще благоразумие возвести в главный принцип нашей работы?

А СЕЙЧАС — о самой драматической фазе этой кампании. Итак, давайте съездим в Приморск, на левый берег Волги, в степь, в зной, где уже к середине лета становится бурой и ломкой обожженная солнцем трава. Вот они — широкие прямые улицы, дома, далеко отстоящие друг от друга. За ними сквозит, как мираж, синева волжской воды.

На следующий день после рукотворной засухи эта вода и в самом деле была, как мираж: близко, да что толку, не ведром же ее таскать. В кабинет председателя поссовета Геннадия Владимировича Сосницкого шли и шли люди. Сесть было негде — стояли. Пришли уже человек пятьдесят — женщины с детьми, старики, а дверь все открывалась, приходящие все теснее обступали стол председателя.

«Женщины плакали, кричали на меня, — вспоминает Геннадий Владимирович,— старики были сдержаннее, но от этого не легче. Один из них сказал: я кровью Волгу полил, так что, теперь мне из нее даже воды взять нельзя?»

Нет, нельзя. Районные власти во главе с председателем Быковского райисполкома Владимиром Леонтьевичем Лемякиным в борьбе с помидорниками были непреклонны. Поселок с пятитысячным населением, с маломощным коммунхозовским водопроводом в жару, в зной остался почти без воды. Сосницкий звонил в Быково, предлагал компромисс: давайте возьмем частные скважины на свой баланс, владельцы отдают. Ему в ответ: а вот мы их совсем забетонируем... (Владельцы пробурили их лет 10—15 назад, нигде не регистрируя, на это никто не обращал внимания, пока антипомидорная кампания не вошла в конфликтную фазу...) Тогда ветераны войны послали в Волгоград делегацию. И добились: им (только им!) скважины включили! Остальные бросились покупать бытовые насосы, не объявленные пока властями «вне закона». Сосницкий по поручению районных руководителей проводил поселковые сходы — объяснял, почему помидоры считаются «негативным явлением». Но

новых подходах...»

«Мы раскрепощаем и колхозы, и совхозы, и индивидуальный сектор...»

«В прошлом были перекосы, индивидуальный сектор увлекался помидорами...»

«Заходишь в теплицу, там самое современное оборудование, чего нет в наших тепличных хозяйствах...»

«Репрессивных мер не применяли, вели разъяснительную работу...»

«У нас есть шероховатости, но линию свою не изменим...»

Итак, слово найдено: шероховатости.

Погромы теплиц, незаконные штрафы, инцидент на пристани — все это шероховатости. А в общем-то, областное руководство раскрепощает индивидуальный сектор.

КОГДА я уезжал из Приморска, председатель поссовета Геннадий Владимирович, прощаясь со мной, сказал: «После инцидента пристань у нас ликвидировали, теплоходы не останавливаются. Люди же уезжают. За три года этой кампании население поселка сократилось почти вдвое. Больше двух тысяч народа уехало — кто куда...»

Это тоже шероховатости.

Где гарантии, что подобные «шероховатости» не повторятся — ни здесь, ни в других местах? В прокурорском надзоре за законностью? Да, конечно, именно в нем. Но всегда ли прокурорский надзор достаточно независим и может вовремя остановить маховик кампании, прикрывающей звонкими лозунгами администрирование, правовую самодеятельность, волюнтаризм, все то, к чему так привыкли некоторые руководители в прошлые годы? Всегда ли?..

Недавно я был в Саратове, зашел на Крытый рынок. В помидорных рядах спросил, откуда продукция. Оказалось — из Приморска. Пенсионерки Антонина Максимовна Акимова и Анастасия Павловна Смольянинова рассказали, как им, шестнадцати хозяевам, по заявке рынка Саратовское трансагентство прислало в Приморск свои спецмашины. Значит, милицейские пикеты сняты?.. Сняты. Спросил про Лемякина: как он там, после вмешательства прокуратуры? «Да что ему сделается, — махнула рукой Антонина Максимовна, — вон пристань так до сих пор и не восстановил...» Значит, один «пикет» он все-таки оставил.

А из Дубовки на рынке так никого и не нашел. Ну, да ведь, вспомнил я, по Дубовке постановления областной прокуратуры пока еще не было...

ВОЛГОГРАД — САРАТОВ — МОСКВА

Коллаж И. ЛУТЦА

Письмо в редакцию

По отношению ко мне допущена явная несправедливость.

В ноябре 1985 г. в прокуратуру г. Сортавала поступило анонимное письмо, в котором я обвинялся в хищении гранитного памятника с финского кладбища. И хотя это была самая настоящая выдумка и клевета, прокуратура возбудила против меня уголовное дело. Стремясь доказать мою виновность хоть в чем-нибудь, следователи стали собирать на меня всякую грязь. Но все их усилия оказались тщетными, дело рассыпалось, как карточный домик, и было прекращено за недоказанностью. Тем не менее прокурор города Попов Л. Н. дал необъективную, порочащую меня информацию в горком партии и на предприятие, где я работаю, в результате чего я был исключен из партии и освобожден от должности главного инженера.

Н. И. МАРТЫНОВ

СОРТАВАЛА

Комментарий нашего корреспондента

По просьбе редакции прекращенное дело Мартынова было истребовано в Москву, и я ознакомился с ним в Прокуратуре РСФСР. Все, что написал в своем письме Мартынов, подтвердилось.

Действительно, в анонимке недвусмысленно говорилось о том, что Мартынов совершил акт «вандализма», сняв гранитный памятник с финского кладбища и переделав для установки на могиле своей матери Не буду вдаваться в подробности, но проведенная работниками милиции по указанию прокуратуры доследственная проверка доказательств таким обвинениям не нашла. Однако это не помешало и. о. начальника Сортавальского ГОВД капитану милиции Л. П. Автуховичу проинформиро-

ОБМАН

вать горком партии о том, что «в ходе проверки факты злоупотребления служебным положением и хищения памятника со стороны Мартынова Н. И. подтвердились». Против Мартынова возбуждается уголовное дело. Несмотря на то, что, проверив все обстоятельства, следователь В. И. Данилин счел необходимым прекратить его, прокурор г. Сортавала Л. Н. Попов через три недели после полной реабилитации Мартынова направляет в Сортавальский горком КПСС информационную записку, в которой опять утверждает, что Мартыновым «с финского кладбище был увезен гранитный памятник, вновь обработан и... установлен на могиле матери Мартынова». Далее в информационной записке перечисляются как установленные следствием эпизоды злоупотребления служебным положением, хотя и в этой части дело прекращено за отсутствием в действиях Мартынова состава преступления. В заключение прокурор Попов ставит вопрос об освобождении Мартынова от должности.

Мартынов сообщил в редакцию, что аналогичное письмо Попова было зачитано 20 ноября 1986 г. на партийном собрании, исключившем Мартынова из партии, а на следующий день это же письмо цитировалось на заседании горкома.

На необъективность прокурора города Мартынов жалуется в Прокуратуру Карельской АССР. Однако начальник отдела С. М. Кибизов и первый заместитель прокурора автономной республики М. И. Павлов, защищая честь мундира, представляют в Прокуратуру РСФСР свое заключение, заканчивающееся выводом: «Жалобы Мартынова не подлежат удовлетворению».

Ознакомившись с делом, редакция «Литературной газеты» попросила руководство следственного управления Прокуратуры РСФСР высказать свое отношение к этой малоприятной истории. И вот получен ответ: «Доводы Мартынова о представлении необъективной информации прокуратурой г. Сортавала в партийные органы при проверке подтвердились. По указанию Прокуратуры РСФСР информационная записка из Сортавальского ГК КПСС отозвана. За допущенное нарушение служебного долга и представление в ГК КПСС непроверенных сведений в отношении Мартынова прокурор г. Сортавала Попов Л. Н. приказом прокурора Карельской АССР привлечен к строгой дисциплинарной ответственности (объявлен строгий выговор. — И. К.), ему поручено принести Мартынову извинения.

Зам. начальника следственного управления Прокуратуры РСФСР

Г. Р. ЛАЙНЕР».

Через некоторое время мы получили сообщение о том, что Попов извинился перед Мартыновым, а неправильные действия работников Прокуратуры Карельской АССР Павлова и Кибизова обсуждались на расширенном заседании коллегии прокуратуры этой республики.

Впрочем, весьма любопытно, как именно проходила эта «процедура извинения». В редакцию позвонил Мартынов и с обидой рассказал, что прокурор Попов извиняться перед ним не стал, а лишь... передал извинения прокурора Карельской АССР Богданова «за допущенную неточность». Но ведь «неточность» (правильней ее было бы назвать ложью, обманом, извращением фактов и т. п.) допустил сам Попов, а извинения передает он от имени вышестоящего прокурора. Возникает далеко не праздный вопрос: а может ли человек, для которого важнее всего собственная амбиция, работать в органах, осуществляющих согласно Конституции СССР высший надзор за соблюдением законности?

И. КАПЛУН,
специальный корреспондент «Литературной газеты», полковник юстиции в отставке

М. МАКСИМОВ, спец. корр. «ЛГ»

Югославский урок

ЧАСТО слышишь в последнее время: само.., само.. Самофинансирование. Самоокупаемость. Самоуправление... А что это такое?

Энциклопедический словарь издания 1955 года трактует понятие «самоуправление» как буржуазное. Вышедший через 25 лет тот же словарь сообщает, что «Самоуправление» — название нелегальной газеты, выпускаемой группой социалистов-федералистов в Женеве в конце прошлого века. Другого разъяснения не дается.

А ведь на июньском Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев назвал самоуправление мощным стимулом для проявления инициативы и самодеятельности трудящихся. Как же действует на практике этот стимул?

Мне показалось интересным присмотреться к опыту Югославии, где вот уже более 30 лет испытываются различные формы самоуправления.

Как это начиналось

Известно: страны — как люди. У каждой свой характер, своя судьба. Мое открытие Югославии связано с XX съездом. Почти четверть века назад я приехал сюда впервые, приехал как к реабилитированному другу. Восхищался его мужеством, свободолюбием и жизнестойкостью. Поражался истовой вере в наши идеалы, невзирая на трагические изломы недавнего прошлого, желанию найти свой собственный путь. Я писал тогда, что меня удивило одно обстоятельство, показавшееся с непривычки странным: куда бы ни заходил, с кем бы ни встречался, тема разговора была одна и та же — экономика, хозяйственный механизм, хозрасчет. Тогда же впервые услышал о югославском самоуправлении, которое, собственно говоря, и родилось в противовес бюрократическому сталинизму. В отличие от круто замешенного централизма, сквозь который не мог пробиться живой росток демократии, самоуправление означало децентрализацию власти, передачу ее на предприятиях в руки рабочих советов, контролировавших всю деятельность администрации. Особенно поражала воображение входившая тогда в жизнь практика выборности руководителей, даже главных редакторов.

И вот я снова здесь. Хожу по нарядным улицам Белграда, Любляны, Сплита, где внешне мало что изменилось. А на самом деле?

Коллеги из еженедельника «Нин» сумели предельно четко и организованно использовать уж очень краткую неделю моей командировки, чтобы, не говорю постичь, хотя бы в общих чертах понять ситуацию, сложившуюся за последнее время в югославском обществе. Удалось встретиться с разными людьми и представить довольно широкий спектр мнений.

Итак, меня интересовало, как функционирует система самоуправления, дала ли она ожидаемые результаты, и если нет, то почему.

Свой первый визит нанес Найдену Пашичу. Главный редактор «Нин» Мирко Джекич неспроста рекомендовал его. Во-первых, по чисто корпоративным соображениям: профессор Пашич — один из ос-

советы которые отныне приобретали право принимать решения по всем животрепещущим вопросам данного предприятия: о плане, объеме продукции, перспективах развития, о финансовых делах. Рабочий совет выбирался тайным голосованием.

Но уже в первой фазе самоуправления существовала некая двойственность. С одной стороны выборный рабочий совет, с другой — назначаемый сверху директор и его команда — администрация.

В 1946 году в Югославии была принята новая конституция. Она взяла многое из так называемой сталинской. В 1953 году ее дополнил конституционный закон о самоуправлении. В 1963 году принята вторая конституция, а в 1973-м — третья. Сейчас уже четвертая действует. Однако, несмотря на частую смену Основного закона, программа СКЮ о самоуправлении, принятая на VII съезде в 1958 году, оставалась неизменной...

Я спросил: значит, партия заинтересована в развитии самоуправления?

— В центре — да, на местах — не очень. Ибо каждый шаг в последовательном развитии идей самоуправления уменьшает власть руководителей. Мы объективно говорим о том, что основным противоречием в нашем обществе является противоречие между самоуправляемым производителем и структурой политической и экономической власти. Материальной основой административной бюрократии является монополия государства на средства производства. Такая монополия превращает государство в универсального раб..дателя и собственника основных средств производства. Это укрепляет позиции руководителей. А основное наше стремление в том, чтобы сами рабочие решали вопросы экономики.

— Если я правильно понял, то главное противоречие в том что государственной собственности уже не существует, она передана на предприятия, а партийные и правительственные органы все еще обладают огромными правами в деле проведения тех или иных экономических мер, то есть руководят тем, чего, по существу, не имеют и за что не отвечают?

— Именно в этом. Но не только. До начала 60-х годов 70 процентов всех основных средств находилось в руках государства и 30 процентов — в руках предприятия. Коренное изменение произошло тогда, когда государственные средства перекочевали в банки. Встал вопрос о том, что такое банк: учреждение, которое контролирует движение капитала, или это так называемая длинная рука государства?

По новому закону, принятому в начале 60-х годов, банк должен находиться под контролем рабочих, которые держат в нем свои средства. Они выбирают из своей среды делегатов, контролирующих деятельность банка.

Так в теории. А на деле государственные органы диктовали банкам, как распределять деньги. И достаточно было одного телефонного звонка какого-нибудь правительственного чиновника, чтобы миллиардные средства пошли туда, куда

рушено законодательство — не согласовали вопрос с комиссией по кадрам. Три раза коллектив избирал своего кандидата, три раза община не утверждала его.

Тогда рабочий совет обратился в Конституционный суд Сербии. Наше решение было таково: утвердить кандидата предприятия, поскольку согласование в комиссии по кадрам, согласно закону, не обязательно.

Это не прошло даром Конституционному суду. На него напали и политические деятели, и даже печать. Но наш вердикт должен быть выполнен, ибо это последняя инстанция, решение Конституционного суда обжалованию не подлежит.

— Если можно, чуть подробнее о вашем суде.

— У Конституционного суда очень

БЕЛГРАД: старое и новое

Фото Иво ИТЕРОВИЧА

сильные позиции в обществе, ответственные функции. Мы даже в состоянии заявить, что какие-то положения или законы не согласуются с конституцией и могут быть отменены. Если скупщина (парламент) в течение 6 месяцев не изменит закон, на который указал Конституционный суд, то он теряет силу.

Судьи Конституционного суда (их 11 человек) обладают серьезным иммунитетом. Они избираются на 8 лет скупщиной. Мандат судьи не может быть сокращен или прерван. Есть только три условия, которые могут повлиять на это: бо-

Он уже второй год председатель Центрального рабочего совета верфи. Об этой своей обязанности привык, судя по всему, говорить с журналистами. И начинает как по писаному:

— Самоуправление на предприятиях, в цехах, на участках и т. п. осуществляется путем принятия решений на общих собраниях, референдумах, через делегатов рабочих советов.

На верфи работают 7,5 тысячи человек. Она состоит из нескольких фабрик. На каждой — свой рабочий совет, который избирает делегатов в Центральный совет

совет занимался бы стратегией, перспективным планированием (с помощью соответствующих профессиональных служб), а дирекция, получив всю полноту власти, это наилучшим образом выполняла.

Тут любопытно было бы узнать мнение представителя администрации, о которой так печется председатель рабочего совета. На сей раз я выбрал сферу, близкую нашей газете, и вместе с коллегой из «Нин» Ненадом Бриски отправился в Любляну, где находится крупнейшее издательство Словении «Цанкарьева заложба».

Но прежде — о самом издательстве. Выпускает около 100 названий в год. Книги самые разные — от словарей до художественной прозы. Тяготеет и сериям, скажем, таким: «100 романов мировой классики», «Нобелевские лауреаты по литературе»... Проблема в тиражах. На словенском сегодня говорят 2 миллиона человек, поэтому 10 тысяч — предел мечтаний. Выручают энциклопедии и словари. А еще совместные с другими странами издания. Выпустили вместе с Оксфордским университетом учебник английского языка для самых маленьких. Или вот 2 тома гастроэнтерологического атласа для врачей. Печатали в Любляне, а часть тиража взяли партнеры. Предложили, кстати, и нашей «Международной книге». Но это так, между прочим.

Директор Мартин Жнидерсич и главный редактор Янес Станич, перебивая друг друга, объясняли особенность их рабочего, или издательского совета.

— О, это наша верховная власть! — воскликнул импульсивный директор «Цанкарьевы заложбы». — У него есть отличие от ему подобных. Совет состоит из двух частей, палат что ли: внутренней и внешней. В первую часть тайным голосованием избирают издательских работников различных профессий: редакторов, продавцов книжных магазинов, шоферов и проч. Всего 18 человек на 330 работающих. Вторая часть состоит из 9 человек со стороны — представители Союза писателей, Союза переводчиков, других общественных организаций, университета. Положением определено, какие вопросы решает весь совет, а какие — только его внутренняя часть. Скажем, программу издательства на год утверждает большинство всего совета, а чисто редакционные дела — только 18 человек. Председатель выбирается из 9 пришлых, а его заместитель — из своих. Директор подотчетен не председателю, а совету. С другой стороны, как и на верфи, он может наложить на его решение вето.

Директора и главного редактора выбирают по конкурсу, условия которого публикуют в печати. Специальная комиссия рассматривает кандидатуры, их соответствие выдвинутым условиям.

В заключение мои собеседники говорят: вообще-то, если директор хорошо себя проявил и сам уходить не собирается, тогда конкурентов бывает мало, а то и во-

номике. Сам факт, что идеология у нас впереди экономики, ведет к нарушению порядка вещей. Мы все еще производим больше идеологии, нежели товаров, — в этом наша слабость. Нужно найти равновесие между тем и другим. Некоторые, правда, уже нашли. Они получают идеологию дома, а товары — за границей.

Кроме того, следует иметь в виду (и в этом наше основное противоречие), что децентрализация превратила Югославию в ряд самостоятельных островов, в которых все меньше становилось самоуправления, а все больше ощущалось администрирование. Другими словами, начался процесс демонтажа югославской федерации. От этого процесса ни одна из республик или автономных краев не хотела отстать. Особенно наглядно это проявилось в Косово. Ее единственная особенность — примитивная форма сепаратизма, экономическая, социальная, культурная неразвитость, национализм. Некоторые руководители Косово оставались у власти со времен второй мировой войны. Они были несменяемы.

И это не самое главное. Мы переживаем кризис не только самоуправления, но и власти. Ошибочные решения принимались не только в кадровой политике, но и в экономике. Один ушедший на пенсию руководитель Хорватии заметил, что его вина в инвестиционной политике составляет всего 0,5 процента. Молодежная газета Загреба тут же подсчитала сумму потерь и предложила ему выплатить 250 миллионов долларов только по одному объекту — строительству алюминиевого завода на месте, где алюминий отсутствовал, не было ни дорог, ни электроэнергии. А завод построен и не работает. Это было время, когда мы верили, что социализм все может: алюминия нет — добудем, дорог нет — построим, электроэнергию найдем.

Мы съели все кредиты, которые брали за границей, и оказались на бобах. И сейчас пришли к тому, что чувствуем себя не столько югославами, сколько сербами, словенцами, хорватами или черногорцами. Таким образом, мы достигли вершины теории абсурда.

Теперь модно быть пессимистом. Но лично я, думая о будущем, обращаюсь мысленно к нашей партии и надеюсь, что ей вновь удастся справиться с проблемами.

Надо иметь слух для новых идей, тоже социалистических. Но они должны отличаться от привычных представлений. Мы пока находимся в детском саду демократии. Пора переходить в школу.

Баляша Шпадиер. Во все времена серьезные политические изменения вызывали негативное к себе отношение.

Но несмотря на ту критику, которая здесь звучала, я считаю, что главным достижением Югославии стали те изменения, которые произошли в наших мыслях. Я уже никогда не смогу молчать, если с чем-либо не согласен. У нас существует общественное мнение, и оно непосредственно влияет на политику.

В начале 70-х годов появилась идея сформировать на предприятиях группу, которая будет и руководить, и отчитываться перед коллективом. Но возникала опасность технократии. И мы отказались от этого. И теперь у нас смешанная система отношений, без четкого разграничения. Сейчас опять возникает желание создать на предприятиях некое единовластие с периодическим отчетом перед коллективом, скажем, раз в полгода

ей командировки, чтобы, не говорю постичь, хотя бы в общих чертах понять ситуацию, сложившуюся за последнее время в югославском обществе. Удалось встретиться с разными людьми и представить довольно широкий спектр мнений.

Итак, меня интересовало, как функционирует система самоуправления, дала ли она ожидаемые результаты, и если нет, то почему.

Свой первый визит нанес Найдену Пашичу. Главный редактор «Нин» Мирко Джекич неспроста рекомендовал его. Во-первых, по чисто корпоративным соображениям: профессор Пашич — один из основателей еженедельника «Нин». Во-вторых, по соображениям дела — у него много книг и статей по самоуправлению. В-третьих, он владеет предметом не только как теоретик, но как практик, находясь на одной из верхних ступенек иерархической лестницы самоуправления. Н. Пашич — судья Конституционного суда Сербии (был им по крайней мере до дня моего визита, но об этом чуть позже), а еще член президиума республики и депутат палаты национальностей ее веча, член ЦК СК Сербии и ЦК СК Югославии и т. д. и т. п. Человек весьма уважаемый и среди политиков, и среди ученых, и среди журналистов.

Начали мы с кофе по-турецки, к которому подали рахат-лукум. Судья заметил:

— Мы, как известно, свыше 500 лет были под турецким владычеством и никак не можем избавиться от привычки пить такой кофе. Не правда ли, удобная форма для оправдания нашей отсталости? Впрочем, турки тоже ссылаются на Сербию, когда хотят оправдать свои недостатки...

Эта самоирония задала тон всему разговору о самоуправлении — деловому, заинтересованному и очень откровенному. Мой собеседник не пытался подсластить рахат-лукумом горькую пилюлю, он размышлял вслух об очень для себя важном и наболевшем.

Судья Пашич начал с истории вопроса:

— 37 лет действует югославская система самоуправления. В 1950 году предприятия передали во власть самих работников. Это был очень тяжелый период, и именно в таких трудных условиях самоуправление как идея показало свою жизнеспособность. Вспомним — то было время, когда Югославия находилась в конфликте с Информбюро, она фактически была изолирована от мира и могла рассчитывать только на себя. В таких условиях введение самоуправления значительно увеличило заинтересованность рабочего класса в своем труде.

Начало было скромным, без особых эффектов. Закон о самоуправлении был весьма лаконичным. Он предписывал создавать на всех предприятиях рабочие

рое контролирует движение капитала, или это так называемая длинная рука государства?

По новому закону, принятому в начале 60-х годов, банк должен находиться под контролем рабочих, которые держат в нем свои средства. Они выбирают из своей среды делегатов, контролирующих деятельность банка.

Так в теории. А на деле государственные органы диктовали банкам, как распределять деньги. И достаточно было одного телефонного звонка какого-нибудь правительственного чиновника, чтобы миллиардные средства пошли туда, куда нужно не рабочим, их заработавшим, а местным властям. И когда сейчас мы провели серьезный анализ всех капиталовложений, выяснилось, что они вкладывались часто нерационально, без учета интересов всего общества. Но главное — во всем этом трудно было найти виновного.

Вот и сосуществуют две системы: формальный самоуправленческий фасад — рабочий совет, делегаты банков — и огромная сила неформальных правительственных влияний. Это сказалось и на отношениях внутри югославской федерации.

— Не вижу связи...

— Связь прямая. Власти республики думают зачастую только о своих местных интересах в ущерб общеюгославским. Появляются идеи о самостоятельной замкнутой республиканской экономике.

Дело в том, что мы не смогли осуществить одну из целей самоуправления — свободное взаимодействие самоуправляемых предприятий на территории всей Югославии, главной целью которых является экономический интерес. К сожалению, многие системы самоуправления исказили свой первоначальный лик. И хотя теперь рабочий совет может выбирать администрацию, все же первое слово и в этом процессе принадлежит политической власти, которая, по существу, утверждает кандидатуру руководителя.

— Каким образом?

— Чтобы осуществлять контроль над выборами руководителя любого ранга, в рабочем совете имеется комиссия по кадрам. К ней апеллируют, когда налицо конфликтная ситуация. Если же и она не решила спора, обращаются к нам. В Белграде был такой случай. На предприятии точной механики избирали директора. Община прислала своего кандидата. У него на прежнем месте истек срок полномочий — вот ему и решили подыскать теплое место. Рабочий совет с этим резко не согласился, у него свой кандидат, о котором коллектив был очень высокого мнения. Предприятие выбрало своего кандидата. Но с этим не согласилась община (область), указав на то, что было на-

сильные позиции в обществе, ответственные функции. Мы даже в состоянии заявить, что какие-то положения или законы не согласуются с конституцией и могут быть отменены. Если скупщина (парламент) в течение 6 месяцев не изменит закон, на который указал Конституционный суд, то он теряет силу.

Судьи Конституционного суда (их 11 человек) обладают серьезным иммунитетом. Они избираются на 8 лет скупщиной. Мандат судьи не может быть сокращен или прерван. Есть только три условия, которые могут повлиять на это: болезнь, арест, собственная отставка...

Тут я хочу прервать рассказ Найдена Пашича. Накануне нашей встречи он так и поступил: подал в отставку до истечения мандата — ему оставалось полгода. Вопрос принципа: как быть, если по закону работник старше 65 лет с трудовым стажем не менее 40 лет должен идти на пенсию, но мандат, который он получил на выборах, еще действует? Пашич принял решение для себя и, надеется, для других — об этом его поступке писали газеты...

— Когда-то считали, — говорит на прощание профессор, — что дорога самоуправления — прямая и гладкая. А она оказалась вся в ухабах.

— Где же выход?

— Главное, чтобы предприятие оказалось как можно дальше от центральной власти, чтобы могло обеспечить свободное движение рабочей силы, финансов и средств производства.

Впрочем, поезжайте на какое-либо предприятие — получите новый срез проблемы.

День нынешний

Сплит. Знаменитая судоверфь, где построено много судов для нашего флота. На стапелях возвышается еще не крашеная громадина танкера «Илья Чавчавадзе», а чуть поодаль на профилактическом ремонте стоит «Ната Вачнадзе». Вокруг снуют люди в спецовках. Поначалу впечатление такое, будто попал на съемочную площадку: тот же бедлам и отсутствие логики. Но постепенно сквозь кажущуюся бессмысленность в движении человеческих фигур и механизмов проступают контуры неких закономерностей: одни готовят к погрузке необходимые детали, взятые со склада, другие грузят и отвозят к остову корабля, от него спешат третьи, эти потоки встречаются, плавно обходят друг друга и начинают новый виток по хорошо налаженному маршруту.

Мой спутник Карло Булич взирает окрест начальственным оком, хотя должность его весьма скромная — экономист.

Он уже второй год председатель Центрального рабочего совета верфи. Об этой своей обязанности привык, судя по всему, говорить с журналистами. И начинает как по писаному:

— Самоуправление на предприятиях, в цехах, на участках и т. п. осуществляется путем принятия решений на общих собраниях, референдумах, через делегатов рабочих советов.

На верфи работают 7,5 тысячи человек. Она состоит из нескольких фабрик. На каждой — свой рабочий совет, который избирает делегатов в Центральный совет верфи.

В прошлом году переизбрали генерального директора. Он был единственным кандидатом. Потому что его никто не хотел менять. Хорошо, значит, себя проявил. По правилам генерального директора избирает рабочий совет. Голосовали открыто — рабочий совет сам решает, как будет голосовать.

Как мы можем влиять на политику генерального? Надо учесть, что рабочий совет — это как бы законодательная власть, а директор — исполнительная. Но право вето у генерального. Как почему? Потому что функция руководства предприятием — главная функция. Но если рабочий совет считает действия дирекции неправомочными, он тоже может приостановить ее действия. Нет, нет, за мои два года этого, слава богу, не случалось. А на других предприятиях бывало. Иногда доходило до того, что рабочие советы снимали с должности директоров. А что профсоюзы? Никакого дублирования. Вмешиваться в дела рабочего совета ни профсоюзная, ни партийная организации не имеют права, хотя профсоюз может отозвать плохо работающего члена рабочего совета.

Если мастер хочет уволить рабочего, он должен заявить об этом в дисциплинарную комиссию рабочего совета. Только она может дать разрешение. Рабочий не удовлетворен? Идет в свой совет. Неудача? Тогда в профсоюз. И уже потом в суд.

Вся эта система, считает Карло Булич, действует сейчас слишком либерально. Зачастую ни дисциплинарная комиссия, ни рабочий совет не хотят дать санкцию на увольнение даже отъявленному лодырю. Из ложно понятой классовой солидарности. Это разлагающе действует на коллектив.

Председатель уверен, что надо дать больше прав в этом вопросе дирекции, чтобы повысить дисциплину и чтобы действовало не только самоуправление, но и просто управление. То есть рабочий совет верфи требует, по существу, усиления административного воздействия на жизнь коллектива. Он за то, чтобы более четко разделить функции власти:

дела — только 18 человек. Председатель выбирается из 9 пришлых, а его заместитель — из своих. Директор подотчетен не председателю, а совету. С другой стороны, как и на верфи, он может наложить на его решение вето.

Директора и главного редактора выбирают по конкурсу, условия которого публикуют в печати. Специальная комиссия рассматривает кандидатуры, их соответствие выдвинутым условиям.

В заключение мои собеседники говорят: вообще-то, если директор хорошо себя проявил и сам уходить не собирается, тогда конкурентов бывает мало, а то и вообще ни одного. Так выбирали нынешнего... Но по идее, считает Станич, во время выборов должен быть выбор...

Что за горизонтом?

Весь в сомнении возвратился в Белград. Как же так, недоумевал я, возможно ли запрягать телегу с двух концов, куда же она двинется и двинется ли вообще? Как совместить право вето директора с его подчиненностью рабочему совету? А выборы! Зачем они — проформы ради или в них видят действительное проявление демократии?

А тут еще начался пленум ЦК СКЮ по проблемам, сложившимся в автономном крае Косово. По телевидению транслировали его работу, затем шли кадры демонстрации жителей области, приехавших в Белград. И вновь вопрос: соотносится ли как-то Косово с проблемами югославского самоуправления?

Мирко Джекич позвонил и сказал, что нашел еще двух весьма подходящих собеседников. Один из них — огромный человек-гора, председатель рабочего совета редакции «Нин», известный журналист, ведущий рубрику «Общество и политика», Александр Тиянич. Второй — профессор факультета политических наук Белградского университета Балша Шпаднер. Они представляли полярные взгляды на проблему.

Александр Тиянич. Думаю, следует говорить о кризисе самоуправления, который привел к кризису в Косово. Дело в следующем. Самоуправление — это пока только проект, большой, величественный проект. Его главная слабость — в теоретической основе. В истории не существует примера, из которого можно было бы черпать опыт самоуправления. Нам никто не может преподать урок, приходится идти в темноте, шарахаться то влево, то вправо, а в последнее время шагать назад.

Это мое личное мнение, но причина такого положения в том, что самоуправление подчинило себя идеологии, а не эко-

ния, которые произошли в наших мыслях. Я уже никогда не смогу молчать, если с чем-либо не согласен. У нас существует общественное мнение, и оно непосредственно влияет на политику.

В начале 70-х годов появилась идея сформировать на предприятиях группу, которая будет и руководить, и отчитываться перед коллективом. Но возникала опасность технократии. И мы отказались от этого. И теперь у нас смешанная система отношений, без четкого разграничения. Сейчас опять возникает желание создать на предприятиях некое единовластие с периодическим отчетом перед коллективом, скажем, раз в полгода или ежегодно.

Когда мы говорим о перспективе развития самоуправления, то есть о том, быть ему или не быть, следует проанализировать природу нынешнего кризиса в Югославии. Мы долгое время избегали слова «кризис». А сейчас, возможно, чересчур часто употребляем его. Но наш кризис — это не то, что обычно имеют в виду: например, кризис в США в 1929 году

В Югославии сегодня речь идет скорее о застое. А поскольку мы — развивающаяся страна, этот застой превращается в кризис.

Единого рецепта, чтобы лечить болезнь, увы, нет. Много разноречивых факторов привело к застою. Мне кажется, что без самоуправления кризис в Югославии был бы более глубоким. Наша децентрализованная система действует на местах, как амортизатор. Если в Польше происходит забастовка в Гданьске, то ощущается она сразу и в Варшаве. Когда же у нас забастовка в Риеке, то это потрясение прежде всего для самого города, потом для республики, а затем, как круги на воде, она в ослабленном виде доходит до Белграда.

В таком действии амортизатора есть и плохие стороны — децентрализация разобщила рабочий класс

И все же, невзирая на все недостатки, отмеченные здесь, я говорю: больше самоуправления меньше самоуправства!

В ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ командировки узнал, что главный редактор «Нина» покидает свой пост. Рабочий совет предлагает кандидатуру сотрудника редакции. Сверху хотят прислать своего. Кто кого? Саша Тиянич уверен, что сегодня никто в Югославии не может заставить рабочий совет изменить свое мнение и что демократические выборы сделают достойный выбор, то есть победит их кандидат. «Не потому, что он наш, а потому, что он лучший, — нам ведь виднее», — сказал Саша.

БЕЛГРАД — МОСКВА

Книжная **ПОЛКА**

НЕТ БОГА, КРОМЕ РЫБЫ

КАК ЖИВУТ перуанцы? Чем заполнен их день? Какой автобус ходит по улицам Лимы — столицы Перу? Неужели и там, в маленькой латиноамериканской стране, есть такая проблема, как автомобиль? Почему характер перуанца меняется к худшему, едва он садится за руль? Существует ли наркомания в Перу? Неужели в Лиме более трехсот маленьких и больших рынков?

Как ни велик интерес нашей читательской публики к дальним «экзотическим странам», он не меньше и к нашим соседям. Неужели в Стокгольме, городе вроде бы нам известном, целые острова принадлежат частным лицам? Вроде бы мы с Финляндией все друг о друге знаем, однако не устаем делать открытия и в этой интереснейшей стране, уже многие годы исповедующей добрососедство как политику. Передо мной две книги, разные и в чем-то сходные.

Вадим Листов рассказал о Перу. Интересно и с такими запоминающимися деталями, что, прочтя его книгу, представляешь себе объемнее, как живут перуанцы, как выглядит перуанская столица Лима. Словом, автор помог нам открыть еще одну латиноамериканскую страну. Мне особенно врезалось в память, что лимская улица — хранительница старинных традиций. Чего стоит «водяной карнавал»! Он чем-то похож на праздники Ивана Купалы где-нибудь в российской деревенской глубинке. Если в Лиме на машину плеснут водой, значит, наступило 1 февраля, значит, в Перу пришло «настоящее» лето. Там все сезоны — «наоборот» нашим! В этот день и взрослые, и дети обливают друг друга водой из ведер, тазов, всевозможных посудин. Заодно достается прохожим и проезжающим, но никто не обижается. Делается все в этот праздник с темпераментом, нередко даже наносятся и травмы. В этом случае приходят на помощь и «скорая», и полиция...

Есть в Перу День Влюбленных. Светлый праздник! Он радует перуанцев, делает их моложе, добрее. Есть там и День Отца, и День Матери. В. Листов назвал свою оригинальную книгу «В стране золотого Туми». В самом названии много загадочного, чисто перуанского. Хотите разгадки — читайте саму книгу.

Виктор Родионов рассказал о Скандинавии. Признаться, когда слышишь об этой части Европы, то поеживаешься. Она для многих — традиционно холодная часть континента. Такое определение в чем-то близко к истине, но в основном наши представления не точны. Вряд ли многие соотечественники представляют себе, как много цветов в Норвегии или Финляндии. В любое время года, вот ведь в чем дело. Хотя Осло и Хельсинки севернее Москвы. Мало кто из наших читателей представляет себе семейные традиции шведов или тех же финнов. А они очень любопытны. Их там заботливо оберегают, относятся к ним возвышенно. Несмотря на американские фильмы, рок или порно-литературу.

Мы давно привыкли, что «вольво» — знаменитая марка только шведского автомобиля. На самом же деле речь идет об интереснейшем промышленном предприятии. Оно не выпускает свою продукцию ради каких-то «показателей». Ее делают ровно столько, сколько необходимо! Делают хорошо, без сбоев. В частности, сборка автомашин «вольво» идет не на конвейере, а бригадами, с использованием высококвалифицированной рабочей силы.

Есть в Швеции студенческий город Упсала. В нем свой праздник. Каждый год в канун Вальпургиевой ночи! И студенты берегут свое право именно в этот день давать волю своим чувствам.

Наконец, всего о двух шутках. В. Родионов привел в своей книжке такой пассаж одного из своих датских знакомых:

— Вы знаете, как повели бы себя двое шведов, двое норвежцев и двое датчан, доведись им очутиться на необитаемом острове? Шведы не стали бы разговаривать друг с другом — ведь их не познакомили. Норвежцы пустились бы в возвышенные разговоры о былом величии викингов. Ну, а датчане сразу сошлись бы за бутылкой вина и веселой беседой.

Привел автор и слова самого крупного исландского писателя Х. Лакснесса, вложенные им в уста одного из своих героев.

— Какому богу здесь все поклоняются?

— Нет бога, кроме рыбы...

Как же много разного и похожего у обитателей Земли!

Игорь БЕЛЯЕВ

ВЕРКОР

Веркор (настоящее имя Жан Брюллер) — выдающийся писатель Франции, герой антифашистского Сопротивления. В этом году ему исполняется 85 лет. Книги Веркора — «Молчание моря», «Люди или животные!», «Сильва», «Квота, или Сторонники изобилия», «Волчий капкан» — хорошо знакомы советским читателям. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей рассказ Веркора, который он передал для публикации «Литературной газете». В излюбленной им форме притчи писатель ставит вопрос о том, что делает человека человеком.

В ТО НЕЗАПАМЯТНОЕ время на земле царило лишь черное множество Безымянности. Деревья, цветы, реки, горы, блеск восходящего солнца как бы и не существовали вовсе, так как некому было осознать их красоту. Глаза были для того, чтобы смотреть, а не видеть; уши — чтобы слышать, а не слушать; мозг — чтобы управлять телом, а не думать.

Грозный саблезубый тигр держал в страхе первозданный лес. И настолько сильным был инстинкт смерти, что тигр, даже сытый, продолжал убивать все, что попадалось ему в лапы. Жертвы его были неисчислимы. Своего убийцу они узнавали только тогда, когда тот прыгал им на спину. Лишенные памяти, живущие настоящим мгновением, они не догадывались о существовании страшного тигра. Смерть свою принимали молча, безропотно, без удивления.

В молчании этой ночи одно лишь слепое чувство руководило жующим, бегающим, собирающим, переваривающим, совокупляющимся природным муравейником. Движениями управляли страх, голод, боль, вожделение, ничто не предвещало пробуждения сознания. Даже обезьяны, наиболее развитые животные, не отличали действие от чувства, удовольствие от возбуждения, неподвижность от страха. Они прыгали, карабкались, перебирались с ветки на ветку, не останавливаясь ни на минуту. Для большинства голод означал, что надо собирать плоды, для некоторых из них к плодам изредка добавлялась живая добыча. Но и те, и другие подчинялись глубинным инстинктивным побуждениям.

В то утро, пробираясь сквозь папоротник, примат шел по пахучему следу. Он следовал за добычей, как вагон следует за локомотивом. Его вел запах, вперед толкало непреодолимо сильное желание насытиться. Когда запах усиливался, у самца выступала на губах слюна. Когда ветер относил запах в сторону, самец ворчал от нетерпения и неудачи. После долгого преследования он увидел наконец сквозь ветви добычу. Зверь спокойно жевал молоденькие ростки. Тот же мощный инстинкт заставил охотника поменять место, чтобы ветер не донес до жертвы его собственный запах, не выдал его присутствия. С сочившейся из уголков рта слюной самец бесшумно, как кошка, медленно взобрался на дерево. Там он застыл в ожидании. Из-под нависших надбровных дуг сверкали глаза. Они зорко следили за каждым движением выслеженной жертвы.

И вот наконец самец прыгнул и подмял ее под себя. Огромными руками он обхватил хрупкую голову и одним ударом сломал шею.

Он уже вгрызался острыми клыками в горло, когда гигантская тень на мгновение заслонила небо в зияющей дыре сломанных ветвей. Самец почувствовал, как на него навалилось что-то тяжелое. Обожгло спину. Затем огромная лапа отбросила его от добычи. Перевернувшись в воздухе, он упал. Ощущение жизни покинуло его.

* * *

С наступлением вечера раненое животное пришло в себя. Память, как и прежде, молчала. Он чувствовал только веселящий запах лежащего перед ним зверя, живот которого был вспорот, словно ударом сабли. Вывороченные наружу кишки начинали разлагаться. Этот вид, эта кровь, этот запах со сладким привкусом пронзили самца острым желанием и разбудили аппетит. Но пошевельнуться он не мог. Он не способен был вспомнить, почему тело не слушалось его, не удивлялся этому и не старался ничего понять. При каждой попытке встать боль давила его к земле. Как только боль утихала, он пытался приподняться, но все так же безуспешно. Однако потихоньку он все же подполз к своей жертве. Но, приблизившись, устало закрыл глаза и замер на несколько минут в сонном оцепенении. Сильный, волнующий запах заставил его вновь открыть глаза. Последним усилием он подтащил свое разбитое тело к туше и вонзил зубы в кровавую плоть. Удовольствие волной разлилось по всему телу. Он вырвал кусок мякоти и начал жевать. Но вскоре его мощные челюсти замерли в странной усталости. Не выпуская мяса изо рта, он затих, щекой прижавшись к туше, еще продолжая жевать, но все более и более вяло. Наконец челюсти разжались, и кусок мяса выскользнул на землю. Раненый самец надолго провалился в черную пустоту. Сгущались сумерки. Перед глазами вдруг смутно возникла пещера, где самки ожидали его возвращения. Он попробовал приподняться. Но силы оставили его, голова упала на мягкую землю. Еще какое-то мгновение он чувствовал ее освежающую влажность. Пробежал с травинкой муравей. Самец хотел было схватить его. Но веки отяжелели, и он погрузился в тихий сумрак.

Глаза он открыл, когда уже была ночь. В ночном оцепенении перед ним неподвижно стояла большая черная тень. Раненый узнал запах вожака своей стаи. Волна страха и поклонения пробежала по нему. Но пошевельнуться, позвать на помощь у него не было сил. Только чуть сильнее забилось сердце. Он чувствовал за собой право первого, которому принадлежит добыча. И любой, будь то вожак или кто-то другой из стаи, обязан уважать это право. Когда тень приблизилась к его добыче, он не смог удержаться от угрожающего рычания. Застыв, вожак взглянул на соперника. Затем сделал шаг и склонился над тушей. Самцы обменялись грозным ворчанием, но вдруг, казалось неожиданно, раненый умолк. Он не уступил, нет. Ему вдруг стало безразлично. Пусть тот, другой, делает, что хочет. Но, услышав громкое чавканье, раненый зверь почувствовал, как в нем что-то заворочалось. И он взбунтовался. Своя беспомощность представилась ему во всей неотвратимой жестокости. И тогда мелькнувшая в его голове способность осознать, что происходит, вызвала незнакомое страшное волнение. Восхищение, возмущение и ярость были в том волнении. Но была это всего лишь вспышка. Короткое усилие понять истощило его. Накатила властная усталость, пригнула его голову к земле и сомкнула его тяжелые веки. Раненый самец уже не вслушивался в чавканье и хруст разгрызаемых костей. Он скользнул в ночь, которая была темнее и мрачнее ночи, завладевшей лесом.

* * *

Нарождающаяся заря разбудила его в последний раз. Он не помнил ничего и хотел было потянуться и не смог. По-черепашьи поднял голову и огляделся. Перед ним лежал победивший вчера соперник. Лежал он как-то странно, непонятно вытянувшись. Туша задранного зверя, которую тот подмял под себя, исчезла. Соперник слабо всхлипывал. Его глаза, пустые и мутные, смотрели в небо, но не видели его. На горле зияла рана. Глубокая царапина, как удар сабли, шла от уха к животу. Он все еще пытался лизать спекшуюся кровь. Видно, то пришла очередь вожака стать жертвой тигра. Животное слабело на глазах. Оно умирало, не понимая почему. Испускало дух, не жалуясь, не удивляясь и не протестуя. Оно просто подчинялось судьбе, игре обстоятельств. И смерть приняла его безропотный, смиренный отказ.

Перед собой самец увидел себе подобного, тихо испускающего дух. И тогда впервые в голове смертного вспыхнуло волнение еще более сильное, чем испытанное накануне, когда отказ от борьбы столкнулся в нем с инстинктом обладания, когда вдруг ему открылось его бессилие. Беспощаднее и отчетливее сейчас ему открылось понимание того, что он умрет. Умрет, как тот, другой, — безропотно. И он содрогнулся, осознав свою вялую послушность, свое смирение. В нем вспыхнуло что-то не испытанное ранее, похожее на неповиновение, даже протест. От гнева и решимости свело челюсти. В нем поднялось яростное желание загрызть этого согласного со смертью зверя, сомкнуть челюсти на его горле и убежать к самкам. Он так ясно представил себе свой бросок, что, казалось, уже совершил его. Но вялые мышцы даже не вздрогнули. От бессилия собственного тела, от безысходности мозг его обожгло бешенством. Острые клыки впились в корявый корень и так в нем и остались. В бешенстве ему казалось, что все, что окружает его, сговорилось раздавить его. Раздавить не только непослушное тело, ставшее к тому времени таким же далеким, чуждым, таким же враждебным, как этот корень; но раздавить вместе с ним этот влажный мох, эти заросли папоротника, эти деревья в далеком небе, сам этот свод, огромный и безразличный, где маленькой точкой горело безразличное солнце, круглое и неторопливое. И это потрясающее безразличие раздавило его страшным одиночеством. И в предсмертной тьме он, старый примат, понявший, что не будет для него больше другого солнца и другого утра, задыхался от беспомощной ярости. И тогда впервые в бурлении несметных жизней, лишенных сознания, явился великий вопрос: почему? Почему? И впервые этот вопрос был обращен к безучастной Вселенной и требовал от нее ответа. И впервые в тишине упорного молчания природы восстало живое существо, отказываясь смиряться со своим положением. Этот отказ зажег первую вспышку человеческого сознания. На мгновение вспышка осветила тьму, куда погрузился умирающий примат.

И в этом проблеске первый человек понял, что он существует. Что он смертен. Что он один и одинок... И когда смерть положила конец этому бунту, когда она погасила эту первую вспышку, все на земле снова надолго погрузилось в беспросветный рай механической безразличности Вселенной и мрачное подчинение силе обстоятельств.

Перевела с французского Л. ОДИНЦОВА

Рисунок Ю. МИХАЙЛОВА

НАГРАДА КИТАЙСКОМУ ЛИТЕРАТОРУ

Известный китайский переводчик, исследователь русской и советской литературы, ученый и педагог Цао Цзинхуа, 90-летие со дня рождения которого широко отмечается в этом году, за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества награжден орденом Дружбы народов.

Наша газета уже сообщала о том, как проходило чествование Цао Цзинхуа в Пекинском университете, профессором которого уже на протяжении многих лет является этот замечательный литератор, чья многолетняя плодотворная деятельность способствовала популяризации русской и

Роджер САЙМОН — ДИАЛОГ — Юлиан СЕМЕНОВ

Ю. С. Чтобы попасть в Ялту, ты одолел тысячи километров. Столь же длинным был путь для наших друзей из Латинской Америки, Японии. Да и европейским коллегам пришлось отложить все дела и мчаться на нашу встречу. Зачем?

Р. С. Попробую сформулировать. Мы работаем в жанре, который испытывает на себе мощное влияние самых противоречивых сил. С одной стороны, огромная популярность у многомиллионного читателя. С другой — обвинение, подчас справедливое, в принадлежности к «массовой культуре», то есть попросту в примитивности, безвкусице, пошлости и т. д. Несметно число не только читающих, но и пишущих детективы (у нас, в США, национальная ассоциация «детективщиков» — «Мистери райтерс оф Америка» — включает что-то около 800 авторов, причем быть принятым в ассоциацию — большая честь). А вершин, подлинных явлений литературы, не очень-то много... Вот почему так важно собраться вместе представителям различных национальных школ, создающих книги этого телями, так это авторы детективов. Но в том-то и дело, что издания и тиражи далеко не всегда гарантия качества. По нашему замыслу, издательства, которые войдут в пул, будут выпускать книги с грифом нашей ассоциации, ею рекомендованные. Мы принимаем на себя тем самым большую ответственность...

Р. С. Я снова подчеркну: не только за художественный уровень, но и за социальную направленность. К сожалению, среди детективов, выходящих в Америке, да и не только в Америке, есть книги с расистским и шовинистическим душком, социальной функции я вполне разделяю. Но еще большую роль я отвожу созданному нами в Ялте постоянному международному комитету «Писатели — за гражданские права», к работе которого, я уверен, присоединятся многие наши коллеги во всем мире. Сейчас все больше и больше писателей начинают понимать, что их долг бороться с социальными язвами не только пером, то есть не только посредством книг, которые они пишут, но и всеми другими доступными им способами. Человек, в отношении которого допущен, скажем, судебный произвол, или жертва нашей жизни. Боюсь только, что наступит он очень не скоро. Во всяком случае, на наш век сюжетов, увы, хватит...

Ю. С. А в истории их не вычерпать до дна и через столетия! К тому же огромное количество острейших сюжетов из жизни «третьего мира» еще не стало фактом литературы, ибо в этих странах наш жанр фактически только-только начал создаваться. Уже появились очень интересные книги наших коллег в Кении, Алжире, Танзании, в некоторых латиноамериканских странах, где детектива, по сути, не было. Нам предстоит помочь выходу этих писателей на международную арену — им есть что рассказать миру об острейших социальных конфликтах в близкой им действительности. Я абсолютно уверен, что очень скоро мы будем читать детективы, написанные в Парагвае, потому что это трагическая страна.

Р. С. Мне тоже было бы интересно познакомиться с этой литературой. Но позволь мне сделать одно замечание. Мы еще непозволительно плохо знаем не только молодую, нарождающуюся литературу, ся, для вас неприемлема, и эта нетерпимость лишает советского читателя возможности познакомиться с хорошей литературой.

Ю. С. Думаю, такая постановка вопроса в слишком общей форме неправомерна. Надо разбираться с каждой книгой в отдельности. Возможно, причина в другом: как ты знаешь, многие западные детективы грешат слишком уж натуралистично выписанными сценами насилия, сексом, а то и откровенной порнографией.

Р. С. Но насилие и секс не плод писательского воображения, а реальная действительность. Тем более для тех сторон жизни, которых касается перо автора детективов. Он просто точно отражает жизнь.

Ю. С. Способ отражения жизни тоже зависит от писателя — от его культуры, деликатности, вкуса, нравственной чистоты. Быть фотографом и художником не всегда одно и то же. К тому же учти, что зарубежный детектив представлен у нас не только прозой, но и кинематографом, в основе которого тоже лежит чаще всего

Известный китайский переводчик, исследоввтель русской и советской литературы, ученый и педагог Цао Цзинхуа, 90-летие со дня рождения которого широко отмечается в этом году, за большой вклад в укрепление советско-китайского культурного сотрудничества награжден орденом Дружбы народов.

Наша газета уже сообщала о том, как проходило чествование Цао Цзинхув в Пекинском университете, профессором которого уже на протяжении многих лет является этот замечательный литератор, чья многолетняя плодотворная деятельность способствовала популяризации русской и советской литературы в Китае.

Благодаря знаниям и мвстерству Цао Цзинхуа китайские читатели узнали такие произведения русской и советской литературы, как «Три сестры» А. Чехова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Хлеб» А. Толстого, «Города и годы» К. Федина, «Я сын трудового народа» В. Катаева, «Сорок первый» Б. Лавренева.

Работы Цао Цзинхуа «Советсквя литература и ее китвйские читвтели», «О том, кто принес людям огонь с небв», «Китайский народ чтит память Гоголя», «Русская и советская литература в Китав» и другив содействовали становлению и развитию реализма в китайской литературе.

Цао Цзинхуа не раз бывал в нашей стране, его статьи публиковались в советских изданиях. Во время одного из визитов в СССР во главе делегации Общества китайско-советской дружбы Цао Цзинхуа посетил редакцию «Литературной газеты».

Накануне юбилея Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова присвоил Цао Цзинхуа звание почетного доктора.

Мы от души поздравляем Цао Цзинхуа с высокой советской наградой и выражаем самую искреннюю благодарность за его переводческий труд, которому он посвятил всю свою жизнь, за его огромную энергию и добрый талант, за любовь к нашей литературе.

Пекин, ул. Шатан, Союз китайских писателей

Многоуважаемый товарищ Цао Цзинхуа!

От имени советских писвтелей сердечно поздравляем Вас, старейшину китайских исследователей и переводчиков русской и советской литературы, с 90-летием со дня рождения и награждением орденом Дружбы народов!

В нашей стране хорошо знают и высоко ценят Ваш весомый вклад в дело пропаганды литературы народов СССР в Китае, которому Вы, друг и соратник Лу Синя, отдали более 60 лет своей жизни. Мы рады поздрввить Вас и с присвоением Вам звания почетного доктора наук Ленинградского государственного университета, чем отмечены Ваши заслуги в деле подготовки научных кадров.

Желаем Вам, дорогой товарищ Цао Цзинхуа, крепкого здоровья, долгих лет жизни и успехов в Вашем блвгородном труде во имя укрепления дружбы и взаимопонимания между народами наших двух стран.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Роджер САЙМОН — **ДИАЛОГ** — Юлиан СЕМЕНОВ

Шекспир и детектив: НЕ СТЫКУЕТСЯ?

Недввно в Ялте звершилась III сессия исполкома Международной вссоцивции детективного и политического ромвна (МАДПР), об итогах которой сообщалось в «ЛГ». В работе сессии приняли учвстие литераторы из 14 стрвн, в том числе известный американский лисвтель и кинодрамвтург Роджер Саймон. Вместе с советским лисвтелем, президентом МАДПР Юлианом Семеновым он ведет рвзговор о социальной функции детектива и его месте в современной литературе.

популярность у многомиллионного читателя. С другой — обвинение, подчас справедливое, в принадлежности к «массовой культуре», то есть попросту в примитивности, безвкусице, пошлости и т. д. Несметно число не только читающих, но и пишущих детективы (у нас, в США, национальная ассоциация «детективщиков» — «Мистери райтерс оф Америка» — включает что-то около 800 авторов, причем быть принятым в ассоциацию — большвя честь). А вершин, подлинных явлений литературы, нв очень-то много... Вот почему так важно собраться вместе представителям различных национальных школ, создающих книги этого любимейшего читателями жанра, и поговорить об общих проблемах. Прежде всего о престижности жанра...

Ю. С. Я бы сказал иначе: о поощрении, стимулировании, поддержке произведений такого уровня, который только и может сделвть его престижным. Поднять планку! И все время ее повышать! Своим авторитетом наша международная ассоцивция могла бы определять маяки, образцы, эталоны — называй это как хочешь,— отвергая тем самым калтуру, которая есть в любом жанре. Просто в нашем она виднее...

Р. С. Поэтому столь важным мне представляется присуждение ежегодных премий. В общем-то, премиями сегодня никого не удивишь, их раздают повсюду с завидной щедростью. Но в жвнре детектива это большвя редкость, международных же премий такого рода не было вовсе.

Ю. С. У нас в стране лучшие детективы премируются. Это, как правило, ведомственные премии, поддерживающие такие книги, где воспеваются успехи именно двнного ведомства. Для нас же важвн художественный уровень прежде всего. Принадлежность к литературе! Причем — к большой литературе. И в международном масштабе.

Кстати, как ты относишься к мысли, высказвнной нашим другом из Уругвая — писателем и ученым Даниэлем Чвврриа? Он начал родословную детектива от Эдипа и довел ее — через Шекспира и Достоевского — до наших дней.

Р. С. Для меня это непрвложно. «Гамлет» — самое великое детективное произведение, которое я знаю. Высокие и низкие страсти, толкающие на преступление, возмездие, постижение тайны, противоборство добрв и зла на откровенно криминальном сюжете... И какие характеры, какая психологическая глубина!.. Но шекспироведы, наверное, содрогнутся от такого унижения их кумира: Шекспир — и детектив! Не стыкуется...

Ю. С. Потому что сегодня для уважающего себя писателя и для элитарного читателя само словосочетание «детективная литература» несовместимо: если литература, то не детективная, если детективная, то не литература. Вот как славно потрудились для дискредитации жанра калтурщики, а вместе с ними — иные критики, смешавшие в одну кучу литературу и калтуру.

Р. С. Потому-то я придаю такое значение нашей юной ассоциации: поддерживая лишь настоящее, она должна стать барьером для калтуры. Ее рекомвндации, ее марка на вышедшей детективной книге должна стать гвронтом определенного уровня художественности, социальной значительности и гуманистической направленности.

Ю. С. У нас это называют Знаком качества...

Р. С. Я подчеркиваю — все эти три элемента в их неразрывном единстве, потому что многих удовлетворяют в детективе занимательность, развлекательность. Меня ничуть не шокирует книга для рвзвлечения (уметь развлечь — это ведь тоже искусство), но от детектива я жду гораздо большего. Социальной критики прежде всего...

Ю. С. Ты, в сущности, объяснил, почему мы считвем необходимым создание международного издательского пула для выпуска детективной литературы на разных языках мира. Казалось бы, уж если кто не обижен издателями, тирвжами и чита-

альную направленность. К сожалению, среди детвктивов, выходящих в Америке, да и не только в Америке, есть книги с расистским и шовинистическим душком, книги если и не воспевающие террористов, то во всяком случае любующиеся их «смелостью» и «самоотверженностью», книги, где каратели и жвртвы как бы меняются местами... Случается, что написаны такив книги с профессионвльной точки зрения довольно ловко, они занимвтельны, увлекательны... Это очень опасно. Так что социальный компас совершенно необходим.

Ю. С. Смею тебя заверить, что в детективной литврвтуре социалистических стран даже самые плохие авторы никогда не позволят себе ничего подобного. Но это не значит, что у нас нет своих проблем. Априорная заданность, схематизм, бегство от сложностей жизни, упрощенное представление о преступнике и корнях его преступлений, унылая назидательность, чрезмерный пиетет перед теми «идеальными героями», которые преступнику противостоят, конформизм, хотя, казалось бы, нет ничего более чуждого самой сути детективного жанра, чем конформизм, — словом, если я начну только перечислять все наши проблемы этого рода, места не хватит... Графомвнство неизбежно отражается не только в слове, но и в позиции. Чем может «подкупить» графоман? Тем, что его творенив имеет якобы какое-то «воспитательное значение» — воспевает то, «что нужно», призывает к тому, «к чему нужно», осуждает то, что действительно достойно осуждения. Литервтурная убогость и социальный примитив неразлучны.

Р. С. Ты надеешься поствить этому заслон с помощью журнвла?

Ю. С. И с помощью журнала тоже... Квк ты знаешь, ассоцивция уже имеет, пока только на испанском, свой печатный орган — наши кубинские друзья выпустили журнал «Энигма» («Загадка»). В планах ассоциации начать его выпуск на русском и других языках. Если эта мечта сбудется, мы получим международный литературный журнвл, где объединятся писатели различных идеологических установок, солидарные в главном: в необходимости средствами популярнейшего из жанров бороться с общими для всего человечеств недугвми — агрессивностью и жестокостью, фашизмом в любых его проявлениях, человеконенавистничеством, расовой и национальной нетерпимостью, терроризмом...

Р. С. Добввь сюда обязательно — с коррупцией, злоупотреблением властью, ограничением и унижением индивидуальной свободы. И, конечно, с такой общей бедой, как наркомания, спекуляция наркотиками, ставшая опаснейшим преступлением века.

Так что твои надежды на объединяющую и направляющую роль нашего журнала в развитии жанра и повышении его

стаом книг, которые они пишут, но и всеми другими доступными им способвми. Человек, в отношении которого допущен, скажем, судебный произвол, или жертва расовых гонений нуждаются в прямой, немедленной защите, а не только в том, чтобы беззаконие или расизм были осуждены вообщв, в принципе. Вот почему борьба за гражданские права во всем мире, которую мы хотели бы развернуть, представляется мне важнейшим делом, возвышающим, кстати сказвть, и наш жанр. Ведь сюжеты его, почерпнутые из жизни, замешены в буквальном смысле слова на крови, и смотреть на них просто как на литературный материал недостойно. Строго говоря, день, когда в жизни исчезнут сюжеты для детективных произведений, должен стать счастливейшим днем

ги наших коллег в Кении, Алжире, Танзании, в некоторых латиноамериканских странах, где детектива, по сути, не было. Нам предстоит помочь выходу этих писателей нв международную врену — им есть что рассказать миру об острейших социальных конфликтах в близкой им действительности. Я абсолютно уверен, что очень скоро мы будем читать детективы, написанные в Парагвае, потому что это трагическая страна.

Р. С. Мне тоже было бы интересно познакомиться с этой литературой. Но позволь мне сделать одно замечание. Мы еще непозволительно плохо знаем не только молодую, нарождающуюся литературу, но даже литервтуру с большими и заслуженными традициями, много сделавшую для развития жанра. Мешают политические барьеры, врвждебность, недружелюбие, идеологические стереотипы. Вспомни, что говорила в Ялте писательница из Японии Масака Тогава Что знают в этой стране из советских детективов? Два твоих старых романа «Петровка, 38» и «Огарева, 6» да вще «Отель «У погибшего альпиниста» братьев Стругацких. И все! А у нвс, в США? Советский детектив — это все рввно что литература другой планеты... Такая ситуация ненормальнв, она отголосок «холодной войны». Извини меня, но и в Советском Союзе положение не лучше. Рвальная картина западного детектива вашему читателю известнв плохо.

Ю. С. У нас издается популярнейшвя серия, представляющая целые страны: американский детектив, английский, итальянский, французский, японский, голландский, норвежский... Много зарубежных детективов печатают журналы.

Р. С. И, однако, немалая часть талантливой литературы этого жанра остается неведомой вашему читателю. Я думаю, оттого, что, разоблачая наши пороки, иные писатели делают это не с позиции низвержения, отрицания капитализмв, а оставаясь верными существующему строю. Мысль, что можно исправлять ошибки и даже преступления капиталистического строя, не меняя самого строя, мне кажвт-

но выписанными сценвми насилия, сексом, а то и откровенной порнографивй.

Р. С. Но насилие и секс не плод писвтельского воображения, а реальнвя действительность. Тем более для тех сторон жизни, которых касается перо автора детективов. Он просто точно отражает жизнь.

Ю. С. Способ отражвния жизни тоже зависит от писателя — от его культуры, деликатности, вкуса, нравственной чистоты. Быть фотографом и художником не всегда одно и то же. К тому же учти, что зарубежный детектив представлен у нас не только прозой, но и кинематографом, в основе которого тоже лежит чаще всего литература. В последнее время мы покупали очень большое число детективных лент, причвм не всегда первоклассных, что вызвало негативную реакцию критики.

Р. С. Не знаю, что именно вы покупали, но среди американских детективов есть, по-моему, фильмы превосходные, очень гуманные, честно выполняющие свою социальную миссию. Например, «Китайский квартал» с Джеком Николсоном и Фей Данауэй...

Ю. С. Твое замечание подсказало мне идею привлечь к работе нашей ассоцивции ведущих кинематографистов мирв, работающих в этом жанре. Ведь у нас, в сущности, общие задачи. И та же самая аудитория, к которой мы обращаемся.

Р. С. Очень хорошая идея! Завершвя нашу беседу, хочу тебв честно признаться: я ехал сюда с некоторым предубеждением, а уезжаю с чувством доверия и оптимизма. Мы так хорошо поработали...

Ю. С. ...неистово споря порой до утра!

Р. С. Если я не буду с тобой спорить, я тебе не друг. Но больше всего меня поразила мерв откровенности и ваших писателей, и ваших читателей, с которыми мы едва ли не ежедневно встречались и в небольших аудиториях, и в огромных залах. У ваших людей есть уверенность в своих силах, в своем будущем... Я желаю успехов в осуществлении ваших замыслов, ибо они во благо всем нам.

Записал **А. РОЗАНОВ**

Союз писателей, Ханой, Вьетнам

С глубокой скорбью узнали мы о кончине Нгуен Туана, выдающегося писателя и гражданина, давнего неизменного друга Советской страны, нашей литературы.

Повести и рассказы Нгуен Туана, отмеченные глубоким знанием человеческой души, проникновением в характеры и судьбы народа, его публицистика, запечатлевшая героические войны Сопротивления — с французскими колонизаторами, а затем с американскими империалистами и их марионетками, — а также всенародный подвиг созидания нового общества, переведены на многие языки народов СССР. Мы признательны ему за очерки и репортажи о нашей стране, эссе о Достоевском и Толстом, переводы рассказов Чехова, за сердечную теплоту, с которой встречал он советских писателей на земле Вьетнама. Символично, что рядом с вьетнамскими орденами Сопротивления и Независимости он всегда носил Ленинскую юбилейную медаль, которой наградило его наше Советское правительство.

Память о Нгуен Туане, подлинном мастере слова, коммунисте, страстном борце за мир и дружбу между народами, мы навсегда сохраним в наших сердцах. Просим передать искренние соболезнования его родным и близким.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, СОВЕТ ПО ЛИТЕРАТУРАМ ВЬЕТНАМА, ЛАОСА и КАМПУЧИИ

Слово о Нгуен Туане

В Ханое умер прекрасный писатель Нгуен Туан. Умер спустя считанные дни после своего 77-летия. Мне скажут, близость двух этих событий — радостного и горького, трагического, начала и конца — случайна. Что ж, резонно. Но сколько же было в его жизни несовместимых вроде бы противоречий — и в личной судьбе, и в книгах, написанных им.

Несовместимости... Один из самых «городских», точнее — ханойских писателей, был он уроженцем пригородной, близкой от Ханоя деревни Няимуи, в детстве вместе с семьей кочевал по далеким провинциям, учиться начал в Намдине... Книгочей и охотник до наук, был исключен из школы за участие в ученической забастовке. Он больше так нигде и не учился, но стал одним из самых образованных людей во Вьетнаме... Поступив работать на фабрику в Тханьхоа, начал писать и вскоре сделался известным журналистом, литератором... Сын знатока и учителя конфуцианского канона и китайской словесности, он стал писателем-новатором, сломавшим многие каноны и условности и открывшим новые, неведомые прежде изобразительные возможности родного вьетнамского языка... Все это было в конце 30-х — начале 40-х годов и описано им в переведенной на русский повести «Жизнь Нгуена».

Нгуен Туан восторженно принял в сорок пятом Августовскую революцию. Для него не было никаких колебаний, это была его революция, без которой он не мог представить себе будущее родного народа и свою собственную судьбу. Вот почему, когда французские колонизаторы напали на молодую республику, он вместе с последними защитниками Ханоя ушел в джунгли. Там, в партизанском крае, вступил он в партию коммунистов. В джунглях была создана Ассоциация культуры, сплотившая патриотические силы интеллигенции. Нгуен Туан стал ее генеральным секретарем. С репортерским блокнотом и передвижными театральными труппами исходил он нелегкие дороги войны, бывал в оккупированных врагом районах. И писал — быстро, на злобу дня, но, как всегда, превосходно. «Очерки Сопротивления и Мира» стали одной из лучших его книг и были отмечены высшей литературной премией... Спустя десять лет Нгуен Туан снова ушел на войну. Развязанная Америкой истребительная война с воздуха против Северного Вьетнама была тяжелой и долгой. Фронт проходил всюду, и с этого фронта писал свои репортажи Нгуен Туан.

Но главным для него был мир и созидательный труд. Он много ездил по стране, писал о крестьянах и геологах, рабочих, народных умельцах и моряках. Его увлекало становление новой жизни, новых человеческих характеров. Он призывал писателей быть правдивыми в каждом слове.

И еще одна «несовместимость». Старик Туан, исконный житель тропиков, очень любил снег. Он запомнился мне стоящим посреди площади Маяковского в Москве с ладонью, раскрытой навстречу падающим снежинкам... Он часто бывал у нас, писал о Москве и Ленинграде, Волгограде, Одессе, Риге. Его любимыми писателями были Гоголь и Чехов, Толстой, Достоевский. Помню, как перечитывал он булгаковского «Мастера»... Он дружил с многими нашими писателями и поэтами. Ханойский дом его — и в военные, и в мирные годы — всегда был открыт для нас.

Книги его будут жить долго, придут в города и страны, где был или мечтал побывать Старик Туан, и одарят людей особым, присущим ему свойством — талантом человеческого общения, счастьем познания жизни.

Мариан ТКАЧЕВ

СТЕНГАЗЕТА «КЛУБА ДС»

РОГА И КОПЫТА

● НОВОЕ В ОБСЛУЖИВАНИИ
В городе Суреяиске открыто иовое видеокафе. Теперь каждый посетитель может заказать любое блюдо, и его тут же покажут ему по видеомагнитофону.

Вадим ДАБУЖСКИЙ

● РЕКОРД ДЛЯ ЗАКРЫТЫХ ПОМЕЩЕНИЙ
Легкоатлетический маиеж «Стрела» вот уже двеиадцатый год закрыт иа замок.

● В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ
В условиях экоиомического эксперимеита живет семья Караидашовых. Всеми домашними делами, включая уборку квартиры и приготовление обеда, заиимается глава семьи, а его жена Валеитина платит ему за это очаровательной улыбкой.

Ар. БУЗОВ

КРАСНАЯ КНИГА «КЛУБА ДС»

● Педагогический мужской коллектив.
● «Театр уж полон; ложи блещут...»

Л. ЛЕОНИДОВ

гор НИКОЛАЕВ

● Такеист, дающий сдачу с рубля.

Сергей ШЕЛЕСТ

ПЕРВОМАЙСК Николаевской обл.

● Неходовой товар под прилавком.

М. КОВАЛЕВ

ТАШКЕНТ

● Обмеи трех комиат на две без доплаты.
● Выделеиие квартиры вне очереди за иелицеприятиую критику иачальства.

И. ГАУХМАН

ХЕРСОН

● Три года дружбы до свадьбы.
● «Диск-жокей» с музыкальным обр?зованием.

В. МИЛЮТИН

с. ГЛЯДЯНСКОЕ Кургаиской обл.

АФОНАРИЗМЫ

● *Не откладывай на завтра то, что можно иотратить сегодня.*
● *Гора с плеч может свалиться только у атлантов.*

Я. КАЛЛЕР

Михаил КОЛОСОВ

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

НОВИНКА

**ПАСПОРТ-ИНСТРУКЦИЯ
нв издалие
МОЛОТОК ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ «СИЛЬВА»
МЭ—IЖ—280-06-54-86**

§ 1. Общна сведання

Молоток универсальный злектричаский женский МЭ—IЖ «Сильвв» нвдежен в зксплуатации и удобен в рвботе, незаменимый спутник во время отдыха.

Молоток МЭ—IЖ «Сильвв» обеспечивает все виды домвшних работ, очень зкономичен, в короткое время становится настоящим другом семьи, а потом и прекрасным семьянином.

Наша «Сильвв» универсвльна — ею можно забиввть, выбивать, разбивать, бить, убеждвть, загибвть, рвзгибать, колотить, звколачиввть, выколачивать, стучать, грозить, ее можно бросать, поднимвть, клвсть под подушку во врамя бессонницы, брать нв прогулку, использовать вместо гантелей.

«Сильвв» рвссчитвна на номинальное нвпряжение от 127 до 1000 в. Потребляемвя мощность — не более 400—800 вт. Крутящий момент мвксимвльный возле ухв при 20—30 об/мин, двН·м (кгс·м), где м = 1 женской силе — 19,0 (19,0).

Помните! Не допускается применять молоток при напряжении до 36 в и присоединительные проаода с сопротивлением изоляции 800 мом при переменном токе частотой 50 гц.

Прежде чем пользоаться «Сильвой», внимвтельно изучите, а еща лучше — аыучите зто краткое, всего в 50 стрвниц, описание изделия и паспорт-инструкцию по его зксплуатации.

При покупке молотка требуйте отметки магвзином в паспорте и талонах гарвнтийного ремонта даты продажи «Сильвы», заверанной штампом мвгазина: фамилию, имя, отчество, год рождения, самейное положение, обрвзование и другие двнные продавца, завереиные круглой печатью.

§ 2. Назначениа

Электрический молоток «Сильвв» аыпущен специально для вас, дорогие женщины, к дням строителя, 8 Мврта и другим праздникам, когдв ввм преподносят ценные подарки, а также ко дню аашего рождения, о котором, как правило, всегдв забывают.

§ 3. Техничеехвя характаристнка

Молоток зтот был новинкой векв аще в доисторические времена. Наше производственное объединение долго трудилось над его модернизацией и добилось немалых успехов. Мы присобачили к обыкновенному молотку злектрический шнур, назвали его «Молоток злектрический женский МЭ—IЖ—280-06-54-86», окрестили его звучным опереточным именем «Сильва», присудили ему Знвк качества и аыпустили как новинку XX аека.

Надеемся, усилия нашвго огромного коллектива — конструкторов, инженероа, техников, рабочих и служащих не пропали двром: молоток «Сильва» пришелся аам по руке.

**ПРИВЕТСТВУЕМ ВАС
С ПРАЗДНИКОМ
ЭТИМ МОЛОТКОМ!**

§ 4. Краткое опнсаниа

Молоток злектрический женский МЭ—IЖ «Сильва» состоит из металлического круглого набалдашника, который в свою очередь состоит из плоского круглого обушка, похожвго нв поросячий «пятачок», и из сточенной на нет затылочной части, считая лицевой частью круглый поросячий «пятачок». В центре набалдашника имеется овальное отверстие, в которое вдета деревянная, плохо оструганная ручка. К нижней части зтой ручки двумя клеммами присоединен злектрический шнур с электроаилкой на конце, рассчитанной на нвпряжение 220 вольт.

§ 5. Прваила пользования н эксплувтацин

Несмотря на электрический шнур, молоток «Сильва» действует так же безотквзно, как и тот его собрат из каменного века. С нашай «Сильвой» вы смело можете идти нз охоту на мвмонта или пещерного медавдя, или колоть орехи, или ремонтировать дом.

Молоток «Сильва» надежен!

Если электрический шнур вам мешает, вы можете его легко обрезать, тем более что его функция чисто декоративная.

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ электровилку вставлять в розетку, так квк при зтом может произойти короткое замыкание.

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ молотком «Сильва» выяснять отношения с мужем. Ни в коем случае не бросайте его а мужнину голову — в зтом случаа молоток обладает свойстаом бумерангв: если вы случайно промахнетесь, он вернется к вам.

§ 6. Хрананна н уход за нзделнем

Чтобы молоток «Сильвв» служил вам долго и верно, как зто делвет ааш муж, храните его, как и мужа, только на мягкой подушечке, которая придается вместе с покупкой. Рекомендуется хранить молоток а спвльной комнвте при темпвратуре не ниже +20° С и не выше +23,5° С при алажности воздуха не более 63 процентов и атмосферном давлении не ниже и не выше 992 гектопвскалей.

На ночь смвзывайте «Сильву» слиаочным мвслом, предварительно обтереа еа мягкой тканью, смоченной в чистом питьевом спирте. Особенно обильной смвзки требует ее лицевая, то есть ударнвя, чвсть и затылочнвя, то есть — задняя.

Храните «Сильву» в местах, недоступных детям!

§ 7. Гарантня завода - нзготовителя

Завод-изготовитель никакой гврантии не дает. Все претензии по металлической части молотка, в именно — по его набалдашной части следует предьявлять Главтяжмашчерметпрому, а по деревянной части, то есть по неоструганной ручке, претензии направляйте а Главлесбумпромбыт (экспортный отдел) Занозу из рук ввм могут удалить в хирургическом отделении Института скорой помощи имени Склифосовского в Москве нв Свдовом кольце.

§ 8. Рамонт

Мастерские гарантийного ремонта молотка «Сильвв» открыты во всех областных и районных городвх, а твкже а посёлках городского и сельского типа. Талоны на гарантийный ремонт молотка прилагаются.

§ 9. Перспектиаы

Творческвя мысль нашего коллектива не стоит на месте. Уже теперь мы разрабатыааем новый тип молотка, который явится новинкой в следующем тысячелетии: молоток злектронный женский МЭ—2Ж—280-06-54-2000 «Мврица» — на батарейках. Сейчас мы преодолеааем глввную трудность а рвзработке зтой модели — высверливание гнезда для батареек в задней чвсти деревянной ручки.

§ 10. Комплектиость

Молоток в сборе	1 шт.
Шнур запасной	1 шт.
Паспорт-инструкция в 50 страниц	1 шт.
Коробка упакоаочная	1 шт.
Бумага оберточная	1 лист
Нвклейка на коробке	1 шт.
Веревкв упаковочная	1 метр
Узел на веревке	1 шт.

Примечвние: Веревка заводом-изготовителем применяется двух типов — пеньковая и капроновая. Требуйте от продавца веревку по своему акусу!

§ 11. Свндетальстао о прнемка

Молоток алектрический женский «Сильвв» МЭ—IЖ—280-06-54-86 изготовлен а соответствии с требованиями ТУ 27-09-514-1913 и эталоном-образцом ИЛ-18-013-1861 и проверен ОТК и признан годным к экспяуатации во всех климатических зонах земного шара и в космосе.

§ 12. Габариты н вас изделия

Габаритные данные молотка МЭ—IЖ «Сильва» (в метрах) — 0,50 × 0,18 × 0,06 × 0,06.

Вес «Сильвы» без принадлежностей и упаковки	— 5,00 кг
Вес упвковки	— 0,9 кг
Вес шнура электрического	— 0,1 кг
Общий вес с упвковкой	— 11,00 кг

§ 13. Цена нзделня

Розничная цена молоткв злектрического женского универсвльного МЭ—IЖ «Сильвв» . . . . . . 123 руб. 57 коп

Цена для жителей I пояса	123 руб. 59 коп
Цена для жителей II пояса	123 руб. 61 коп.
Цена для жителей III поясв	123 руб. 62 коп

Оптовая цена — по прейскуранту.

§ 14. Нвша блвгодарность н ложалания

Благодарим за оказанное доверие! Надеемся, что наша «Сильвв» будет верно и надежно служить вам, вашим детям, внуквм, првнукам при услоаии правильного обращения с нею.

Любовь ВОРОПАЕВА

ПАРНАС «КЛУБА ДС»

РЕДАКТОР

— Ждите, — говорит редактор, —
ждите,
Ждите, и наступит ввш черед.
Не звоните и не торопите,
Впрочем, лозаоните через год...

Здесь у нвс — до ужаса маститых,
Всяк из них и тому ж лауреат.
И, прошу, не нужно слов сердитых,
В этом я совсем не аиноват.

...Дв, литервтура — не игрушки!
И для иас, конечно, не секрет,
Что никто из иих, увы, не Пушкин...
Но асего ввжией вворитет!

Мвло среди иих свмокритичных,
Их порой не хочется читать...
Даже для сведенья счетов личных
Кое-кто использует печать...

Ну и что! Зато я в кресла этом
Отдыхаю сердцем и умом!
Был и я взъерошенным поэтом,
Поумнел, как видите, потом...

Нет проблем...
По вторникам — заказы:
то лосось, то шпроты, то икра.
Поумнел я, зивете ль, не сразу,
Но пришла, как видите, пора...

С вами я сегодня откровенен,
Просто ивк ни с кем и иикогдв,
Оттого что ввше вдохиовенье
Мне вернуло юные года...

Черт возьми лесв служебных лестниц!
Ох, ивк рвзболелась голова...
Ладно уж, звоните через месяц.
...Или лучше все же через два!

ЧУДАКИ

В. ДУБОВ

Действующие лица:
ЛЮБЕР ВАСЯ
ПАНК СЕРЕЖА
РОКЕР-МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО

МИНИСТР (*мрачно*). Дв.
РЕЖИССЕР. Бывает. (*Испуганно*). Это меняет дело. Начинаем сначала, прошу вас!

ДОРОГУ МОЛОДЕЖНЫМ ПРОБЛЕМАМ!

то). И в этом, конечно,

ПЕРЕСМЕШНИК

о любви, о будущем, как вы смотрите на мир, кос-

ЛЮБЕР ВАСЯ (*с душой*). Да мы-то готовы, мы че, я гарантирую...
РОК - МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО. Главное— четко и смело поставить

СЦЕНА ПЯТАЯ.
ХОР (*на мелодию из «Модерн токинг»*):
Молодежные проблемы
Обсуждаем смело мы
Непосильной нету

пущен специально для вас, дорогие женщины, к дням строителя, 8 Марта и другим праздникам, когда вам преподносят ценные подарки, а также ко дню вашего

что его функция чисто декоративная.

НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ электровилку вставлять в розетку, так как при этом может произойти короткое замыкание.

§ 9. Перспективы

Творческая мысль нашего коллектива не стоит на месте. Уже теперь мы разрабатываем новый тип молотка, который

деемся, что наша «Сильва» будет верно и надежно служить вам, вашим детям, внукам, правнукам при условии правильного обращения с нею.

ЧИТАЛКА «КЛУБА ДС»

ФУТБОЛ И ВОКРУГ

Спорт! Футбол! Это радость, и... здоровье, и... культура, и... А какая это неисчерпаемая тема! Сколько здесь, на футболе, родилось блестящих изречений, ставших крылатыми. Например, такая сакраментальная фраза, утвердившаяся, несмотря на яростную критику дилетантов: «Ничего не оставалось, как нарушить правило».

В поисках подобных фраз и мыслей я, сидя в вагоне метро, обратился к только что вышедшему в «Библиотеке «Крокодила» под редакцией А. Пьянова сборнику «Вокруг мяча», который составил и оформил Н. Елин. Читаю страницу за страницей, а их все нет и нет! Оказывается, и о футболе можно писать так здорово, что и ворчунам места не остается.

А подобранный коллектив авторов?! Я решил выделить из них двух-трех, затем перечислил пять, десять... Нет, думаю, столько нельзя. Стал потихонечку вычеркивать фамилии из своего золотого списка. Но кого? Ильфа и Петрова? Я. Гашека? Л. Кассиля? Затем, озираясь, вычеркнул М. Жванецкого и А. Иванова. Потом, рассуждал вслух, стал вычеркивать Л. Яшина и А. Старостина.

«Впечатляет» тираж. Говорят, что его отпечатали для продажи на стадионе во время какого-то матча. Так поверите ли, чуть ли не всем хватило!

Как было бы хорошо любовь к футболу, физической культуре воспитывать на уровне этой книжки, промелькнувшей, к сожалению, мимо 99 процентов спортсменов и болельщиков, как мимо вратаря мяч, вколоченный пушечным ударом в ворота и прорвавший сетку.

В. ЧЕРКЕСОВ

ДОРОГУ МОЛОДЕЖНЫМ ПРОБЛЕМАМ!

ПЕРЕСМЕШНИК

М. ГОЛОВАНИВСКАЯ

Телепередача в 5 сценах

Действующие лица:

ЛЮБЕР ВАСЯ
ПАНК СЕРЕЖА
РОКЕР-МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО
МИНИСТР
МАМА И ПАПА
ХОР
РЕЖИССЕР
DEUS EX MACHINA.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

МИНИСТР. Что с тобой, Васенька?

ЛЮБЕР ВАСЯ. У меня проблемы.

МИНИСТР. Какие?

ЛЮБЕР ВАСЯ. Молодежные.

РЕЖИССЕР. Хорошо, убедительно. Вася, ты достоверен.

ЛЮБЕР ВАСЯ. Так я же настоящий, хотя многие не верят.

РЕЖИССЕР. Так, может, и министр настоящий?

МИНИСТР (*мрачно*). Да.

РЕЖИССЕР. Бывает. (*Испуганно*). Это меняет дело. Начинаем сначала, прошу вас!

МИНИСТР (*угрожающе*). Ну, что скажешь, Вася? Ты любер?

ЛЮБЕР ВАСЯ. Да, я любер. Я хочу говорить о своих молодежных проблемах.

РЕЖИССЕР. МИНИСТР, ПАПА, МАМА, ОСВЕТИТЕЛИ, ТЕЛЕЗРИТЕЛИ (*хором*). Говори, Вася!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПАНК СЕРЕЖА. Я тоже говорить хочу.

ЛЮБЕР ВАСЯ. Ух, я тебе! (*Режиссеру*). Нам с Сережей по сценарию положено друг друга не любить. У нас обнаруживается острая разница молодежных проблем.

МИНИСТР (*виновато*). И в этом, конечно, наша общая вина...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

РЕЖИССЕР. Так! Камера наезжает! Глаза, глаза крупным планом!

РОК-МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО. Мы давно, уже двадцать лет, ждали, когда нам дадут сказать о наших проблемах. И вот час пробил: мы можем свободно говорить. Вот, например...

МИНИСТР (*виновато*). И в этом, конечно, наша общая вина...

ПАПА И МАМА. С тех пор, как у наших детей и внуков появилась возможность говорить о молодежных проблемах, они решительно изменились. Их совершенно нельзя узнать.

ЛЮБЕР ВАСЯ. Кого?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

РЕЖИССЕР. Товарищи! Ну, по вас или по вам, черт разберет... в общем, ну ведь не видно же, что вы двадцать лет ждали!!! Ну, а теперь чего ждали, того дождались! Говорите! Все что угодно! Все что хотите! Начали! Вася! Сережа! Ну, что вы думаете, скажем, о жизни, о любви, о будущем, как вы смотрите на мир, космос, Вселенную?!

ЛЮБЕР ВАСЯ (*отчаянно*). У меня проблемы.

РЕЖИССЕР (*воодушевленно, с надеждой*). Какие?

МИНИСТР. Молодежные...

ПАНК СЕРЕЖА (*агрессивно обращается к министру*). А вы-то сами, что там у вас о жизни, любви, дружбе, об этом, как его, Вселенной?

МИНИСТР (*всполошившись*). В этом, конечно, наша общая вина. Но мы откроем, разрешим, увеличим, хотите — будет, со временем, я тоже был молодым!

ПАНК СЕРЕЖА. Вот это правильно.

ЛЮБЕР ВАСЯ (*с душой*). Да мы-то готовы. мы че, я гарантирую...

РОК-МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО. Главное — четко и смело поставить проблему.

МИНИСТР. Молодежную проблему.

РОК-МЕТАЛЛИСТ ИНКОГНИТО. Да, вот, например, как дело было с музыкой...

ЛЮБЕР ВАСЯ (*агрессивно*). А при чем здесь музыка? Нам по сценарию о глобальных проблемах говорить надо.

ПАПА И МАМА. Какие они все-таки стали взрослые! Как они наконец-то стали на нас похожи! Не внешне, конечно. Внутренне. Вы только послушайте, как они говорят о своих проблемах!

МИНИСТР. Молодежных проблемах.

РЕЖИССЕР. Да.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ХОР (*на мелодию из «Модерн токинг»*):

Молодежные проблемы
Обсуждаем смело мы
Непосильной нету
темы
Наши смелые умы.
Мы расскажем
всем на свете
Про проблемы молодых
Непосильной темы нету
Наши смелые умы!

МИНИСТР (*воодушевленно*). Не бойтесь, ребята! Первый шаг уже сделан! На следующей неделе, в ночь перед пасхой, по телевизору будут рок-группа «Европа» и Стиви Джексон!

ЛЮБЕР ВАСЯ. Ура!

ПАНК СЕРЕЖА. Ура!

ПАПА, МАМА, ОПЕРАТОРЫ, ОСВЕТИТЕЛИ, РЕЖИССЕРЫ, ТЕЛЕЗРИТЕЛИ. Ура!

МИНИСТР (*устало*). Ура!

DEUS EX MACHINA. Всем мороженого!

Христо ПЕЛИТЕВ

ИЗ СБОРНИКА «СКАЗКИ О ЛЮДЯХ И ЖИВОТНЫХ»

1. ПРО БАБОЧЕК

Однажды бабочка сказала гусенице:

— Какая же ты уродливая. Вон сколько у тебя ножек!

— Твоя правда. Ты, конечно, красивее меня, — ответила гусеница. — но не забывай, что и всякая бабочка прежде бывает гусеницей...

Вот бабочки и не выносят гусениц: родословная глаза колет.

2. АНГЕЛ

Увидели люди однажды, как дьявол поет в хоре ангелов. И, премного удивившись тому, спросили: вправду ли они видят дьявола среди ангелов?

— Какой это дьявол? — отвечали им. — Это же ангел!

— Откуда же может взяться ангел? — пришли в изумление люди. — Ведь дьявола всякий из нас знает.

— Раз в божьем хоре поет, значит, он ангел и есть, — сказано было им.

С тех пор дьявол, поющий в хоре господнем, почитается за ангела.

3. АПЛОДИСМЕНТЫ

Давным-давно это было. Повстречали как-то люди человека, хлопавшего в ладоши. И было им это в диковинку.

— Ведь руки даны для работы. Чего ради ты ими хлопаешь? — спросили они.

— Если руками работать, то получишь меньше, — отвечал человек.

Тогда некоторые последовали его примеру и научились громко хлопать в ладоши.

4. МУХА И ПЧЕЛА

Муха сказала пчеле:

— Чего ради вы, пчелы, всю жизнь маетесь, мед собираете? Ведь люди у вас его отнимают и пробовать не дают.

— Не для меда мы трудимся, — отвечала ей пчела. — А чтобы жить.

— И что они вам взамен оставляют, когда съедят мед? — не унималась муха.

— Они нам оставляют улей. Мы и трудимся за это! А вы, мухи, живете лишь для себя, но зато и нет у вас дома, где бы вас ждали.

5. О ШУТКАХ

Один человек придумал хорошую шутку про государя. Но раньше, чем шутка дошла до царских покоев, человека повесили.

— За что его повесили? — вопрошал государь. — Не я ли запретил вешать народ за плохие шутки обо мне?

— За плохие шутки мы и не вешаем, — последовал государю ответ. — Шутка-то была хорошая...

С тех пор за хорошие шутки в этом царстве людей стали вешать.

6. ПРО ХИТРОГО ПЕТРА И ХОДЖУ НАСРЕДДИНА

Жаловались как-то господу люди, что цари и вельможи не говорят им всей правды. И спросили они: отчего так?

— Оттого, что назначенные мною на землю цари и вельможи говорят только половину правды, — ответствовал господь.

— А другую половину откуда мы узнаем, господи? — взмолились люди.

— Другую половину услышите от Хитрого Петра и Ходжи Насреддина, — изрек господь.

Ведь еще тогда Хитрый Петр и Ходжа Насреддин добавляли кое-что к тому, о чем господа говорили.

Перевела с болгарского Татьяна ЮРКОВА

ПЕРЛЫ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЧМО И ДРУГИЕ

Неологизм ЧМО (не путать с НЛО!) впервые появился на страницах альманаха «Огни Кузбасса» (№ 2, 1987, апрель—июнь), в рассказе Александра Легчило «Мы играли вместе»:

«— Что-что ты сказал? ЧМО несчастное! — парень качнулся» (стр. 91).

В наш век космических скоростей повышается в цене медленное, обстоятельное чтение. Мы расшифровываем аббревиатуру ЧМО именно так: Чтение Медленное, Обстоятельное. Оно позволяет вскрыть такие красоты текста, которые пропадают при быстром и невнимательном чтении. Начнем ЧМО с упомянутого альманаха (редактор Виктор Баянов).

* * *

«Многие годы, несмотря на постоянный приток свежих сил, Кемеровская писательская организация не росла численно, тяготея к роковой цифре — 13» (стр. 7).

«Давно ли, казалось, новокузнечанин Павел Майский был студентом СМИ, ходил в молодых поэтах... И вот он на рубеже жизненной и творческой зрелости».

«Посдирали калинники
бульдозером
(Он, бедняга,
в ту пору цвел)
И в конце огородов,
над озером,
Каждый жлоб
свой сортир возвел!..»

«Круша рублем,
разя духами «Ванда»,
Идя в курортный
яростный поход,
Лечите нервы
в Лермонтовских
ваннах
И парьте кости
грязью Кавминвод...»
(стр. 13)

«...весь год с уст Павла Ивановича Думко не сходила недоуменно-насмешливая фраза: «Убей меня гром, не понимаю, зачем им, шахтерам, твой Шопен». В последнем слове он непременно заменял «ш» совсем другим шипящим звуком — для пикантности» (стр. 16).

«...Когда все в мире
затихает,
то незаметно,
постепенно
рассвет, как чайник,
закипает,
разбрызгивая
птицепенье»
(стр. 89).

«Но если он пил, то средних границ для него не существовало» (стр. 90).

«— Чуваки, еще раз такое будет, весь гарнир по фэйсу размажу, — однажды робко сказал Борис».

«Как-то через весь зал, нога за ногу, шел парень» (стр. 91).

«К нам шла Наташа... Впереди большой живот и где-то сзади ноги» (стр. 94).

«— Пушкина Витя знает... тут он меня, может, и пересилит... — И в глазах зажигается хитринка. — А так... не сдюжит!»

«Образование, по-моему, вредит тем из нас, кто невольно усваивает внешние приметы духовной культуры...» (стр. 108).

«И в эстетике отношения к женщине, как и во всем, Валентин Махалов верен здоровому народному духу... В жизни он может сказать ух как по-крестьянски смачно. Но когда захихикают «копытные» обрадованно, как своему, засмакуют, добираясь до святого, — из-под набыченного лба сверкнет медвежий огонек:

— Пора им делать укорот!..» (стр. 111).

«Со времен Древней Греции, а может, раньше, в традиции поэта было стихотворение-памятник — символ духовного труда. Есть такое стихотворение и у Валентина Махалова...» (стр. 112).

Э. ИОДКОВСКИЙ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А — 04753

Газета передана в Целиноград по фототелеграфу. Отпечатана типографией издательства Целиноградского обкома Компартии Казахстана. Зак. 801 ИНДЕКС 50067